

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 20 (4) 2023

IPL INSTITUTE of
&L PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★Пи
Екатеринбург – 2023

«ДИСКУРС-ПИ»
Т. 20. №4
Декабрь 2023

Издание посвящено
300-летию Российской академии наук

**Научный журнал
Издается с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:
Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 27.01.2024 г.
Формат 70x100 ³/₁₆
Усл. печ. л. 15,63
Тираж 500 экз.
Заказ № 229

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софии Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

*Российская Академия
Наук*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Адилбек Еркембаев – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллах – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Актуальный перечень специальностей следующий:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки),
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

С октября 2020 журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

С мая 2021 журнал включен в ядро РИНЦ (RSCI) – Российский индекс научного цитирования

DISCOURSE-P
Vol. 20. No 4
December 2023

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on January 27, 2024
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 15,63
Issues – 500
Order # 229

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru

When cited the reference to the Journal
is obligatory

The authors are requested to adhere
to the academic style

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

*Russian Academy
of Sciences*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Adilbek Yermekbayev – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasilii Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses.

The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**Since October 2020, the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

**Since May 2021, the journal has included in the core of the RSCI –
the Russian Science Citation Index**

Т. 20. № 4

Дискурс политики памяти

Поршнева О. С.

Ценностный смысл войны в российском дискурсе 1914 года
и современная политика памяти 8

Тропы метода

Русакова О. Ф., Русаков В. М., Моисеенко Я. Ю.

Приключения Царства Разума в стране большевиков 26

Гиж А. В.

Самоинтерпретация отчуждения как ключ к самопознанию духа 47

Бреслер М. Г.

Когнитариат. Специфика формирования и перспективы развития в России 65

Талагаева Д. А., Антюхова Е. А.

Европейское пространство финансирования научных исследований:
структура и взаимодействие акторов 82

Парадигмы и процессы

Батуренко С. А.

Политическое неравенство мужчин и женщин
в истории социально-политической мысли России
(М.И. Михайлов, С.Н. Южаков, Л.И. Петражицкий, М.М. Ковалевский) 97

Бахлова О. В., Бахлов И. В.

Репрезентация патриотической тематики парламентскими партиями России
(по материалам официальных сайтов) 114

Панкевич Н. В.

Международное правосудие: проблема политической субъектности
и кризис легитимности 139

Моисеенко Я. Ю.

Дискурс конформизма в вопросе международной интеграции:
между реализмом и либерализмом 162

Рецензии и обзоры

Грибовод Е. Г.

Многообразие форм современной гуманитарной дипломатии:
опыт интерпретаций 177

Vol. 20. No 4

Memory Policy Discourse

Porshneva, O. S.

The value meaning of the war in the Russian discourse of 1914
and the modern politics of memory 8

Tropes of Method

Rusakova, O. F., Rusakov, V. M., Moiseenko, Y. Yu

Adventures of the Kingdom of Reason in the Land of Bolsheviks.....26

Gizha, A. V.

Self-interpretation of alienation as a key to spirit's self-knowledge47

Bresler, M. G.

The cognitariat. Specifics of formation and prospects for development in Russia.....65

Talagaeva, D. A., Antyukhova, E. A.

European Funding Area: Structure and interactions of actors82

Paradigms and Processes

Baturenko, S. A.

Political inequality between men and women
in the history of Russian socio-political thought
(M.I. Mikhailov, S.N. Yuzhakov, L.I. Petrazhitsky, and M.M. Kovalevsky)97

Bakhlova, O. V., Bakhlov, I. V.

Representation of patriotic themes by parliamentary parties of Russia
(based on the materials of official websites) 114

Pankevich, N. V.

International justice: The problem of political actorness
and the crisis of legitimacy 139

Moiseenko, Y. Yu.

Conformity discourse in the issue of international integration:
Between realism and liberalism 162

Book Reviews

Gribovod, E. G.

The variety of forms in modern humanitarian diplomacy:
Different interpretations 177

ЦЕННОСТНЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ 1914 ГОДА И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Ольга Сергеевна Поршнева,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
o.s.porshneva@urfu.ru

Получена 17.07.2023.

Поступила после рецензирования 16.08.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Поршнева О. С. Ценностный смысл войны в российском дискурсе 1914 года и современная политика памяти // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 8–26. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_8

Аннотация

Статья посвящена исследованию преемственности ценностных оснований российской идентичности, их репрезентаций в периоды войн в общественно-политическом дискурсе и политике памяти. В качестве методологии рассмотрения проблемы предлагается обновленная версия цивилизационного подхода, достижения *memory studies* и политологии в изучении политики памяти и ее взаимосвязи с национальной идентичностью. Исследован общественно-политический дискурс 1914 г., отражающий понимание целей, смысла борьбы России с Германией и ее союзниками в условиях начавшейся Первой мировой войны. Обосновано, что война виделась как противостояние ценностей, борьба с антихристианскими тенденциями Запада, воплощенными в политике Германии. Показано использование в политике памяти в 1914 г. образов Отечественной войны 1812 г., прошлых войн с «тевтонами» для обоснования освободительной миссии России. Проанализировано исполь-

© Поршнева О. С., 2023

зование образов Первой мировой и других войн в современной политике памяти. Показана ее активизация с 2022 г. Как и в 1914 г., борьба России репрезентируется как противодействие порожденному Западом злу, защита истинных христианских ценностей. Но в отличие от дискурса 1914 г., в котором Германия репрезентировалась как воплощение перерождения Запада, а Россия входила в коалицию западных держав, в современном дискурсе позиция объединенного Запада представляется как результат его перерождения. Общее и различия в дискурсах 1914 г. и современности подтверждают связь истории с актуальным настоящим, «задающим вопросы» прошлому, преемственность базовых элементов ценностной структуры российской цивилизации и национальной идентичности.

Ключевые слова:

дискурс 1914 г., ценностный смысл войны, Россия, Запад, политика памяти, современная политика памяти.

UDC 32

DOI: 10.17506/18179568_2023_4_8

THE VALUE MEANING OF THE WAR IN THE RUSSIAN DISCOURSE OF 1914 AND THE MODERN POLITICS OF MEMORY

Olga S. Porshneva,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
o.s.porshneva@urfu.ru

Received 17.07.2023.

Revised 16.08.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Porshneva, O. S. (2023). The value meaning of the war in the Russian discourse of 1914 and the modern politics of memory. *Discourse-P*, 20(4), 8–26. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_8

Abstract

The article reveals the continuity of the value foundations of Russian identity, their representations in periods of war in the socio-political discourse, and the politics of memory. The methodology proposed for addressing the issue is an updated version of the civilizational approach, drawing on the insights gained from *memory studies*

and political science in the research of the politics of memory and its interconnection with national identity. The socio-political discourse of 1914 is examined, reflecting the understanding of Russia's goals and the meaning of its struggle against Germany and its allies during the onset of the First World War. It is argued that the war was seen as a confrontation of values, a struggle against the anti-Christian tendencies of the West embodied in Germany's politics. The use of images from the Patriotic War of 1812, past wars with the "Teutons" to justify Russia's liberating mission is shown in the politics of memory of 1914. The use of images from the First World War and other wars in the modern politics of memory is analyzed. Its intensification since 2022 is highlighted. Similar to 1914, Russia's struggle is represented as resistance to the evil spawned by the West, the protection of true Christian values. However, unlike the discourse of 1914, where Germany was portrayed as the embodiment of Western degeneration and Russia was part of the coalition of Western powers, in the modern discourse, the united position of the West is presented as a result of its degeneration. The commonalities and differences in the discourses of 1914 and the present confirm the connection between history and the current reality, "posing questions" to the past, and the continuity of the basic elements of the value structure of Russian civilization and national identity.

Keywords:

Discourse of 1914, value meaning of war, Russia, the West, politics of memory, modern politics of memory.

Введение

Актуальность проблематики мемориализации Первой мировой войны в современных условиях определяется не только научными обстоятельствами (Артизов и др., 2014, с. 8), но и новыми общественными запросами, обусловленными, в частности, противостоянием России и Запада. В чем причины их повторяющихся столкновений в ходе двух мировых, наполеоновских, Крымской войн? Таким вопросом задаются публицисты, политологи, общественные деятели, апеллируя к исторической памяти о войнах, в том числе Первой мировой, к образам прошлого. Историкам, в свою очередь, важно понять, как представляется борьба России с внешними врагами в современной российской политике памяти, каковы элементы преемственности между синхронными и актуальными трактовками этого противостояния, каковы объяснения данной преемственности.

Методологической основой научного осмысления обозначенных проблем может стать, на наш взгляд, обновленная версия цивилизационного подхода, предлагаемая А.В. Лубским. Автор разработал коммуникативно-герменевтическую концепцию локальных цивилизаций как новое теоретико-методологическое основание их исследований, обосновал параметры локаль-

ной цивилизации. Среди них выделен спатильный параметр, предполагающий не только определение ареала цивилизации, но и выявление особенностей символического универсума, или единого нормативно-ценностного пространства, основаниями которого выступают религия, культура, идеология, государственность. Эти основания, называемые «цивилизационной матрицей», отмечает автор, задают базовые принципы социальных взаимодействий внутри локально-исторической общности, ее отношений с окружающим миром и природной средой. Тем самым цивилизационная матрица объединяет локально-историческую общность в единое целое и делает ее уникальной (Лубский, 2016, с. 68).

Другим теоретическим арсеналом, оснащающим исследователя политики памяти и идентичности, является совокупность достижений *memory studies*. Так, А. Ассман подчеркивает возможность «переформатирования» образа прошлого с помощью инструментария политики памяти, что связано с самой природой коллективной памяти, которая «на самом деле не память, не воспоминание, а условность, конвенция, соглашение: вот это важно, и вот это и есть история о том, как это случилось, с иллюстрацией в виде картинки, закрепляющей эту историю в нашем сознании» (Ассман, 2014, с. 27). При этом аффективное усвоение собственной истории через исторический миф, как отмечает А. Ассман, является одним из наиболее эффективных инструментов конструирования идентичности сообществ (с. 39).

Изучение политики памяти в отношении Первой мировой войны на материалах России, Франции, Великобритании и Германии показало, что она является важнейшим механизмом формирования представлений об этом эпохальном событии, за счет использования ее акторами стратегий концептуализации, комеморативных, в том числе юбилейных, практик (Поршнева, 2020).

Исследование взаимосвязи политики памяти и политики идентичности, предпринятое О. Ф. Русаковой, позволяет сделать вывод о дискурсе государственной политики памяти как основополагающем факторе формирования российской национальной идентичности (Русакова, 2023). Определение автором государственной политики памяти в качестве «сложно структурированной и динамично действующей системы механизмов, производящих конструирование в массовом сознании представлений о ценностном характере общего для россиян исторического прошлого» дает возможность понять ее роль в выработке мировоззренческих и духовно-нравственных установок, образующих в своей структурной целостности российскую идентичность (с. 47).

Исследователи памяти обращают также внимание на невозможность произвольного конструирования образов прошлого и на их природу, обусловленную исторической культурой обществ. Эта культура, как отмечает Л. П. Репина, не только порождает и питает официальное историописание эпохи, подвергаясь его обратному воздействию. Она состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и ненарративные типы дискурса. Она выражается как в текстах, так и в общепринятой форме поведения, например,

в способе разрешения конфликтов через отсылку к признанному историческому образцу (Репина, 2011, с. 473–474).

Понятие исторической культуры нацеливает на выявление и анализ тех дискурсов в прошлом, способов мышления и разрешения конфликтов, которые воспроизводятся в модифицированном виде в сходной исторической ситуации, воплощая устойчивые элементы национальной идентичности, историко-культурного континуума цивилизации, ее базовые ценностные основания.

Российский опыт участия в Первой мировой войне, помещенный в контекст истории XX в. и событий начала XXI в., позволяет выявить ряд таких устойчивых элементов. Они могут быть идентифицированы в общественно-политических дискурсах периода войны, посвященных осмыслению и обоснованию целей, миссии России в войне, смысла противостояния, роли нашей страны в будущем Европы и мира. Наиболее концентрированно эти элементы представлены в информационном и коммуникативном пространстве 1914 г., в особо эмоциональном формате воплощающем реакцию российского общества на начавшуюся войну.

«Начавшись борьбой сил материальных – так многим казалось вначале – она переходит в борьбу идей»

Оформление на рубеже XIX–XX вв. двух противостоящих блоков великих держав – Тройственного союза в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии (1878–1882 гг.) и Антанты, или Тройственного соглашения (1891–1907 гг.) – стимулировало процесс формирования систем общественных представлений о целях, потенциальных противниках и союзниках государств в предстоящей борьбе. Он происходил в контексте осмысления интересов государств, меняющейся расстановки сил на международной арене, являясь одновременно результатом сознательного конструирования политическими и интеллектуальными элитами образа предстоящего противоборства.

В то время в европейских странах получили широкое распространение империалистические и социал-дарвинистские воззрения, утверждались представления о «естественном» характере борьбы за существование между нациями и расами, в итоге которой «лучшие» (европейские, белые, «арийские») элементы будут преобладать (Jelavich, 1999, p. 43). Для интеллектуалов, деятелей культуры, молодого поколения в Европе в предвоенный период был характерен энтузиазм по отношению к идее войны, они были убеждены, что в огне войны возродятся и получают импульс к новой жизни их национальные культуры (Wohl, 1979; Davis, 2003, p. 123). Европейская культурная элита в целом накануне 1914 г. в большой степени разделяла идею духовности войны, которая рассматривалась, особенно в Германии, как проверка духа, жизненности культуры и национального уклада (Jelavich, 1999, p. 43).

В России своеобразная идейно-психологическая подготовка к назревающему противоборству выражалась в пересмотре в сознании образованного российского общества «ментальной карты» Европы как следствия изменения

внешнеполитического курса после заключения Тройственного и Франко-русского союзов. Как справедливо отмечает О. Ю. Малинова, конструирование образов новых «Друзей» и новых «Врагов» предполагало ревизию сложившихся «репертуаров смыслов». Наиболее очевидным направлением был перенос негативных оценок Запада на образ Германии и поиск признаков культурной общности и/или прагматических оснований для солидарности с Англией и Францией (Малинова, 2009, с. 208).

После вступления России в войну, что официально произошло 19 июля 1914 г., обоснование ее справедливого характера велось с позиций защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательств других держав. Николай II в Высочайших манифестах от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией обозначил причины и характер участия России в европейском конфликте: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единокровных братьев-славян»¹. Тот факт, что Германия первой объявила войну России, активно использовался для обоснования оборонительного характера ответных действий.

В условиях патриотического подъема начала войны эти представления получили яркое воплощение в концепте «Вторая Отечественная война», транслировавшемся различными изданиями. Он включал идеи об ответственности Германии, стремящейся к мировому господству, за развязывание войны, о ее причинах, обусловленных политикой «агрессивного германского милитаризма»². Наиболее распространенной аналогией Великой войны как «Второй Отечественной» стала Отечественная война 1812 г.³ Антигерманская коалиция по своему значению и целям ассоциировалась с антинаполеоновской, а России отводилась особая историческая роль и высокая освободительная миссия, сродни той, которую она сыграла в 1812–1815 гг.: «Три сильных державы – Франция, Россия и Англия, силою вещей сблизилась с тем, чтобы положить конец угрозе мира. В начале XX в. повторилось то же положение, что имело место сто лет тому назад. Тогда Европа соединилась против Наполеона, теперь она соединилась против Вильгельма... Как и тогда, главная тяжесть борьбы с общим врагом падает на Россию. Как и тогда, Россия не только защищает свое дело. Она защищает вольность, честь и мир Европы»⁴.

Важной составляющей официальной пропаганды и общественно-политического дискурса стало обоснование «сакрального» характера сопротивления, идеи выполнения Россией особой, священной миссии – защиты славян,

¹ *Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией* (1914). Петроград: Типография В. Ф. Киршбаума. С. 1.

² *Оренбургская газета* (1914, 24 сентября); *Пермские ведомости* (1914, 1 августа); *Пермские ведомости* (1914, 8 августа); *Оренбургская жизнь* (1914, 1 августа).

³ *Вестник Европы* (1914). № 8. С. 423, 427; *Петроградские ведомости* (1914, 24 августа). № 191; *Московские ведомости* (1914, 23 июля). № 170; *Московские ведомости* (1914, 25 июля). № 172; *Биржевые ведомости. Вечерний выпуск* (1915, 19 июля).

⁴ *Альбом героев войны* (1914). № 1. С. 5.

Европы и мира от «германизма». Последний ассоциировался с жестокостью, стремлением к завоеваниям, националистическим высокомерием, отрицанием христианских ценностей⁵. Рациональные мотивы переплетались с политикорелигиозными символами и мифами. В прессе говорилось о религиозно-нравственном смысле войны как о гигантском борении сталкивающихся сил, имеющем глубинный смысл «сотворения нового через Апокалипсис», о призвании России, в соответствии с промыслом Божиим, «совершить свой жертвенный подвиг, сокрушить злые силы германизма»⁶.

Понимание значения начавшейся войны как эпохального события гигантского масштаба, исторического водораздела было характерной чертой общественно-политического дискурса: «Война – начало новой эпохи в жизни Европы, новой страницы истории, на карту поставлена судьба великих народов Европы. Дело идет обо всем будущем, от текущего момента зависит жизнь и смерть целых государств», – писали «Московские ведомости»⁷.

Религиозное понимание противоборства находило воплощение в распространении символической категории борьбы за «правду» «Святой Руси»⁸. В патриотических брошюрах, православных изданиях, клише газетных публикаций этот символизм находил яркое воплощение: «Россия борется за Богом благодолвенную правду»⁹, «Русь всегда боролась на правое дело, за справедливость»¹⁰, «Миролюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев»¹¹. Эти символы-мифы национального самосознания имели глубокую культурную укорененность, оказывая влияние на восприятие событий. Среди крестьян были популярны создававшиеся в традиционном стиле лубки, которые они вывешивали в избах рядом с иконами и изображениями святых. Лубки воплощали сакральное видение войны как события космического масштаба, испытания, посланного Богом. Многочисленные плакаты использовали современные версии традиционного изображения святого героя верхом на белом коне для обозначения героизма и создания образа справедливой войны. Такие плакаты воспроизводились в виде открыток, которые, как и лубки, развешивались на стенах домов в городе и деревне (Petrope, 1998, p. 98).

В популярной брошюре «Россия борется за правду», где приводились многочисленные исторические примеры борьбы немцев против славян и России, делался вывод: «Немцы ненавидят французов – это великая вражда... немцы ненавидят англичан, грандиозный флот которых мешает Германии стать

⁵ Тихомиров, Д. И. (Ред.). (1914). *Великая война России за свободу и объединение славян*. М.: Редакция журнала «Юная Россия». С. 133; *Россия борется за правду* (1914). М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. С. 4.

⁶ *Зауральский край* (1914, 30 ноября).

⁷ *Московские ведомости* (1914, 22 июля). № 169.

⁸ *Россия борется за правду* (1914). М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ *Великая война 1914 года* (1914). Петроград: Благовещенское издательство. С. 4.

владычицей морей, но особенно немцы ненавидят Россию, покровительницу и защитницу всего славянского мира... для немца славянин – заклятый враг»¹². Ставилась задача «освободить Европу от варварского нашествия гуннов XX века»¹³. Тема «вековой борьбы славянства и германизма» освещалась в другой брошюре также с опорой на исторические примеры: Александр Невский, борьба за выход в Балтийское море, Ливонская война; предлагалось рассматривать настоящую войну в контексте исторической борьбы России за свободу славян и их воссоединение, ради общечеловеческой культуры, блага человечества»¹⁴. Апелляция к памяти о победах и великом прошлом России содержалась и в пассаже популярных «Московских ведомостей»: «Это именно нас тевтон решил выбросить из числа великих держав, и свести на нет все величие, всю славу нашего прошлого. Русскому народу был брошен вызов в такой форме, что его нельзя было не принять»¹⁵. Обращение к историческим образам использовалось и для объяснения исторических корней «немецких зверств», причина которых, по мнению публицистов, – главенство Пруссии и прусской династии. Как отмечал автор «Московских ведомостей», еще Екатерина II писала о «прусском ярме», которое «сопряжено со всем тем, что может быть придумано пакостного и несносного»¹⁶.

В газете «Отечество» утверждалось, что цель войны – победа *отличных от тевтонских ценностей и нравственных принципов* (здесь и далее курсив в цитатах наш. – О. П.) путем утверждения России в Европе, освобождения ее от немецкого влияния, насаждающего в России государственность, чуждую духу русского народа. «Мир борется с Германией не только за рынки и за право господства. Ведется борьба против крайностей материальной культуры, что создала Германия. Мы боремся за иные принципы сожителства людей»¹⁷. Публицист «Отечества» подчеркивал: «Начавшись борьбой сил материальных – так многим казалось вначале – она переходит в борьбу идей»¹⁸.

Представители неославизма, деятели Московского религиозно-философского общества – Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн и др. – встраивали идеи о религиозно-нравственном смысле войны в концепцию национальной миссии России. Так, В. Ф. Эрн оценивал миссию России как спасение «подлинной» христианской Европы от ее переродившегося двойника: «То, что заставило Европу восстать на Германию и Германию восстать на Европу, имеет глубокие и универсальные корни. Лицом к лицу тут встречаются... Европа

¹² *Россия борется за правду* (1914). М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. С. 6–11.

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Тихомиров, Д. И. (Ред.). (1914). *Великая война России за свободу и объединение славян*. М.: Редакция журнала «Юная Россия».

¹⁵ *Московские ведомости* (1914, 22 июля). № 169.

¹⁶ *Московские ведомости* (1914, 1 октября). № 227.

¹⁷ *Отечество* (1914, 2 ноября). № 1. С. 5.

¹⁸ Там же.

и ее двойник... Итак, Германия – Европа? и те ужасы, зверства... – все это тоже Европа, тоже проявление ее исторической сущности?»¹⁹. Россия, отмечает мыслитель, «впервые за все века своего существования... *помогает Европе укоротить зверя, которого она вырастила в лице Германии*»²⁰. С. Н. Булгаков писал о борьбе России с «германизмом» как концентрированным выражением духа новоевропеизма, духовных основ мещанства, узкорациональных начал²¹. «Россия – существенная и необходимая часть духовного организма Европы, призванная к духовной самобытности», должна, по мысли философа, *спасти Запад от духовного вырождения*»²².

Идеи «Святой Руси» использовались национал-либералом П. Б. Струве в его попытках обосновать цели России в войне. В статье «Великая Россия и Святая Русь» он предложил толкование, в соответствии с которым борьба за великую Россию в союзе с западными державами будет направлена на реализацию имперских задач на новой основе представительного строя и правового порядка. В то же время духовной почвой российского государственного и имперского идеала, по мнению П. Б. Струве, является идея Святой Руси, которая не противоречит целям, провозглашенным державами Согласия, и позволит поэтому народу бороться за их осуществление, неразрывно связанное с реализацией Россией ее собственного славянского предназначения²³.

Процессы «национализации сознания» европейских народов, роста национализма и шовинизма осмысливались публицистами популярных изданий: «На глазах у нас всех происходит колоссальное нарастание национальных тенденций и сопутствующего им шовинизма во всех европейских государствах... они нашли себе соответствующее выражение в идейных представлениях широких масс», – констатировалось в «Альбоме героев войны»²⁴.

В литературе, посвященной вопросам веры, осмысливалось влияние учения Ф. Ницше на немцев: «В морали Ницше немцы нашли свою родную мораль и в самых широких масштабах применили ее к войне. Добродетелями этой морали сильных считаются не только сила, храбрость и презрение к смерти, но и хитрость, жестокость и даже кровожадность. Объявляя себя сверхчеловеками (Германия превыше всего), *немцы нагло попирают существующие законы нравственности*»²⁵.

¹⁹ Эрн, В. Ф. (1991). *Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия*. В В. Ф. Эрн, *Сочинения*. М.: Правда. С. 381.

²⁰ Там же. С. 382, 398.

²¹ Булгаков С. (1915). *Война и русское самосознание: публичная лекция*. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. С. 21–33, 44–49.

²² Там же. С. 28, 33.

²³ Струве П. Б. (1914). *Великая Россия и Святая Русь. Русская мысль*. Кн. 12. С. 177–180.

²⁴ *Альбом героев войны*. 1914. № 5. С. 3–4.

²⁵ Ювачев, И. П. (1915). *Война и вера. Очерки всемирной войны, 1914–1915 гг.* Петроград: Типография Первой Петроградской трудовой артели. С. 166–167.

Тема перерождения немецкой культуры звучала не только в официальном и неославянском дискурсах, но и в научно-популярном. Так, экономист П. И. Лященко в публичной лекции обосновывал тезис о духовной деградации немцев: «Нация, выдвинувшая мыслителей, философов и ученых является в настоящее время разрушительницей памятников и трудов этих мыслителей и ученых. Нация с особенною, чисто римской четкостью разработавшая многие стороны правовых идей и понятий, является разрушительницей этих идей права... *Ценою опустошения будут выкованы новые крупные ценности*²⁶.

Ценностное измерение войны включало прогнозы будущего справедливого мироустройства, которое должно быть обеспечено победой России и ее союзников. Оно включало перспективы всеобщего прочного мира²⁷, создание условий для верховенства права. Как отмечалось в популярной брошюре, «славяне, уничтожив немецкую гидру, принесут земле новую жизнь на началах всеобщего мира»²⁸. «Нужен не худой, а прочный мир, – писал публицист «Московских ведомостей», – который возможен только после окончательной русской победы»²⁹.

Широкое распространение в пропаганде и общественно-политическом дискурсе получил лозунг «Война, которая положит конец войнам» и связанные с ним представления. Победа России и ее союзников рассматривалась в изданиях либерального и демократического толка, общественными деятелями и публицистами как условие установления после войны нового мирового порядка, основанного на «силе права», в противовес «праву силы». Этот базирующийся на принципах мирного сотрудничества народов порядок сделал бы, согласно концепции, невозможными войны в будущем³⁰. Первым и основным условием должен был стать полный разгром Германии и ее союзников и искоренение германского милитаризма³¹.

Крайности официальной патриотической пропаганды вызывали протест трезвомыслящих представителей военной и гражданской сфер, призывавших избегать неуважения к противнику, спекуляций на патриотизме³². Призыв не отождествлять милитаризм и всю немецкую культуру прозвучал 6 сентября 1914 г. в издававшейся в Петрограде немецкой газете *Herold*: «У нас за последнее время

²⁶ Лященко, П. И. (1915). *Экономические причины и условия современной войны: публичная лекция, прочитанная 16 ноября 1914 г. в пользу Томского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам*. Томск: Сибирское товарищество печатного дела. С. 8, 21.

²⁷ *Вестник Европы* (1914). № 8. С. 427.

²⁸ *Россия борется за правду* (1914). М.: Типография товарищества И. Д. Сыпина. С. 32.

²⁹ *Московские ведомости* (1914, 22 июля). № 169.

³⁰ *Зауральский край* (1915, 27 марта); *Оренбургская газета* (1914, 9 октября); *Уральская жизнь* (1915, 18 марта); *Уральская жизнь* (1916, 10 апреля); *Оренбургская жизнь* (1914, 21 октября).

³¹ *Уральская жизнь* (1914, 27 июля); *Зауральский край* (1916, 25 декабря).

³² *Вестник кинематографии* (1914, 15 октября). № 100. С. 10; *Отечество* (1914). № 2; *Петроградские ведомости* (1914, 4 (17) сентября). № 199.

вполне отрицательно и с большим презрением судили о немецкой культуре... Не пора ли нам смотреть на немецкий вопрос менее односторонне? Не усвоить ли нам точку зрения англичан, а именно, что нынешнее одичание немецких нравов не есть отличительная черта немецкой культуры, а образовалась благодаря сильному росту отрицательных сторон прусского духа и что поэтому не следует уничтожать Германию, а лишь – преодолеть Пруссию?»³³.

Несмотря на все усилия патриотической пропаганды, русские солдаты, по свидетельствам публицистов 1914 г. и данным современных исследователей (Асташов, 2014, с. 575), были лишены ненависти к противнику. В прессе содержалась информация о гуманном отношении в России к германским военнопленным. Так, в статье «Германские пленные в Москве», опубликованной в «Биржевых ведомостях», говорилось о восторге немецких раненых от обращения с ними в госпиталях, где они находились в тех же условиях, что и русские. «Рассказы о “русских варварах” при соприкосновении с действительностью утратили власть над умами пленных... По их отзывам, лефортовский военный госпиталь может выдержать сравнение с лучшими германскими госпиталями. Русские врачи разговаривают с ними на немецком языке»³⁴. Подобные констатации содержались и в отчете военно-цензурной комиссии при Штабе Казанского военного округа от 27 сентября 1914 г.: «В письмах немецких и австрийских военнопленных говорится, что обращение русских с ними хорошее, что их не обижают и что они не имеют причин на что-либо жаловаться... Они сообщают, что “стараются устроиться на новых местах и заняться каким-либо делом”»³⁵. «Петроградские ведомости» отмечали: «Русские раненые рассказывают о пленных немцах без ненависти. Постоянно слышишь: “Такой же человек!”»³⁶.

Также в прессе обсуждалась тема русофобских настроений в Германии, распространенности там стереотипов «о русских варварах», жестокости казаков и т.п., публиковались рассказы застигнутых войной в Германии русских путешественников об издевательствах над ними «обезумевших немцев»³⁷. Автор статьи «Столетие одного заблуждения», опубликованной в «Петроградских ведомостях», вопрошал: «Неужели десятилетия контактов, общение с русскими на немецких курортах не способствовали познанию русского национального характера?»³⁸. Цитировалась информация из немецкой прессы о том, что Германия готова вместе с Англией, Италией и Францией сдерживать Россию, т.к. это «единственная опасность, угрожающая Европе», «этим сознанием проникнута единодушно вся

³³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1713. Л. 43.

³⁴ Биржевые ведомости (1914, 15 августа). № 14313.

³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1482. Л. 98.

³⁶ Петроградские ведомости (1914, 25 августа). № 190.

³⁷ Биржевые ведомости (1914, 18 июля). № 14258; Биржевые ведомости (1914, 30 июля). № 14281; Биржевые ведомости (1914, 4 августа). № 14292; Биржевые ведомости (1914, 5 августа). № 14293.

³⁸ Петроградские ведомости (1914, 28 августа). № 194.

Германия»³⁹. Как бы в ответ на обвинение в «варварстве» и «нецивилизованности» русских публицист «Московских ведомостей» писал: «Пусть тевтоны мнят себя цивилизаторами, бережно храня всю свою “цивилизацию” в бронированном кулаке. А мы предпочитаем оставаться “дикарями” с нашей любовью ко всему обиженному и страдающему в нашем большом славянском сердце, и с нашей страстью идти на помощь всему угнетенному швабским, тевтонским или иным кулаком»⁴⁰.

Смысл противостояния в войне и современная политика памяти

Концепты, использовавшиеся в 1914 г. общественными деятелями и акторами политики памяти в репрезентации духовного смысла войны, могут быть осмыслены в более широком контексте российской культуры памяти и исторической культуры, а также традиций политического использования прошлого в условиях войн. Столетние юбилеи начала и окончания Первой мировой войны, Революции 1917 г., начала и окончания Гражданской войны стимулировали осмысление проблем истории российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг., его причин, последствий и исторических уроков. В этот процесс были включены как профессиональные историки, так и общественные и государственные деятели. Историки зачастую выступали в качестве медиаторов конфликтных интерпретаций, пытаясь представить в популярном ключе современный историографический консенсус в отношении войны, но актуальные общественные запросы влияли и на характер их участия в политике памяти. В отношении Первой мировой войны главной тенденцией официальной политики памяти стало формирование на материале ее истории патриотического дискурса служения Отечеству, героического нарратива, получившего разнообразные проявления и поддержку негосударственных акторов, в том числе части профессиональных историков. Поскольку необходимость отдать дань памяти героям не подвергалась сомнению, сами юбилейные мероприятия прошли без значимых конфликтов, а в публичном пространстве доминировал и закреплялся героический взгляд на те события (Поршнева, 2020, с. 520). В форматах и дискурсах многочисленных юбилейных коммемораций специалисты отметили воспроизводство в музеях, скульптуре, на страницах газет, в кинематографе материалов и подходов пропаганды столетней давности (Поршнева, 2020; Нагорная, 2014), что было отнюдь не случайно. Воспроизводство героического национального дискурса времен Первой мировой войны имело место и в политике памяти других стран в период юбилейных коммемораций, также подвергаясь критике академического сообщества (Голубинов, 2019, с. 71), отражая феномен «запроса на идентичность», возрождения в условиях глобализации/глокализации национального самосознания и национальных мемориальных нарративов.

³⁹ *Московские ведомости* (1914, 20 июля). № 168.

⁴⁰ *Московские ведомости* (1914, 25 июля). № 172.

Важными темами современного научного, общественного дискурса и политики памяти стали цели России, ее противников и союзников в Первой мировой войне, оценка стратегических замыслов сторон. Данная проблематика приобрела новое звучание в контексте распространения геополитических подходов как в самой политике, так и в научном дискурсе. Так, историк Н.А. Нарочницкая обращает внимание на отражение в современной мировой политике тех же противоречий в отношениях России, Британии и Германии, что существовали в регионах Балкан, Причерноморья, проливов, Балтики накануне и в годы Первой мировой войны. Речь идет о целях «оттеснения России от Балтики, от Черного моря, от региона проливов, которые сегодня, еще и стали военноморскими подступами к главному региону мировых ресурсов, подступами к путям транспортировки углеводородов» (Нарочницкая, 2011, с. 8). Не новая в научном плане идея о главном противоречии между Великобританией как глобальным лидером и бросившей ей вызов Германией, приведенном к Первой мировой войне, осмысливается частью историков и общественных деятелей в геополитическом ключе, с позиций обоснования тезиса о сознательном втягивании России Великобританией в войну с Германией с целью их обоюдного ослабления. Е.Н. Рудая подчеркивает, что Великобритания ставила целью в войне если уж не добиться ослабления России, то поставить ее действия, а главное – результаты этих действий, под свой контроль (Рудая, 2011, с. 115). При этом военно-политическое сотрудничество в рамках Антанты, по мнению автора, не только не сблизило страны, но и довело их отношения до острого кризиса, обусловленного прогрессирующим падением самостоятельной роли России, ослаблением ее военной мощи, усилением экономической зависимости от Англии (с. 116). Ссылаясь на высказывание Э. Грея, Е.Н. Рудая определяет формулу сотрудничества Великобритании с Россией: «Так, чтобы ничего не дать ей взамен». А дозировка помощи во время войны служила, по оценке автора, орудием ослабления России. Революция позволила западным странам забыть о ее жертвенном подвиге и исключить из числа не только победителей, но и участников войны, констатирует историк (с. 117–119). В этом же смысловом контексте следует оценивать высказывание В.Р. Мединского об ошибочности самого вступления в войну: «Вообще наше участие в Первой мировой войне было громадной геополитической ошибкой» (цит. по: Пахалюк, 2017). Следует отметить, что представления о том, что именно Англия втянула Россию в войну вопреки ее интересам, получили распространение в российской армии и обществе в 1916–1917 гг. и особенно широко в условиях революции, после Февраля 1917 г., отражая растущее разочарование в войне и ее целях (Голубев, Поршнева, 2012, с. 126–130, 155–164, 191–196).

Некоторые историки в объяснении замыслов великих держав встают на путь конспирологии, утверждая, что в стремлении не допустить усиления геополитических позиций России Великобритания реализовала в ходе Февральской революции 1917 г. сценарий по целенаправленному разрушению нашей страны (Фурсов, 2012, с. 247–251). При этом авторитетный специалист по российско-британским отношениям Е.Ю. Сергеев на основе анализа документов уреди-

тельно опроверг тезис о британском участии в Февральской революции (Сергеев, 2018). Проблема влияния конспирологических теорий на память о Первой мировой войне рассмотрена в трудах директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова в контексте анализа историографических парадигм, самого феномена исторической памяти, современной информационной ситуации. Ученый не только опровергает конспирологические мифы, но и признает, что теории заговора, получившие достаточно широкое распространение в современных популярных медиа, влияют на память о войне и Революции, на общественное сознание в целом. Несмотря на то, что данные интерпретации не имеют под собой, как отмечает Ю.А. Петров, серьезных научных оснований, они не только получили распространение, но и поддерживаются некоторыми профессиональными историками, вызывая бурные научные дискуссии (Петров, 2017, с. 15–16).

После 2014 г. и 2022 г., в условиях современного геополитического кризиса, в центре исторической памяти и политики памяти вновь оказалась проблема противостояния России и Запада на разных этапах истории, в том числе духовного, ценностного смысла этого противостояния. В популярных ток-шоу («Большая игра», «Право знать», «Кто против», «60 минут» и др.) поднимается тема глубокой обусловленности периодических столкновений в ходе наполеоновского нашествия, Крымской войны, интервенции 1918–1920 гг., Первой и Второй мировых войн⁴¹. Главными причинами этой борьбы представляются различия цивилизационного уклада, ценностных систем, моделей имперского и в целом исторического развития, а порой и имманентная агрессивность Запада по отношению к «Другим». Подчеркиваются отличия российской империи, обеспечившей мирное сожительство народов, от западного колониализма, для которого были характерны беспощадное ограбление колоний и уничтожение их населения. Исходя из этого, борьба с Западом (даже с учетом союзнических отношений с частью представляющих его держав в годы наполеоновских и мировых войн) представляется в аксиологическом ключе. Она репрезентируется как противостояние с порожденным Западом на разных этапах его исторического существования злом, воплощенным в завоевательной экспансии с целью насадить свой нормативный и ценностный порядок, лишив Россию права на самостоятельное развитие. Мотивы защиты Россией истинных христианских ценностей в борьбе в антихристианскими тенденциями Запада и его перерождением, отстаивания приоритета духовного над материальным, представления о главной роли России в реализации этой миссии, широко представленные, как мы показали, в дискурсе 1914 г., отчетливо звучат в современном российском информационном пространстве, отражены в государственной политике⁴².

⁴¹ Так, 10 июля 2023 г. в передаче «Большая игра» режиссер К.Г. Шахназаров назвал современное противостояние России и Запада «третьим походом Запада на Восток», «третьей попыткой после Наполеона и Гитлера».

⁴² Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022, 9 ноября). *Гарант.ру: информационно-правовой портал*. Взято 14 мая 2023, с <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>

Заключение

Сравнительное исследование дискурса 1914 г., посвященного осмыслению борьбы России в условиях Первой мировой войны, и современного общественно-политического дискурса демонстрирует преемственность ценностных оснований российской идентичности и их репрезентаций в кризисные периоды истории. Оба дискурса отмечены активным использованием акторами государства и общества инструментов политики памяти, исторических представлений и образов прошлого для концептуализации целей России в противостоянии держав, отстаиваемых ею ценностей.

В отличие от дискурса 1914 г., в котором Германия репрезентировалась как воплощение перерождения Запада, а Россия входила в коалицию западных держав, в современном дискурсе позиция всего объединенного Запада представляется как результат перерождения или имманентно присущих ему негативных черт. Сходство и различия дискурсов демонстрируют, на наш взгляд, преемственность интерпретационных схем как проявления устойчивости базовых элементов российской идентичности, а также влияние актуальной политической повестки на репрезентацию образов прошлого в политике памяти. Это отражает и саму природу истории, которая постоянно переосмысливается под влиянием актуального настоящего, «задающего вопросы» прошлому.

Сравнение дискурса 1914 г. и нарративов современной политики памяти показывает, что в фокусе российского сознания на очередном историческом витке находятся проблемы противоборства с порожденным Западом злом, сходно интерпретируемая аксиологическая сущность этого противостояния, вопрос об особой миссии России, ее месте и роли в мире.

Список литературы

1. Артизов, А.Н., Левыкин, А.К., Петров, Ю.А. (Ред.). (2014). *Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: Материалы Международной научной конференции (30 сентября – 3 октября 2014 г., Москва)*. М.: ИРИ РАН.
2. Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Асташов, А.Б. (2014). *Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность*. М.: Новый хронограф.
4. Голубев, А.В., Поршнева, О.С. (2012). *Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн*. М.: Новый хронограф.
5. Голубинов, Я.А. (2019). Столетие Первой мировой войны в Великобритании и изучение конфликта в школах королевства. В К.А. Пахалюк (Ред.), *Преподавание военной истории в России и за рубежом* (Вып. 2, с. 69–72). М.; СПб.: Нестор-История.
6. Лубский, А.В. (2016). Цивилизационный дискурс в условиях глокализации. *Философия права*, (2), 65–69.

7. Малинова, О.Ю. (2009). Первая мировая война и переопределение «Запада»: тема Европы («Запада») в дискурсе о коллективной идентичности России начала XX в. В И.И. Глебова (Ред.), *Труды по руссееведению* (Вып. 1, с. 205–236). М.: ИНИОН РАН.
8. Нагорная, О.С. (2014). Музеализация Первой мировой войны в Германии и России: Юбилейные выставки между героикой и гуманизмом. *Вестник Пермского университета. Серия: История*, (4), 37–43.
9. Нарочницкая, Н.А. (2011). Война, смертельно опасная для России. В Е.Н. Рудая (Авт.-сост.), *Забывтая война и преданные герои* (с. 7–20). М.: Вече.
10. Пахалюк, К.А. (2017). Первая мировая война и память о ней в современной России. *Неприкосновенный запас*, (1). Взято 20 мая 2023, с <https://magazines.gorky.media/nz/2017/1/pervaya-mirovaya-vojna-i-pamyat-o-nej-v-sovremennoj-rossii.html>
11. Петров, Ю.А. (2017). Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции. В Ю.А. Петров (Ред.), *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура* (Т. 1, с. 12–26). М.: Политическая энциклопедия.
12. Поршнева, О.С. (Ред.). (2020). *Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев*. М.: Политическая энциклопедия.
13. Репина, Л.П. (2011). *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.: Кругъ.
14. Рудая, Е.Н. (2011). «Русский капкан» для британской внешней политики после Первой мировой войны. В Е.Н. Рудая (Авт.-сост.), *Забывтая война и преданные герои* (с. 114–121). М.: Вече.
15. Русакова, О.Ф. (2023). Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России. *Дискурс-Пи*, 20(2), 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32
16. Сергеев, Е.Ю. (2018). Российская революция 1917 г. в общественном дискурсе Великобритании: от эйфории к разочарованию и страху. *Исторический вестник*, 23, 176–191.
17. Фурсов, А.И. (2012). Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии. В П.П. Марченя, С.Ю. Разин (Ред.), *Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории* (с. 220–263). М.: АПР.
18. Davis, B. (2003). Experience, identity, and memory: The legacy of World War I, *The Journal of Modern History*, 75(1), 111–131. <http://dx.doi.org/10.1086/377750>
19. Jelavich, P. (1999). German culture in the Great War. In A. Roshwald, & R. Stites (Eds.), *European culture in the Great War: The arts, entertainment and propaganda, 1914–1918* (pp. 32–57). Cambridge: Cambridge University Press.
20. Petrone, K. (1998). Family, masculinity, and heroism in Russian war posters of the First World War. In B. Melman (Ed.), *Borderlines. Gender and identities in war and peace, 1870–1930* (pp. 95–120). New York: Routledge.

21. Wohl, R. (1979). *The generation of 1914*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

1. Artizov, A.N., Levykin, A.K., & Petrov, Yu.A. (Eds.). (2014). *Rossiya v gody Pervoy mirovoj vojny. 1914–1918: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (30 sentyabrya – 3 oktyabrya 2014 g., Moskva)* [Russia during the First World War. 1914–1918: Proceedings of the International Scientific Conference (September 30 – October 3, 2014, Moscow)]. Moscow: IRI RAS.
2. Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Astashov, A.B. (2014). *Russkiy front v 1914 – nachale 1917 goda: voyennyi opyt i sovremennost'* [The Russian Front in 1914 – the beginning of 1917: Military experience and modernity]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Davis, B. (2003). Experience, identity, and memory: The legacy of World War I, *The Journal of Modern History*, 75(1), 111–131. <http://dx.doi.org/10.1086/377750>
5. Fursov, A.I. (2012). Narod, vlast' i smuta v Rossii: razmyshleniia na poliakh odnoi diskussii [People, power and turmoil in Russia: Reflections on the margins of a discussion]. In P.P. Marchenya, & S.Yu. Razin (Eds.), *Rossii i revoliutsiia: proshloe i nastoiashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii* (pp. 220–263) Moscow: APR.
6. Golubev, A.V., & Porshneva, O.S. (2012). *Obraz soiuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh vojn* [The image of an ally in the consciousness of Russian society in the context of world wars]. Moscow: Novyi khronograf.
7. Golubinov, Ya.A. (2019). Stoletie Pervoi mirovoi vojny v Velikobritanii i izuchenie konflikta v shkolakh korolevstva [Centenary of the First World War in Great Britain and the study of conflict in the schools of the Kingdom]. In K.A. Pakhaliuk (Ed.), *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* (Iss. 2, pp. 69–72). Moscow & Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
8. Jelavich, P. (1999). German culture in the Great War. In A. Roshwald, & R. Stites (Eds.), *European culture in the Great War: The arts, entertainment and propaganda, 1914–1918* (pp. 32–57). Cambridge: Cambridge University Press.
9. Lubsky, A.V. (2016). Tsvivilizatsionnyi diskurs v usloviakh globalizatsii [Civilizational discourse in the context of globalization]. *Filosofia prava*, (2), 65–69.
10. Malinova, O.Yu. (2009). Pervaia mirovaia vojna i pereopredelenie “Zapada”: tema Evropy (“Zapada”) v diskurse o kollektivnoi identichnosti Rossii nachala XX v. [The First World War and the redefinition of the “West”: The theme of Europe (“West”) in the discourse on the collective identity of Russia in the early

twentieth century]. In I. I. Glebova (Ed.), *Trudy po rossiavedeniiu* (Iss. 1, pp. 205–236). Moscow: INION RAN.

11. Nagornaya, O.S. (2014). Muzealizatsiia Pervoi mirovoi voiny v Germanii i Rossii: Iubileinye vystavki mezhdru geroikoi i gumanizmom [Remembering First World War in Germany and Russia: Commemorative exhibitions between heroism and humanism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, (4), 37–43.

12. Narochitskaya, N.A. (2011). Voyna, smertel'no opasnaia dlia Rossii [A war that is deadly for Russia]. In E.N. Rudaya (Ed.), *Zabytaia voyna i predannye geroi*. (pp. 7–20). Moscow: Veche.

13. Pakhaliuk, K.A. (2017). Pervaia mirovaia voyna i pamiat' o nei v sovremennoi Rossii [The First World War and its memory in modern Russia]. *Neprikosnovennyi zapas*, (1). Retrieved May 20, 2023, from <https://magazines.gorky.media/nz/2017/1/pervaya-mirovaya-vojna-i-pamyat-o-nej-v-sovremennoj-rossii.html>

14. Petrone, K. (1998). Family, masculinity, and heroism in Russian war posters of the First World War. In B. Melman (Ed.), *Borderlines. Gender and identities in war and peace, 1870–1930* (pp. 95–120). New York: Routledge.

15. Petrov, Yu.A. (2017). Rossiia nakanune Velikoi revoliutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii [Russia on the Eve of the Great Revolution of 1917: Modern historiographical trends]. In Yu.A. Petrov (Ed.), *Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* (Vol. 1, pp. 12–26). Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.

16. Porshneva, O.S. (Ed.). (2020). *Voyna, politika, pamiat': Napoleonovskie voiny i Pervaia mirovaia voyna v prostranstve iubileev* [War, politics, memory: The Napoleonic wars and the First World War in the space of anniversaries]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.

17. Repina, L.P. (2011). *Istoricheskaiia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika* [Historical science at the turn of the 21st century: Social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug.

18. Rudaya, E.N. (2011). «Russkii kapkan» dlia britanskoi vneshnei politiki posle Pervoi mirovoi voiny [The “Russian trap” for British foreign policy after the First World War]. In E.N. Rudaya (Ed.), *Zabytaia voyna i predannye geroi*. (pp. 114–121). Moscow: Veche.

19. Rusakova, O.F. (2023). Diskurs gosudarstvennoi politiki pamiatii kak faktor formirovaniia natsional'noi identichnosti sovremennoi Rossii [The discourse of the state policy of memory as a factor in the formation of the national identity of modern Russia]. *Diskurs-Pi*, 20(2), 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32

20. Sergeev, E.Yu. (2018). Rossiiskaia revoliutsiia 1917 g. v obshchestvennom diskurse Velikobritanii: ot eiforii k razocharovaniiu i strakhu [The Russian Revolution of 1917 in the public discourse of Great Britain: From euphoria to disappointment and fear]. *Istoricheskii vestnik*, 23, 176–191.

21. Wohl, R. (1979). *The generation of 1914*. Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторе

Ольга Сергеевна Поршнева, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3265-7010>, e-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Information about the author

Olga Sergeevna Porshneva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of Theory and History of International Relations, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3265-7010>, e-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

УДК 32+101.8

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_27

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРСТВА РАЗУМА В СТРАНЕ БОЛЬШЕВИКОВ¹

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Василий Матвеевич Русаков,

независимый исследователь,
Екатеринбург, Россия,
dragonera768@gmail.com

Ян Юрьевич Моисеенко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
yan.moisseenko@mail.ru

Получена 03.10.2023.

Поступила после рецензирования 07.11.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

¹ В основу статьи положены доработанные и дополненные материалы публикации: Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2022). Советская власть плюс рационализация всей страны: построение Царства Разума. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 21(4), 452–468. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

© Русакова О. Ф., Русаков В. М., Моисеенко Я. Ю., 2023

Для цитирования: Русакова О. Ф., Русаков В. М., Моисеенко Я. Ю. Приключения Царства Разума в стране большевиков // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 27–46. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_27

Аннотация

Цель статьи – раскрыть основные черты большевистского проекта построения в СССР Царства Разума, связанного с радикальным переформатированием проблемы взаимосвязи рационального и иррационального в условиях становления социалистического общества. Теоретическими источниками послужили произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых построение коммунистического общества связывается с демистификацией общественных отношений и уничтожением отчуждения и овеществления; труды В.И. Ленина и других видных деятелей советского государства, посвященные вопросам организации планового хозяйства и повсеместного внедрения рациональных методов управления; работы выдающегося педагога А.С. Макаренко, направленные на разработку и реализацию идеи воспитания нового советского человека. В статье отмечается, что отечественной версией социалистического преобразования общества стал большевизм (ленинизм), который унаследовал ключевые идеи эпохи французского Просвещения, включая концепцию построения Царства Разума, что получило свое воплощение в системе рационально организованного государственного планирования, учета и контроля. Однако на практике развитие данной системы, доведенное до крайних форм, породило ряд утопических проектов, которые стали воплощением иррационального способа мышления. Таким образом, идея построения Царства Разума обернулась своей противоположностью. Тем не менее авторы статьи полагают, что советскую модель рационально организованного общественного устройства вполне можно считать пусть не до конца реализованным, но в целом довольно успешным проектом построения Царства Разума в социалистическом государстве и методологически верной социально-педагогической системой формирования нового человека.

Ключевые слова:

французское Просвещение, Царство Разума, марксизм, большевизм, ленинский плановый подход, учет и контроль, педагогические идеи А.С. Макаренко, новый человек, утопизм, иррационализм.

UDC 32+101.8

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_27

ADVENTURES OF THE KINGDOM OF REASON IN THE LAND OF BOLSHEVIKS²

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Vasiliy M. Rusakov,

Independent Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
dragonera768@gmail.com

Yan Yu. Moiseenko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
yan.moiseenko@mail.ru

Received 03.10.2023.

Revised 07.11.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Rusakova, O. F., Rusakov, V. M., Moiseenko, Y. Yu. (2023). Adventures of the Kingdom of Reason in the Land of Bolsheviks. *Discourse-P*, 20(4), 27–46. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_27

Abstract

The article aims to reveal the main features of the Bolshevik project to build the Kingdom of Reason in the USSR, associated with the radical reformatting of the relationship between the rational and irrational in the establishment of the socialist society. Theoretical sources include the works of Karl Marx and Friedrich Engels, linking the construction of a new communist society to the demystification of social relations and the elimination of alienation and reification; the writings of Vladimir Lenin and other prominent figures of the Soviet state, devoted to the organization of planned economy

² The article is based on revised and supplemented materials from the publication: Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2022). Soviet power plus rationalization of the whole country: Creating the Kingdom of Reason. *RUDN Journal of Russian History*, 21(4), 452–468. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

and the widespread implementation of rational management methods; and the works of the outstanding educator Anton Makarenko, aimed at developing and implementing the idea of educating a new Soviet person. The article posits Bolshevism (Leninism) as the Russian version of socialist transformation, inheriting its fundamental ideas from the French Enlightenment, including the concept of the Kingdom of Reason, manifested in the system of rationally organized planning, accounting, and control. However, in practice, the development of this system, taken to its extreme forms, gave rise to a number of utopian projects that became embodiments of irrational thinking. Thus, the original idea to build the Kingdom of Reason underwent a transformation into its opposite. Nevertheless, the authors of the article believe that the Soviet model of a rationally organized social structure can be considered, if not fully realized, then overall a fairly successful project of building the Kingdom of Reason in a socialist state and methodologically correct socio-pedagogical system for shaping a new person.

Keywords:

French Enlightenment, Kingdom of Reason, Marxism, Bolshevism, Lenin's planned approach, accounting and control, Anton S. Makarenko's pedagogical ideas, new Soviet person, utopianism, irrationalism.

Introduction

Studying the history of the Soviet society, modern researchers appear to face the necessity for thorough investigation of spiritual and ideological contexts in which a new society had been born. For that purpose a proper methodology is required, as both foreign and Russian authors fairly remark (Fitzpatrick, 1992; Clark, 1993; Putnam, 2002; Mazur, 2016). One of the fundamental issues that provides us with a more or less complex comprehension of those contradictory transformations taken place in modern society is the issue of the correlation between *rational* and *irrational* in social practices. This issue came into the focus of political philosophy in the late 20th, early 21st centuries. The relationship between rational and irrational has acquired a purely practical character with the rapid development of industrial technologies and management as it was mentioned in some contemporary works (Bachelard, 1987; Mudragey, 1994; Shvyrev, 2003; Hübner, 1996; Searle, 2001; Horkheimer, 2011).

However, it should be noted, that the problem of how *rational* and *irrational* were embodied in those revolutionary and transformative activities performed by the Soviet state leaders was rarely considered in scientific literature. It has become the subject of special attention only in the works of several researchers (Rusakov, 1998; Rusakova & Rusakov, 2022).

Radical reformatting of the Russian society based on the principles of Reason and Marxist-Leninist ideology was closely associated with educating *a new person*. It should have been a person of a new socialist formation to have become the main social force of the revolutionary transformation of the society. His consciousness

should have been charged allegedly with attractive images of a bright and rationally organized society of the future. This problem has been reflected in a number of works belonging to both Russian and foreign researchers (Fritzsche & Hellbeck, 2008; Kur-Korolev, 2011; Porshneva, 2017); some of these researchers critically assessed the achievements of the Soviet state in educating a new person. First of all they noticed ideological extremes of the educational Soviet discourse (Kur-Korolev, 2011, p. 376) and how the dream of a educating a new person became subordinated to the goals of political authorities (Fritzsche & Hellbeck, 2009, p. 322).

However, different contemporary researches seem to assess the experience and achievements of educating a new person in a positive way, especially when putting them into a context of achieving goals set by the Soviet state, i.e. educating a reasonable, literate, enlightened Soviet citizen of those years. Especially today it has become a common practice to evaluate the educational system developed by Anton Makarenko very positively, and above all, his methodology of education conducted through the collective labor (Ilaltdinova, 2011; Frolov & Ilaltdinova, 2012; Malkov, 2012; Sannikova, 2013; Boguslavsky, 2018). In the context of our research, it is worth mentioning that Makarenko formulated his approach relying on the rationalistic character of the educational process itself.

The Marxist-Leninist idea of rationally-based reformatting of the society was embodied in different economic, industrial, cultural and educational practices, which the leaders of the Soviet state in the 1920s – early 1930s welcomed with a great enthusiasm. However, this enthusiasm resulted into rationality transforming into its opposite, which, in particular, manifested itself through a variety of fantastic social projects, irrational in their basis.

In this regard, the main purpose of our research is to conduct a theoretical analysis of rationalistic ideas and practices implemented by the leaders of the young socialist state in the early years of Soviet power. Among the main objectives of this research we see to consider the genesis and strategic guidelines of Vladimir Lenin's universal plan for organizing a rational management of the economy; to analyze Makarenko's ideas in relation to rational methods of educating a new person through collective labor; to identify contradictories of the historical process associated with building the Kingdom of Reason in practice.

Background of the issue

The idea that human society should be transformed on the basis of Reason and its principles became dominant in the philosophy of the French Enlightenment. The concept of the Kingdom of Reason reflects the possibility of achieving a social ideal and universal harmony by rejecting various kinds of human prejudices. That may become possible when a society relies on the laws of reason and rational control over social processes. In practice, this ideal, according to Friedrich Engels, turned out to be an expression of bourgeois-based organizing of economic and socio-political life, when *thinking mind becomes the only measure of everything that exists, and all traditional ideas have been considered unreasonable and discarded as old trash*

(Engels, 1961, pp. 16–17). According to Engels, the actual realm of reason to flourish was nothing more than the be a bourgeois democratic republic (pp. 16–17)

Classical Marxism saw itself not just as an heir to the progressive line of Enlightenment ideology, but as a force able to overcome its limitations. The radical change of the Method declared by the founders of Marxism required also a revision of many philosophical concepts. This revision resulted into establishing a different attitude to the traditional dilemmas of the past, including the dilemma of *rational* vs. *irrational*. Along with the new concepts being developed (such as socio-economic formation, productive forces, the way of production, basis and superstructure) old concepts (such as matter, consciousness, subject, object, essence, phenomenon, etc.) also happened to be reformed and reformulated.

It's obvious that the dilemma of rational and irrational, which already reached its limit in terms of philosophical rationalism and irrationalism, was just an imperfect manifestation of the real problem that the predecessors of Marxism at best only posed. For example, it was Engels who expressed the necessity to create a rational dialectic by demystifying the positive core of Hegelian dialectics. Karl Marx used the rational and irrational categories in his *Capital* only to demonstrate the fundamental difference between him and the Enlightenment tradition.

Lenin appeared to have seen all these ideas being not implemented into practice, but they still could be used as more or less clearly articulated instructions for further doings. That is why Leninism was always grounded on the bundle of principles: a rational understanding of the essence of nature, society, thinking and demystification of these; reasonable control over them as a form of dominating over spontaneous nature of social relations. This trend could be traced in the works of Marx and Engels, who associated the construction of a new communist society with demystification of public relations and destruction of alienation and reification. The new Kingdom of Freedom was to become not just The Kingdom of Reason, but The Kingdom of “Producers bound Together” who reasonably controlled their social existence.

All the principles forming the bundle are fundamental and thus required a proper articulation into practice. What else should be mentioned is that we should remember not all of Marx's works were published and known at the time of Lenin. Moreover, Lenin was involved into everyday political struggles which allegedly burdened the solution of theoretical problems. Nevertheless, it is through analysis of his heritage, as well as works of other Soviet leaders, we are able to reveal how the fundamental ideas of Marxism regarding rational reorganization of a society in the process of the socialist revolution were embodied into practice of building socialism in Russia.

The general idea was that revolutionary masses had to create a reasonably organized society. But what should this “*reasonably organized society*” mean? The communist ideal of this society proposed by Marx reveals itself in *the structure of the social life*, and in order to clear this structure *the mystical veil* of the material process of production must be thrown off. (Marx, 1961a, p. 90). Returning to this idea from time to time, Marx tried to unravel it further, discussing that only a free union of people is able to rationally regulate the metabolism of society with nature, put it under control (Marx, 1961b, pp. 386–387).

Engels also attempted to make this idea more accurate, emphasizing that *the conditions of life that surrounded people and still dominated over them now fall under the power and control of those people who for the first time become real and conscious masters of nature*. Then he also added that *the laws of people's own social actions, which have opposed them to the laws of nature, would be applied with full knowledge of matter this time and. And only from this moment would people begin to create their own history quite consciously* (Engels, 1961, p. 295).

These fundamental ideas appeared to be the starting point to the Russian Bolsheviks for planning socio-political transformations. And they emphasized the fact that new socio-economic and political relations were to be created in the process of deliberate actions, since, unlike the bourgeois social system, a new system is not likely to spontaneously arise from the depths of the previous order. Lenin, even before the Bolsheviks came to power, had expressed the idea that accounting and control were to be the main things required to impose the correct functioning of the first phase of communist society (Lenin, 1974a, p. 101). He was considering both accounting and control as the essence of socialism (Lenin, 1974a, p. 97)

As we can see, *the mind of the masses* began to shape in the form of a special type of state power, which happened to be mass representative organizations. Thus, an extremely dangerous and risky path begins that leads us from the heights of a theoretical schemes into the midst of empirical phenomena of political struggle. It's risky, because possible misunderstandings, ambiguities in the original scheme will inevitably come into the light. The idea of an organized, planned and consciously implemented form of state power presented by Lenin was unprecedented. It differs much from that idea of "associated producers" conveyed by Marx as the basis for the rational reorganization of the society. For example, Lenin wrote that *a socialist state can arise only as a network of productive and consumer communes that conscientiously take into account their production and consumption, save labor, and steadily increase its productivity* (Lenin, 1974c, p. 185). It was an old socialist idea that had been already discussed in the framework of utopian socialism by Fourier, Saint-Simon and Owen, Bakunin, Kropotkin, etc.

Modification of the initial bases

Classical rationalism placed the source of Reason in a kind of *natural light* which falls on every ordinary person. That was quite a controversial idea, since classical German philosophy emphasized that ordinary rationality could not comprehend the paradoxical nature of scientific truths. Reason reduces the whole matter of things to formal logical correctness and consistency, in extremes – to usefulness and efficiency.

Marx emphasized the conscious control over the human activity. Lenin shifted the emphasis to mass character, universality, inclusiveness of control and the special properties of the carrier: the revolutionary masses, the working people. In other words, the whole matter must be decided by the revolutionary instinct of the masses, which is the carrier and criterion of Reason in the last instance. The Soviets of Workers, Soldiers and Peasants should only express their instincts. But the gap in the transitions

from one element to another, the lack of agreement, has already arisen. After all, according to Marx's idea, it was associated producers who should take control over uniting people into society.

But is it possible to cover all the life foundations of a human as a social being? Most likely, neither Marx nor Engels, knew for certain in what form this was possible. Lenin either did not clear out this question when he was talking about universal, all-pervading accounting and control. But the logic of the political management and political struggle required complete certainty here, which could even lead to institutionalization.

In addition, emphasizing that the mind of the masses is shaped in their revolutionary creativity, it was impossible to overlook the ability of this mind to break something (e.g. "we will destroy the whole world by force" slogan), however its abilities to create something, which was proclaimed with enthusiasm in theory, turned out to be very controversial in practice. In the late 19th and early 20th centuries, the boundaries of mass consciousness were complexly enough presented in social thought (e.g., Gustave Le Bon's works).

Lenin's initial inquiry for a reasonable way how to organize the life in a given society shows how difficult is to overcome the principles of Reason and rationality, which grew out from the capitalist industrial civilization. The revolutionary transformation of a society was carried out under the idea of turning a man of labor into a true master of his destiny, the subject of the historical process. However, it was a too complicated task that fell on the Bolshevik's shoulders, not just to organize accounting, and control over the largest enterprises, but also to *transform the state economy into a single mechanism when hundreds of millions of people are guided by one plan* (Lenin, 1974a, p. 7). In all this duty Lenin saw, first of all, the task of ensuring the victory of a conscious planning, due to the struggle for control and was the greatest one ever, it had world-historical significance, *it was the struggle of the socialist order against the bourgeois and anarchist individuality* (Lenin, 1974d, p. 185).

Let's pay attention to the fact that, apparently, this idea has to be *implemented* to the consciousness of masses, state control was also implied there. The mind of the masses and the will of the state were imperceptibly identified by Lenin, nevertheless they are so different in nature; all the consequences of such identification will soon manifest themselves.

In Lenin's works relating to the early years of the Soviet period, we are constantly confronted with attempts to define, formulate and develop in detail both the alleged "free association of producers" and the control mechanism over them, as accurately as possible. Initially, his idea was rather vague and presented itself in the form of some consumer-marketing communes. However, in the "Outline of the plan of scientific and technical works" Lenin considered that *rational organization of industry in Russia from the point of view of the proximity of raw materials and the possibility of the least loss of labor was possible in terms of the largest industry and especially trusts, concentration of production in a few largest enterprises* (Lenin, 1974e, p. 228).

However, we remember his idea that the capitalist organization of labor is incompatible with rationality, and there is nothing yet in these arguments that is beyond

the efficiency provided by trusts and corporations. The idea is being intensively carried out that *not a single product, not a single pound of bread should be out of account, because socialism is, first of all, accounting* (Lenin, 1974b, p. 57).

And, it is emphasized that the whole society will be *one office and one factory*, with equality of labor and equality of wages (Lenin, 1974a, p. 101) and what the Bolsheviks needed mostly was a *slender, strong organization, and probably millions of people working as accurate as the clock works* (Lenin, 1974f, p. 155).

How is that possible? It seems to be a Laplace's view of the socio-economic universe: to set the initial conditions with unambiguity and accuracy in order to calculate the future, which is pre-determined! Moreover, we note a characteristic detail here: control is thought to be direct, not mediated, say, by finances and market.

In this instance, Marx thought there can be nothing more misleading and absurd than to assume that the control of united individuals over their aggregate production could be based on the exchange value and money (Marx, 1946, pp. 101–102). The same approach can be followed in Lenin's directives, such as the one concerning *a slender, strong organization, and hundreds of millions of people working as accurate as the clock works* (Lenin, 1974f, p. 155); and that concerning *organizing the people from the first to the last person, organizing accounting over production, control over consumption* (Lenin, 1974c, p. 263).

It is quite obvious that such organization can only be based on typically rationalistic ideas of Enlightenment, where rationality is understood as universal calculability and attainability, which logically leads to universal, and therefore, formal equality (which was unacceptable in the Marxist tradition). Therefore, formal equality could not be reached by the market because *each member of the society, performing a certain part of socially necessary work, should receive a certificate from the society. According to this certificate, he should get a corresponding amount of products from public warehouses of consumer goods* (Lenin, 1974a, p. 92).

It all sounds like a quote from Thomas More's Utopia, which actually had a longer title: "A book as useful as it is funny". Later, Lenin would say, assessing this period, *that they made a mistake having decided to perform a direct transition to communist production and distribution, having believed that without a period of socialist accounting and control, it was impossible to approach even the lowest stage of communism* (Lenin, 1974g, pp. 157–158).

This claim for universality, which is typical for Laplace, considered all conditions at once, created practical difficulties at the level of public administration: Lenin, as chairman of the Council of People's Commissars, constantly complained that the supreme executive power is drowning in the ocean of minor concerns, that everyday routine prevented him from seeing the general picture. In the last years of his life, these complaints became more and more persistent, and he began to fall into rage because of official red tape, bungling, unproductive work of the bureaucracy. Nikolai Bukharin had to note that the Bolsheviks appeared to be *building control over control, control squared, control cubed, and at the end of the day, there was control everywhere*⁴ however, *stealing all the same took its place* (Bukharin, 1988, p. 312).

All-pervading control, which does not leave any dark corner of life, became the signature of that time. Guided by rational principles, Bolsheviks strived to reorganize not only *Rabkrin* (People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection), but also matters of everyday life, nutrition, marriage, family. Moreover, they proclaimed the necessity to *breed* a new type of human being. In order to do that a new educational system had been created aimed at educating a person for the future communist society. Crowds made their pilgrimage to the colony established by F. E. Dzerzhinsky, where one of the greatest teachers, A.S. Makarenko reformed juvenile criminals and street children into citizens of the new world.

Educating a new person in Makarenko's perspective

While Russian Marxists were trying to perform a scientific management of socio-economic and political processes through accounting and state regulation of public life, an outstanding Soviet teacher Anton Makarenko considered his major goal to be the education of a new person in accordance with socialist-based principles as well as Lenin's logic of building reasonable social relations. In one of his letters A. S. Makarenko mentioned that his world was exactly *the world of the organized creation of a person according to precise Leninist logic* (Makarenko, 1986, p. 30).

One of the basic principles of Makarenko's educational system was planned, state management of public education in a given socialist society. In his opinion, *there could be no socialist society without social education and it was absolutely impossible to imagine that in a plan-based state, education was beyond the remit of the state* (Makarenko, 1984a, p. 27). Considering the principles of educational work, conducted with each member of the society, Makarenko emphasized there was a direct connection with common sense and with general logic of economic activities because *in the commune, any pupil should not feel like an object of the educational system, he or she should feel the exact logic of our common economy and those requirements of common sense that are imposed on him from our life* (Makarenko, 1983, p. 48).

Another important principle of his educational system is to unite theoretical and practical knowledge of a teacher. According to Makarenko, educational theory should be based on generalization of practical experience of the educational process rather than on abstract propositions. As one of the contemporary researchers noted, *Makarenko was relying on his personal experience of working with groups consisted of disadvantaged adolescents and he proved that the effectiveness of educating a personality becomes prominent through implementation of the entire educational process as an integral system* (Malkov, 2012, p. 190). This researcher also added that *without this integral system, it is impossible to solve the task of educating a citizen, since his prospects are exceptionally wide, he is interested in everything that happens both in his country and in the rest of the world* (p. 190).

The elemental nature of Makarenko's educational system is revealed through rational organization of any collective activity which Makarenko always granted with significant social and educational value. He scrutinized in detail the principles of internal organization of any educational team, requirements imposed by them

on pupils, various methods of disciplinary actions, forms of control, self-governance. For members of his commune, Makarenko found very important to develop the feeling and understanding of commonwealth through their collective labor. So, for example, his pupils were involved all together in farming, theater, orchestra, events and hikes organization, they were producing electric drills, cameras, while receiving professional qualifications: *every complex production is all the better because it develops taste and satisfies inclinations... In the production of “feeds” we have a large drawing shop, where several dozen draftsmen are working, we also have a planning department, and a control department, and therefore, each pupil could show his personal his inclinations* (Makarenko, 1952, pp. 63–64).

According to Makarenko, each member of a labor collective could become a senior, which gave each pupil a chance to try himself as a leader. He also believed that without this educational system, the only thing people were able to fulfill was simply “growing up”, i.e. becoming adults, especially those poorly adapted to life, weak-willed, unable to overcome difficulties. Makarenko was convinced that *by providing members of his commune with qualifications related to secondary education, they at the same time acquired diverse organizing abilities*. In addition to that he remarked on the importance of them *to participate in solution of industrial, economic and social issues for members of the commune, while that was the most valuable canal for their social energy to be channeled. However, that was not about the energy of people who refused their personal lives, that was a reasonable social activity of people who understood that public interests should always predominate personal interests* (Makarenko, 1984a, p. 258).

Makarenko’s ideas concerning the issues of education are closely intertwined with Lenin’s ideas of accounting and control, due to *any normal administrative and routine work of all self-government bodies should be recorded very accurately*. In this respect he also mentioned *it is desirable for such accounting to be concentrated in one place, e.g., at the secretary of the Collective Council. Such accounting would make it possible to free self-government bodies in the sphere of education from loads of tedious paperwork* (Makarenko, 1951, p. 20).

In his educational practice, Makarenko faced some very complex problems, which were sometimes insoluble in terms of rationality. Among them he saw issues of sexual education, which, in his opinion, could only be damaged with a purely rationalistic approach, turning this education into a cynical analysis of relationships. According to Makarenko, *an open and too premature discussion of sexual issues imposes a roughly rationalistic perspective of the sexual sphere upon the child, lays the ground for cynicism with which sometimes an adult so easily shares his intimate sexual experiences with others*. Makarenko insisted on any form of sexual education to be interpreted only as *the education of love, i.e., a great and deep feeling which embraces life, aspirations and hopes* (Makarenko, 1984b, pp. 56–57).

Consequently, this well-known organizer of children’s and youth communes in the first years of Soviet power, did not limit himself with the proposed rationalistic approach concerning education of young citizens. At the same time he suggested some irrational aspects to be the part of his world-view – sublime feelings of love.

The cult of science and the flourishing of rationalistic mythology

Scientists, politicians, poets celebrated the power of science and scientific planning. For example, Alexander Bogdanov devoted several of his works to discussing them, including his “Tectology”, where he attempted to express the idea of a national economic plan precisely: *what kind of economy can be called planned?* Bogdanov described it in terms of *everything being harmoniously coordinated on the basis of a single, methodically developed plan, while the principles for this coordination can be established only from a scientific point of view* (Bogdanov, 1989, p. 274).

The application of a scientific approach to production process, according to Bolsheviks, makes it possible to rationalize and control products flow on the part of working masses, thereby narrowing the space of spontaneous market, as well as poorly managed relations of production and exchange.

In this regard, the atmosphere of that historical period very much resembled the one of the Great French Revolution, not only because the latter was referred to, quoted, and even copied. The merciless criticism of all previous orders (the so-called *Ancien regime*) was inspired by the belief in the universal triumph of Reason, which, in particular, was expressed in the creation of a very artificial cult of the Supreme Rational Being in France at that time and the renaming of churches into *Temples of Reason* (Aulard, 1892, pp. 199–204).

Very similar things occupied the ideologists of the Russian Revolution in 1917. Outstanding minds and great abilities were put at service for transformation of Russia, which should be done by asserting rational principles to everything, with Science being the embodiment of Reason. The atmosphere in the Soviet society was rather tense, with *reasonable* (i.e. scientific, rational, conscious, planned, etc.) was opposed to *unreasonable* (i.e. spontaneous, unconscious), and both sides were characterized in absolute extremes.

In the same way as during the Great French Revolution, the cult of Reason was formed in Soviet Russia, and it was celebrated by poets, artists, writers, actors, etc. For example, in order to celebrate the three-year anniversary of the October Revolution in Petrograd a group of talented artists (Evreinov, Kugel, Petrov, Derzhavin, Annenkov, Temkin among them) staged an unprecedented open-air performance, which was called “The Capture of the Winter Palace”, with 8,000 moving extra involved, orchestra, and the Aurora having fired the cannon, as it had happened on October 25, 1917.

It seemed to Bolsheviks that the most important rationalistic ideas were reflected in this Cult: the mind of the Revolution could reproduce any historical event with confidence of presenting it in all details, exactly as it really was, and in terms of its Essence. And here there was already a possibility to recreate the events a new. An outstanding personality of this period, Aleksei Gastev, the organizer of the Institute of Labor was committed to a radical transformation of all types of human activity on the basis of their rationalization. The meaning of this rationalization was to decompose each employee’s behavior into the primary elements, and then weed out all unnecessary, useless and ineffective, recreating finally the most rational and productive action. All methods of labor activity had to be illuminated

by a reasonable and critical analysis and, as Hegel used to say, either justify their right to exist or be discarded.

As we can see, the bloom of rationalist mythology was diverse in its manifestations. The policy of War communism disturbed this mass utopian consciousness, which was preoccupied with Rationality: theoretical rationalism (i.e. rationalistic mythology of Reason) has retired to the socio-psychological shell. But such a deliberate (or not) flirt with the myth, as Thomas Mann would say later, might be very dangerous. Moreover, flirt is dangerous not only with the myth of Race, Soil and Blood, but also of Reason. Extraordinary minds were able to discern these dangers. As a reaction to rationalistic utopias, several literary dystopias appeared to depict disastrous consequences of the mythology of Reason that have been implemented into practice. Evgeniy Zamyatin was one of the first to point out them in his novel named 'We'.

Institutionalization of the rationality paradigm

The history of the Soviet society demonstrated how quickly the worst fears concerning this flirt with the myth of Reason have been confirmed. Socio-political institutionalization of the Enlightenment paradigm with its claim for rational universality and direct control, led to the "eternal and all-conquering teaching" becoming the only legal theory of the time. The party "of the new type" became the one and only subject, which at the same time appeared to be *the mind, the honor and the conscience of the epoch*. The universal state based on such a theory and ruled by such a subject of power demonstrated complete political control over all life aspects of the society. Vladimir Shvyrev rightly pointed out that *prevailing ideology of scientism was very far from the true spirit of science which is always associated with critical attitude and supremacy over illusions*. However, he noticed that the ideology *tried to speak on behalf of science and proclaimed science to be officially of ideological value* (Shvyrev, 1992, p. 92). This was the key difference between the Communist ideology and totalitarian ideologies of that time, such as racism, chauvinism, religious fundamentalism, etc. They all referred to irrationality rather than science. It was fundamentally important for Shvyrev, that such metamorphosis of rationality in the Soviet state was determined not only by external, social factors, but also those inherent to the very nature of rational knowledge (p. 92).

The institutionalization of Soviet rationality resulted into both explicit and implicit disputes between Marxism and classical rationality of the Enlightenment. Marxism in its original version (Marx, Engels) explicitly declared a break with the classic tradition, which concerned the fundamental categories of consciousness, reason, and human being. Marxism in its Soviet version (i.e. Marxism-Leninism) asserted a revolutionary break with entire philosophical tradition of preceding times (rationalism, idealism, metaphysics). At the same time, Lenin, in his "Philosophical Notebooks" had to assume that there was still a huge task to be solved: to revise the content of all philosophical knowledge, to relieve it from archaisms, to reformulate philosophical categories and traditional philosophical problems.

At the same time, it is a common mistake to simplify the real complexity of both eternal philosophical problem and powerful idea of reason-based reconstruction of the society proposed by Marxism. We should admit, the idea of total calculability, which was implemented not only in the research but also in practice, was impressive. At the first glance, fantastic opportunities have been presented to the Soviet society: five-year plans for economic development of a huge country, amazing achievements of those who rationally organized the whole process, outstanding records of athletes and pilots who calculated their success in advance, alteration of the entire social structure, landscape, climate, and finally, person!

Manifestation of such universal calculability transformed mass consciousness on purely rational principles. Mass consciousness has been purified from everything dark, obscure (from everything based on unconscious impulses, feelings, intuition). From this point of view, a military campaign was launched against various kinds of prejudices, misconceptions and ignorance. However, blind faith in ultimate triumph of certain ideas, patterns, and programs has immediately become really obsessive, such as collective duty to the society has become obsessive. Any feelings and beliefs appeared to be legal only when they were matters under control.

An impressive form of calculability was all-pervasive control, which meant awareness and universality of accounting: from birth rate and food production to traffic regulation, Siberian river flow, climate, etc. From the very infancy of a person he or she became accustomed to various forms of control: economical, political, ideological, administrative, psychological. Everyone had to undertake at least a small amount of control functions. In all these accounting procedures, science was the object of official worship, which was able to calculate, justify, discover and predict everything in advance.

The rationalistic construction and alteration of the environment was also quite characteristic to this paradigm: rational nutrition, organization of labor, recreation, rationally organized life, housing, parenting. Everything that presented any value for the Soviet society was proclaimed to be reasonable, and everything that is reasonable should be implemented. However, the euphoria of waiting for rationalistic miracles resulted into indoctrination of the population, complemented by extensive punitive procedures.

One reason why reaching The Kingdom of Reason seemed to be very close was political will and political power combining with political reason. After all, since the age of Enlightenment, rationalistic thinking and theorizing has been known as something separated from practice, from real political actions. It seemed that the theoretical nature of the Enlightenment has finally been overcome and the Mind has eventually found the Body.

The rationalistic ideal of the light-bearing mind was socially and ethically attractive. The rational idea has been no longer remaining in dreams, but in fact it was formatting nature, labor, everyday life of people. And if in the early years of Soviet power, it was stated that all these working bodies (committees, councils) are only instruments of the collective mind of the masses, then soon quite certain repressive bodies began to claim the very role of the Supreme Mind.

Another reason for the proclaimed rationalization to influence social life was the combination of political reason and goodness. After all, in the European tradition the Kingdom of Reason challenged not only madness and obscurity, but also the Kingdom of Evil: the light of reason not only dispels the darkness of ignorance, but helps to defeat social evil. In the 20th century, long after the age of Enlightenment, Reason was again recruited to the cause of political revolution, but it was not *natural light* anymore, it was *the collective mind of the working masses*, which inherited all the best, advanced and progressive.

Lenin's death seemed to be the final chord in this tragic symphony of Reason having been performed in that short period of utopian projects. His death resulted into apocalyptic despair experienced by the Soviet society: undoubtedly, it was perceived in the context of specifically rationalistic mythology as the death of *Reason himself*. The flavor of this mythology was successfully captured by Nikolai Valentinov in his notes where he described the autopsy on Lenin's body had been performed in Gorki, which lasted almost 5 hours. He pointed out that *the most detailed report on that matter had been given*, and it seemed to him that *never before in history and nowhere in the world had the deceased rulers of the country been represented in such a naked condition to the last, extreme anatomical degree* (Valentinov, 1991, p. 142).

Having tried to elucidate all the secret aspects of Lenin's death with the merciless light of scientific analysis, the political machine of the Soviet State, which was generated by Lenin himself, was behaving in a self-contradicting way: it immortalized the Leader and gave his remains a sacred prominence. That was the moment when a new important period started, with a new mystery of Reason, which was already passing to transcendent rationality. That was the highest of the possible rationalities, and it was revealed only to the competent authorities. Soviet society had been diving into *irrational rationality*.

Conclusions

During the Soviet period, a real attempt had been undertaken to create a rationalistic model of the Socialist state based on the centralized system of planning, universal public administration and control in the fields of economics, science, health, art, educating a new Soviet person. Socialist system of education included models of rationally organized labor and different aimed at forming an attractive image of a person for the future. This model was successfully implemented the period of socialist modernization, the Great Patriotic War, the Cold War, with the nuclear parity having been reached and the first man having flown to the Space.

However, the classical problem concerning the relation between *rational* and *irrational* failed solution: educational rationalism remained untouched in the official Soviet philosophy and ideology, where various types of reasons continued to exist in different mystical formats. Representatives of a creative trend in Marxism have been developing the problems of *rational* and *irrational* under certain censorship, on the verge of being accused of opportunism and the threat of political repression. Critical studying of the new social reality was substituted by pseudo-rationalistic

planning (the plans of the party are the plans of the people), in which utopian desires of political leadership were expressed (e.g. *catching up and overtaking, developing virgin lands, turning rivers, draining and flooding*, etc.).

The fetishization of Reason, which was characteristic of the Enlightenment, led in the Soviet years to the birth of a real cult of rationality. According to the principle *Science can do anything*, miraculous abilities were attributed to science, resulting into its mystification. Soviet type of rationality was by no means dialectical and materialistic, it was *irrational*, especially when identifying Marxist philosophy and science. The obvious expression of that was the definition given to the official ideology of the Soviet state: it was proclaimed as exclusively scientific.

The primitive understanding of rationality as a reasonable, formally logical activity was reduced in practice to efficiency (e.g. *rationalization of production*), which at the same time resulted into an equally primitive idea of *irrationality* being something illogical, absurd and, accordingly, inefficient. For example, all phenomena of everyday consciousness and religion were declared *irrational* in this sense. That is why the theory and practice of revolutionary transformations were predetermined to face their dead ends (methodological, ideological, praxiological). Many important issues remained unattainable for this theory, such as technological revolution (especially in biotechnology, social engineering); post-anthropology; post-industrial society, colonial system collapse and neocolonialism, global digital society and many others.

References

1. Aulard, F.-A. (1892). *Le culte de la raison et le culte de l'Être Suprême (1793–1794). Essai historique* [The cult of reason and the cult of the Supreme Being (1793–1794). Historical essay.]. Paris: Félix Alcan. (In French).
2. Bachelard, G. (1987). *Novyj racionalizm* [The new rationalism]. Moscow: Progress, 1987. (In Russ.).
3. Bogdanov, A.A. (1989). *Tektologiya: vseobshhaya organizacionnaya nauka: v 2 kn. Kn. 2* [Tectology: General organizational science: in 2 books. Book 2]. Moscow: E'konomika. (In Russ.).
4. Boguslavsky, M.V. (2018). *Vospitatel'naya pedagogika A.S. Makarenko: genesis, traktovka, aktual'nost' (vstupitel'noe slovo k razdelu)* [Upbringing pedagogy of Anton S. Makarenko: Genesis, interpretation, relevance (introductory word to the section "Educational pedagogy of Anton S. Makarenko: 130th anniversary of the birth)]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and Foreign Pedagogy], 2018, 1(3), 13–18. (In Russ.).
5. Bukharin, N.I. (1988). *Izbrannye trudy: Istoriia i organizatsiia nauki i tekhniki* [Selected works: History and organization of science and technology]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
6. Clark, K. (1993). *Engineers of human souls in an age of industrialization: Changing cultural models, 1929–41*. In W. G. Rosenberg, & L. H. Siegelbaum, *Social*

dimensions of Soviet industrialization (pp. 248–265). Bloomington: Indiana University Press.

7. Engels F. (1961). Anti-Dühring. In K. Marx, & F. Engels, *Collected works* (Vol. 20). Moscow: Politizdat.

8. Fitzpatrick, Sh. (1992). *The cultural front. Power and culture in revolutionary Russia*. Ithaca: Cornell University Press.

9. Fritzsche, P., & Hellbeck, J. (2008). The new man in Stalinist Russia and Nazi Germany. In M. Geyer, & Sh. Fitzpatrick (Eds.), *Beyond totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared* (pp. 302–342). Cambridge: Cambridge University Press.

10. Frolov, A. A., & Ilaltdinova, E. Yu. (2012). Prioritety pedagogiki A.S. Makarenko: osvoenie naslediya [Priorities of A.S. Makarenko's pedagogy: mastering the heritage]. *Narodnoe obrazovanie* [Public education], (5), 267–272.

11. Horkheimer, M. (2011). *Zatmenie razuma: K kritike instrumental'nogo razuma* [Eclipse of Reason. Towards a Critique of Instrumental Reason]. Moscow: Kanon+. (In Russ.).

12. Hübner, K. (1996). *Istina mifa* [The truth of the myth]. Moscow: Republic. (In Russ.).

13. Ilaltdinova, E. Yu. (2011). Nasledie A. S. Makarenko v oficial'noj pedagogike sovremennoj Rossii [The legacy of A. S. Makarenko in the official pedagogy of modern Russia]. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and Society], (6), 103–110. (In Russ.).

14. Kur-Korolev, K. (2011). Novyj chelovek, ili social'naya inzheneriya pri stalinizme: nekrolog po mechtam o novom cheloveke [The new man, or Social engineering under Stalinism: An obituary for dreams of a new man]. In *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (5–7 dekabrya 2008 g., Moskva)* [The History of Stalinism: Results and problems of the study: Proceedings of the International scientific conference (2008, December 5–7, Moscow)] (pp. 372–377). Moscow: ROSSPE'N. (In Russ.).

15. Lenin, V.I. (1974a). State and revolution. In V.I. Lenin, *Collected works* (Vol. 33), Moscow: Politizdat. (In Russ.).

16. Lenin, V.I. (1974b). How to organise competition? In V.I. Lenin, *Collected works* (Vol. 35). Moscow: Politizdat. (In Russ.).

17. Lenin, V.I. (1974c). The next tasks of the Soviet government. In V.I. Lenin, *Collected works* (Vol. 36). Moscow: Politizdat. (In Russ.).

18. Lenin, V.I. (1974d). Report on the next tasks of the Soviet government. In V.I. Lenin, *Collected works* (Vol. 36). Moscow: Politizdat. (In Russ.).

19. Lenin, V.I. (1974e). Outline of the Plan of scientific and technical works. In V.I. Lenin, *Collected works* (Vol. 36). Moscow: Politizdat. (In Russ.).

20. Lenin, V.I. (1974f). The original version of the article “The next tasks of the Soviet government”. In V.I. Lenin, *Collected works* (Vol. 36). Moscow: Politizdat. (In Russ.).

21. Lenin, V.I. (1974g). The new economic policy and tasks of political enlightenment. In V.I. Lenin, *Collected works* (Vol. 44). Moscow: Politizdat. (In Russ.).

22. Makarenko, A. S. (1983). *Pedagogicheskie sochineniya v vos'mi tomax Tom 1* [Pedagogical works in 8 volumes. Vol. 1]. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
23. Makarenko, A. S. (1951). *Sochineniya v 7 tomax. Tom 5* [Essays in 7 volumes. Vol. 5]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskix nauk RSFSR. (In Russ.).
24. Makarenko, A. S. (1952). *O kommunisticheskom vospitanii* [On Communist education]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskix nauk. (In Russ.). (In Russ.).
25. Makarenko, A. S. (1984a). *Pedagogicheskie sochineniya v vos'mi tomax Tom 4* [Pedagogical works in 8 volumes. Vol. 4]. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
26. Makarenko, A. S. (1984b). *Pedagogicheskie sochineniya v vos'mi tomax Tom 5* [Pedagogical works in 8 volumes. Vol. 5]. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
27. Makarenko, A. S. (1986). *Pedagogicheskie sochineniya v vos'mi tomax Tom 8* [Pedagogical works in 8 volumes. Vol. 8]. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
28. Malkov, E.V. (2012). Teoreticheskie aspekty postroeniya pedagogicheskoy sredy A. S. Makarenko [Theoretical aspects of the structure of A. S. Makarenko's pedagogic environment]. *Nauka i shkola* [Science and School], (2), 190–192. (In Russ.).
29. Marx, K. (1946). Economic manuscripts of 1857–1859. In Marx, K., & Engels, F. *Collected works* (Vol. 46, part 1). Moscow: Politizdat. (In Russ.).
30. Marx, K. (1961a). Capital. In K. Marx, & F. Engels, *Collected works* (Vol. 24). Moscow: Politizdat. (In Russ.).
31. Marx, K. (1961b). Capital. In K. Marx, & F. Engels, *Collected works* (Vol. 25, part 2). Moscow: Politizdat. (In Russ.).
32. Mazur, L.N. (2016). Rannesovetskoe obshhestvo kak social'nyj proekt: metodologicheskie podxody k izucheniyu istorii Rossii v 1917–1936 godax [Early Soviet society as a social project: Methodological approaches to the study of the history of Russia in 1917–1936]. In O. S. Porshneva (Ed.), *1917 god v Rossii: socialisticheskaya ideya, revolyucionnaya mifologiya i praktika* [1917 in Russia: Socialist idea, revolutionary mythology and practice] (pp. 7–28). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russ.).
33. Mudragey, N. S. (1994). Racional'noe i irracional'noe - filosofskaya problema. Chitaya A. Shopengaue'ra [The rational and the irrational as a philosophical problem. Reading A. Schopenhauer]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], (9), 53–65. (In Russ.).
34. Porshneva, O. S. (2017). Novyj chelovek kak komponent revolyucionnogo sovetskogo proekta: klyuchevye problemy izucheniya v sovremennoj istoriografii [The new man as a component of the revolutionary Soviet project: Key problems of study in modern historiography]. In L.N. Mazur (Ed.), *E'poxa socialisticheskoy rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyx preobrazovanij* [The Epoch of Socialist reconstruction: Ideas, myths and programs of social transformations] (pp. 6–18). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russ.).
35. Putnam, H. (2002). *Razum, istina i istoriya* [Reason, truth and history]. Moscow: Praxis. (In Russ.). (In Russ.).

36. Rusakov, V.M. (1997). *Vtoroe krushenie carstva razuma: problema racional'nogo i irracional'nogo v sovremennoj filosofii* [The second collapse of the Kingdom of Reason. The problem of the rational and the irrational in modern philosophy]. Ekaterinburg: UrGSXA. (In Russ.).

37. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2022). Sovetskaya vlast' plyus racionalizaciya vsej strany: postroenie Carstva Razuma [Soviet power plus rationalization of the whole country: Creating the Kingdom of Reason]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Russian History Series], 21(4), 452–468. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

38. Sannikova, N.G. (2013). *Motivaciya vospitannikov k proizvodstvennoj deyatel'nosti v teorii i praktike A.S. Makarenko* [Motivation of pupils to industrial activity in A.S. Makarenko's theory and practice]. *Narodnoe obrazovanie* [Public education], (6), 67–74. (In Russ.).

39. Searle, J.R. (2001). *Rationality in action*. Cambridge: MIT Press.

40. Shvyrev, V.S. (1992). Racional'nost' kak cennost' kul'tury [Rationality as a value of culture]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], (6), 91–105. (In Russ.).

41. Shvyrev, V.S. (2003). *Racional'nost' kak cennost' kul'tury. Tradiciya i sovremennost'* [Rationality as a value of culture: Tradition and modernity]. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.).

42. Valentinov, N. (Volsky, N.). (1991). *Novaya e'konomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina: Gody raboty v VSNX vo vremya NE'P. Vospominaniya* [The new economic policy (NEP) and the crisis of the Party after Lenin's death. Years of work in the Supreme Soviet of the National Economy during the NEP. Memoirs]. Moscow: Sovremennik. (In Russ.).

Информация об авторах

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Василий Матвеевич Русаков, доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, Екатеринбург, Россия, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6453-662X>, e-mail: dragonera768@gmail.com

Ян Юрьевич Моисеенко, младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Information about the authors

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Vasiliy Matveevich Rusakov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6453-662X>, e-mail: dragonera768@gmail.com

Yan Yurievich Moiseenko, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moisseenko@mail.ru

САМОИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ КАК КЛЮЧ К САМОПОЗНАНИЮ ДУХА

Андрей Владимирович Гиза,

Донецкий национальный технический университет,
Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия,
19andrey06@mail.ru

Получена 12.01.2023.

Поступила после рецензирования 24.07.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Гиза А. В. Самоинтерпретация отчуждения как ключ к самопознанию духа // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 47–64. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_47

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению феномена отчуждения в контексте самоощущения исторической сущности человека. Ставится задача праксеологического прояснения проблемы самопознания человека с концептуальной опорой на понятие «отчуждение». Рассматривается специфика современной оценки отчуждения в отечественной и зарубежной научной мысли, что дает представление об уровне общественного сознания. Автор статьи отмечает, что исследования в этой сфере, как зарубежные, так и отечественные, нередко проводятся в ракурсе либо консервативно-схоластического толкования гегелевско-марксистских представлений, либо в вульгаризирующем ключе морально-психологического низведения содержательности отчуждения до более простых феноменов повседневной субъектности. В первом случае мы имеем выраженную экзегетическую трактовку, обладающую религиозноподобным характером, во втором – приходим к идеологически нейтральному, но в то же время сущностно выхолощенному содержанию. В обоих вариантах, как правило, отсут-

© Гиза А.В., 2023

ствуует как проблемность вопроса о самом отчуждении, так и сопутствующей темы исторической сущности человека и самопознания. Автор полагает, что возобновление исследований отчуждения и проблем самопознания человека, проводимое в рамках методологии критически-диалектического подхода, с выходом на философскую познавательную практику логико-понятийной конкретизации используемых трактовок может быть продуктивным в научном отношении. Учет социально-исторических трансформаций за последние полтора века способен дать необходимую и обоснованную конкретность исходным определениям, позволяет преодолеть академическую косность и схоластичность иных философских штудий. Осознание этого, в свою очередь, может в перспективе содействовать конструктивной актуализации собственно экзистенциальной проблематики самопознания человека.

Ключевые слова:

осознание, отчуждение, самоотчуждение, человек, познание, история, деятельность, предметность, свобода.

UDC 124.2

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_47

SELF-INTERPRETATION OF ALIENATION AS A KEY TO SPIRIT'S SELF-KNOWLEDGE

Andrew V. Gizha,

Donetsk National Technical University,
Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia,
19andrey06@mail.ru

Received 12.01.2023.

Revised 24.07.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Gizha, A. V. (2023). Self-interpretation of alienation as a key to spirit's self-knowledge. *Discourse-P*, 20(4), 47–64. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_47

Abstract

The article explores the phenomenon of alienation in the context of human historical self-realization. The goal is to praxeologically elucidate the matter of self-awareness with a conceptual foundation in the notion of “alienation”. The specificity of contemporary assessments of alienation in both domestic and foreign science is considered, providing insight into the level of societal consciousness. The author notes that research in the field, both domestic and international, is frequently examined from the perspective of either conservative scholastic interpretation of Hegelian-Marxist ideas or a vulgarized

manner involving moral and psychological reduction of the substance of alienation to simpler phenomena of everyday subjectivity. The first approach displays a pronounced exegetical representation of a quasi-religious type, while the second one shows ideologically neutral yet ontologically impoverished content. Both options commonly overlook the inherent complexity of the issue of alienation itself, as well as the accompanying topic of the historical essence of humanity and self-awareness. According to the author, continuation of studying alienation and issues of human self-knowledge, conducted within the framework of the critical-dialectical approach and entering philosophical gnostical practice through logical notional specification, can be scientifically productive. Taking into account the social-historical transformations over the last century-and-a-half can provide the necessary and reasonable specificity to the initial definitions, allowing overcoming the academic rigidity and scholasticism found in other philosophical studies. Recognizing this, in turn, can facilitate the constructive actualization of the genuinely existential problems of human self-knowledge in the future.

Keywords:

awareness, alienation, self-alienation, man, knowledge, history, activity, objectivity, freedom.

Введение

Вопрос соотношения практики самопознания и трактовки понятия отчуждения может быть проиллюстрирован известным замечанием Ф. Энгельса по поводу сетования К. Негели, что сущность времени и пространства нам неясна: «...он этим лишь утверждает, что мы при помощи своей головы сперва создаем себе абстракции, отвлекая их от действительного мира, а затем оказываемся не в состоянии познать эти нами самими созданные абстракции...» (Энгельс, 1986, с. 562). Человек, вводящий тот или иной термин, разумеется, должен осознавать свое действие. И, таким образом, прямое и буквальное соотношение понимания того, чем является фактор отчуждения в каком угодно ключе, в том числе в связи с вопросами самопознания, неуместно – все необходимое уже сказано. Но здесь все же имеется интересный и нетривиальный аспект действительно содержательного рассмотрения, если мы разберем эту тему с позиции, которую можно назвать самоинтерпретацией отчуждения. Она подразумевает включение в исследование самого познающего субъекта, который так или иначе остается в пределах действия отчуждающих обстоятельств и в своих высказываниях в какой-то момент неизбежно эту зависимость проявляет. При этом он, как правило, либо не осознает ее, либо по каким-то соображениям игнорирует.

Вернувшись к высказыванию Энгельса, заметим относительно времени и пространства, что в операционных определениях данных категорий (час, метр) мы еще не приближаемся к соответствующим понятиям, а обладаем только эмпирическим знанием применительно к ситуации измерения. Иными

словами, вводя абстракции, мы их обобщенно именуем, но проблема общего определения, подразумевающего возможное расширение сферы их применения, остается. Исходное исчерпывающее понимание абстракции всегда привязано к условиям решаемой задачи. Таким образом, здесь и Негели оказывается отчасти прав, при условии что речь идет о диалектической логике *развития* понятия, и Энгельс, свидетельствующий о завершенном этапе формирования *предметного представления* понятия. Для каждой истины должна быть определена своя мера.

Принципиальных вопросов относительно общего смысла понятий отчуждения и самосознания, если они введены в научно-философский оборот сознательным образом, быть не должно. В противном случае мы окажемся в той же сфере абстрактно-схоластического теоретизирования, что и Негели, считающий, что мы вообще не знаем, что такое время, пространство и т.д.

В связи с этим разумно принять, что сейчас, спустя 200 с лишним лет после философского введения понятия отчуждения Гегелем и работы с ним Маркса, его содержательная сторона как явления оказалась в принципиальном отношении прояснена, и каких-то открытий, радикально новых интерпретаций здесь ожидать не приходится. Относительно же того, что обозначает термин «самосознание», необходимую понятийную основу заложил Гегель, определяя его так: «Самосознание есть предмет для сознания, который в себе самом устанавливает свое инобытие или различие как ничтожное различие и который в этом самостоятелен. <...> Лишь благодаря этому оно в самом деле есть, ибо лишь в этом обнаруживается для него единство его самого в его инобытии. <...> Лишь в самосознании как понятии духа – поворотный пункт сознания, где оно из красочной видимости чувственного посястороннего и из пустой тьмы сверхчувственного потустороннего вступает в духовный свет настоящего» (Гегель, 1959, с. 98–99). Ключевой аспект в гегелевской характеристике самосознания – указание на «единство его самого в его инобытии».

Отчуждение традиционно понимается как специфика предметной стороны осуществления практической (трудовой) деятельности общественно организованного человека, результаты которой оказываются в состоянии негативной детерминации по отношению к индивиду, противостоят ему в той или иной форме угнетения. «Хотя это движение (товарное обращение. – А. Г.) в целом выступает, – пишет К. Маркс, – как общественный процесс, а отдельные моменты этого движения исходят от сознательной воли и особых целей индивидов, тем не менее совокупная целостность этого процесса выступает как некоторая объективная связь, возникающая стихийно; хотя она и проистекает из взаимодействия сознательных индивидов, но она не заключена в их сознании и в целом им не подчинена. Их собственное столкновение друг с другом создает для них некоторую стоящую над ними, чуждую им общественную силу; их взаимодействие выступает как не зависящий от них процесс и как не зависящая от них власть...» (Маркс, 1968, с. 95).

Процесс закабаления индивида социальными силами означает потерю дружественной ему среды обитания, искажение человечески ориентированных

смыслов и ценностей жизни и радикально ставит вопрос о действительности этих ценностей и вообще мира идей, духовных устремлений и тем самым настойчиво подводит общественного человека к возобновлению проблемности вопрошания о себе самом, о качестве человечности и целях цивилизационного развития. Типологически это тот же вопрос о бытии, забвение которого отмечал М. Хайдеггер почти сто лет назад в работе «Бытие и время». Отчуждение в широком смысле выражает такое незнание индивида относительно условий и форм общественной организации, собственного бытия, которое не остается простым ученическим невежеством, но связано с фатально определенными иллюзорными представлениями. Их фатальность заключается в усугублении текущего состояния несвободы до его полной консервации при одновременном раскрытии мнимого выхода из него в форме невыполнимых утопических мечтаний.

Мы не станем изыскивать какую-либо более изощренную, т.е. схоластически отчужденную трактовку ни самого понятия отчуждения, ни понятия самосознания, но попытаемся соотнести, во-первых, их между собой во внутренней диалектической связи, во-вторых, обнаружить их предметную содержательность в отношении наличного, исторически конкретного бытия нашей эпохи универсального «пост-»: постсовременности, постмодерна, посткапитализма и прочих симуляционных трансформаций. Данный разворот к исторически конкретизирующему истолкованию существующей социально-отчуждающей практики раскрывается в форме самоинтерпретации отчуждения. С этой точки зрения будет проведен обзор характерных рассуждений в контексте использования фактора отчуждения – соответственно тому, как их авторы видят его практическое проявление.

Роль фактора отчуждения в человеческом бытии и его познании

Исторически в понятии отчуждения, введенном в гегелевском варианте, выражена его диалектическая природа как условия самопознания и развертывания Абсолютного духа в форме необходимого самоотчуждения, достигаемого свободной трансгрессией в природное бытие. «Стремление самосознания в том и состоит, – пишет Гегель, – чтобы реализовать свое понятие и полностью осознать себя. Самосознание является поэтому 1) деятельным: снимает инобытие предметов и отождествляет их с собой, 2) отчуждает само себя и тем сообщает себе предметность и наличное бытие. И то и другое представляет собой одну и ту же деятельность. Быть определенным для самосознания то же самое, что самому определить себя, и наоборот. Оно само себя порождает как предмет» (Гегель, 1971, с. 84–85). В дальнейшем, в марксистской традиции, по мере изживания элементов идеалистических мистификаций становится преобладающим выделение негативной стороны отчуждения, имманентной общественному бытию капиталистического строя. Заметим, что указанные мистификации не означают некую абсолютную ложность суждений и/или непонимание рассматриваемой темы. Соответствующие термины Гегеля характеризуют его подход к выражению

того, что не имеет предметной определенности. Другими словами, это способ говорить там, где говорить, по Л. Витгенштейну, нельзя.

Отчуждение как феномен, атрибутивно связанный с предметным характером деятельности человека, может быть понят как сложное, т.е. не прямое проявление исторически манифестируемой природы человека. Соответственно, анализ отчуждения позволит конкретно раскрыть особенности его бытия без произвольного приписывания индивиду тех или иных качеств как якобы естественно данных.

Реальное снятие негативной стороны отчуждения происходит только и исключительно в реальности же, а именно в социально-исторических условиях бытия, в их направленном и теоретически продуманном изменении, в творении действительно новых форм культурной самореализации. Соответствующая теоретизация и показывает степень поглощенности сознания фактором «дурного отчуждения»¹.

Подобное преодоление означает движение к иным субстанциальным условиям жизнедеятельности, к таким, которые не воспроизводят пороки предшествующих форм социальности как закономерную реальность общественного бытия. В этом заключается смысл и подлинное содержание революционной деятельности, истинность которой проверяется задействованным предельным качеством исторических масштабов, захватывающим все существо человека. Более того, на этом пути переосмысления сути революционной практики требуется постичь понятийно-логическую полноту того, что высказано о ней теоретически. Этот момент наиболее сложен в трактовке глубоких философских текстов, к каковым относятся и работы, заложившие основы марксистской традиции. Так, деятельная сторона исторической практики обычно понимается в смысле внешнего переустройства условий общественного и/или природного бытия, взятого вне трансформации субъекта этих изменений. Субъект здесь мыслится либо уже в достаточной степени измененным, поскольку он начинает сами процессы преобразования, либо вступившим на путь внутренних изменений чуть ли не самопроизвольно, уже в силу своей активности. Однако следует подчеркнуть, что социальная (и познавательная научная) практика не формируется спонтанным образом, она требует должной отработки качества субъектности, правильно проводимого самодействия. Именно в этом направленном процессе самодействия индивид способен восстановить родовую сущность, а не просто в очередной раз оказаться результатом скульптурной лепки неведомых ему сил социальной детерминации. Определенная спонтанность, конечно, присутствует в стихийности масштабных исторических движений, но только в том смысле, что эти движения в докапиталистическую эпоху не имеют основательного теоретического продумывания. При этом, например, известная характеристика древнегреческой мысли как «стихийно-диалектической» глубоко ошибочна. Стихийно как раз повседневное мышление, а философская рациональность

¹ «Дурное отчуждение» здесь аналогично «дурной бесконечности» Гегеля. В обоих случаях описывается похожая ситуация мнимой ясности, подразумевающая доминирование метафизической односторонности.

изначально, начиная с Фалеса, складывается в полном единстве внутреннего опыта и рефлексии над ним, что требует умения двигаться по пути бесконечного обобщения с одновременным видением конечного результата.

Тема интерпретации сущности человека в контексте фактора отчуждения и в связи с этим трактовка «природы человека» для ее вывода из состояния преимущественно формалистических дефиниций требуют, прежде всего, продолжения критически аналитического освещения наличного положения дел. Оно позволит выявить возможность понятийно-содержательной и терминологической перспективности его конкретизации на устойчивой научной основе с минимальными идеологическими и субъективистскими искажениями. Искомая критичность направлена не на уточнение собственно исходных определений, а на понимание состояния их реализации, достигаемого качества их прикладных следствий.

Сущность человека через призму категории отчуждения в зарубежной и отечественной научной традиции

Западное обществоведение к настоящему времени представляет к рассмотрению широкий диапазон толкований категорий марксизма и самой марксистско-гегелевской традиции. Характерными моментами здесь видятся два основных аспекта. Первый – поддержание исторической аутентичности интерпретации Маркса. Так, Ш. Сайерс обсуждает марксову концепцию отчужденного труда, уходя от упрощенного морального толкования, понимая его как «объективное и исторически специфическое условие, этап в процессе исторического развития» (Sayers, 2011). Сюда же можно отнести работы М. Мусто, дающего весьма широкий обзор существующих философских позиций по трактовке отчуждения и разбирающего, в частности, типичные примеры понятийной ограниченности американского социологического подхода, обозначенные им как «гиперпсихологизация». При таком подходе отчуждение рассматривается «не как социальная проблема, а как патологический симптом индивидуума, излечимый на индивидуальном уровне. В то время как в марксистской традиции концепция отчуждения способствовала резкой критике капиталистического способа производства, его институционализация в области социологии сводила его к явлению индивидуальной дезадаптации социальных норм» (Musto, 2010). Отметим продуктивный характер введенного термина гиперпсихологизации, обозначающего практически универсальный паттерн исторического объяснения. Он имеет хождение не только в американской (шире – западной) социологии, но и в отечественной традиции историко-социального анализа с ее конъюнктурно определенным отторжением научной методологии марксизма. Оценку этому казусу методологических метаморфоз вынес сам М. Мусто: «В американском академическом контексте концепция отчуждения претерпела настоящее искажение и в конечном итоге используется защитниками тех самых социальных классов, против которых она так долго была направлена» (Musto, 2010).

То, что указанное направление аутентичного марксизма далеко не случайно в западном обществоведении, получает подтверждающее свидетельство в статье

Alienation в Стэнфордской энциклопедии философии (Leopold, 2018). Здесь мы видим неплохо представленную линию гегелевско-марковского толкования отчуждения (наряду с облегченными персонифицированными рассуждениями морально-оценочного характера).

Ленин видел трудность правильного понимания Маркса, в частности, в том, что «нельзя вполне понять “Капитал” Маркса, особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля» (Ленин, 1969, с. 162). Гегель же требует вдумчивого и постоянного обращения к его наследию, и работа по реинтерпретации философской традиции марксизма оказывается, таким образом, делом всей жизни. Более того, можно утверждать, что процедура реинтерпретации действительных философских концепций и суждений (независимо от школы и направления) вообще не должна прекращаться для каждого поколения и эпохи.

Второй заметный аспект западной традиции заключается в том, что даже те общественные и научные деятели, кто настроен в целом сочувственно к «красному проекту», какие-то из его сторон непременно либо нивелируют, либо вульгаризируют. Например, касательно темы отчуждения Э. Фромм, описывая марксову концепцию человека, отмечает, что «для Маркса, как и для Гегеля, понятие “отчуждение” базируется на разнице между сущностью и существованием, на том факте, что человеческое существование отделено (отчуждено) от его сущности, что человек в наличной действительности представляет собой вовсе не то, что он есть в потенции, или, иначе говоря, он являет собой не того, кем он может и должен стать» (Фромм, 1992, с. 396). Здесь фактор отчуждения попросту сводится к своему наглядно выраженному предметному представлению, данному к тому же самым абстрактным образом. С такой трактовкой трудно согласиться, как и с ссылкой на первоисточник в лице Гегеля. Прямого отношения фактор отчуждения не имеет к указанной разнице между сущностью и существованием уже хотя бы потому, что эта разница есть определенность, мыслимая только в контексте познания, направляющая индивида к более глубокому пониманию происходящего, к выделению причинно-следственных связей, к научному представлению сущего. Вообще вопрос о сущности и существовании в первую очередь метафизический, но никак не исторический. Заметим, что сути не меняет тот факт, что сама метафизичность носит исторический характер. В познании пресловутое фроммовское «отчуждение» присутствовать будет всегда, ровно так же оно всегда будет и сниматься. После возникновения современного типа науки указанное различие перестает носить отчуждающий характер, переходит в разряд исключительно временной технической трудности. Сущность и существование сами по себе, в своей категориальной содержательности не образуют социального антагонизма и не рожают отчуждения. Последнее появляется, когда в неистинном существовании индивид начинает рассуждать о сущности, делая это в формате идеологически мотивированного суждения. В этом и заключается самоотчуждение – индивид сознательно оставляет себя в ракурсе, как ему кажется, выгоды и социальной прагматики, намеренно убеждая себя в необходимости пренебрежения исторической фактичностью.

В то же время отчуждение реальное, имеющее основание в экономической и политической истории общественного индивида, мало того, что возникает на определенном этапе развития человека, его производительных сил и соответствующих отношений, так оно в конечном счете является показателем неистинности человеческого бытия и требует преодоления. А выделенное гносеологическое несовпадение сущности и существования только камуфлирует ситуацию, делает ее труднопонимаемой, но не более того. Для полноты картины добавим, что приведенное выше суждение Фромма, утверждающее совпадение позиций Маркса и Гегеля относительно факта отчуждения, не единично. Ровно та же позиция разбиралась в свое время Э.В. Ильенковым в его анализе взглядов А. Шаффа: «По Шаффу, “отчуждение” – это особая форма отношений индивида к своим собственным “родовым признакам”, к тем самым “абстрактам”, которые “обща каждому экземпляру рода человеческого”. Иными словами, “отчуждение” – это отпадение, отдаление эмпирического индивида от некоей безличной абстрактной “сущности”, или, наоборот, этой безличной абстрактной “сущности” – от реального эмпирического индивида... Это – феномен расхожести между эмпирическим индивидом и некоторым “абстрактным, идеальным предметом”. Что же это за “идеальный абстракт”, от которого “отчуждается” отдельный человеческий индивид? Это – “модель идеального человека”, некоторый идеологический “образец для всестороннего подражания ему”. Самое, пожалуй, смешное и печальное тут в том, что эта оригинальная (а на самом деле очень неоригинальная) концепция “отчуждения” приписана Адамом Шаффом Карлу Марксу» (Ильенков, 1991б, с. 184–185). Таким образом, фактически позиция Шаффа повторяет и продолжает представления Фромма, и все это уже достаточно рассмотрено и оценено в трудах лучших представителей марксистской мысли в советский период.

В советской марксистской традиции одна из значимых ролей в интерпретации отчуждения принадлежит Э.В. Ильенкову. В работе «Гегель и “отчуждение”» он пишет: «Речь у Маркса – как, впрочем, и у Гегеля – речь везде идет о формах “отчуждения” результатов, продуктов человеческой деятельности... Да, предметная, предметно-фиксированная деятельность человека действительно является предпосылкой всякого “отчуждения”. Где ее нет – ни о каком “отчуждении” речи, конечно, быть не может...» (Ильенков, 1991а, с. 148). Вопрос об отчуждении как *результате* деятельно-предметной активности общественного индивида в условиях онтологического ограничения его сущностных сил, т.е. в ракурсе его изначально неразвитой способности к достаточно полному осознанию социально-исторического бытия, в целом в марксизме поставлен и в принципиальном отношении решен. Однако заметим, что добавочные условия того, чтобы отчуждение состоялось, мы к суждению Ильенкова *дописали*. Речь идет об указании на онтологические ограничения сущностных сил. В формулировке самого философа упоминания о них нет. Однако полагать, что сама по себе предметная деятельность ведет к отчуждению безусловным образом, означает, что такое отчуждение вечно, пока человек является деятельным существом. В рамках своей предметной деятельности он остается, по высказанному мнению, навечно отчужденным индивидом, для которого путь к самосознанию

сущностно закрыт. Своего рода неизбывная греховность отягощает в этом случае индивида, которому остается вечно страдать и в лучшем случае вырабатывать успокоительное философическое кредо. Достаточных оснований для такой радикальной интерпретации нет. Приняв трактовку вечной отчужденности, мы тотчас перешли бы на позиции некой квазирелигии.

Отчуждение, писал Э.В. Ильенков, – это «всемирно-историческая проблема, практически еще мировой историей не разрешенная» (Ильенков, 1991а, с. 151). Сегодня она еще больше усугубилась. Человек не только не совершил антропологически-культурный поворот к себе, не только не вернул собственную сущность, но, напротив, сделался еще более массовым и манипулируемым квазисубъектом, еще менее способным как общественный тип к революционной практике исторического творчества.

В настоящее время марксисты утратили монополию доминирующего научного дискурса и отчуждение как теоретическое понятие стало еще более проблемным. А.В. Бузгалин оценивает произошедшее в отечественном общественном сознании изменение методологического и тематического поля концептуальной деятельности так: «Ныне это проблемное поле как бы потеряно. Философы предпочитают не вспоминать об этом объемном и сложном блоке проблем» (Бузгалин, 2018, с. 155). Философские исследования сконцентрировались преимущественно на нейтральных академических темах, а действительно значимые общественные проблемы не получают должного освещения. На наш взгляд, сложившаяся ситуация является очевидным выражением функционирования отчужденного общественного субъекта. При этом гегелевское «снятое инобытие предметов» происходит через приобщение индивида к финансовым потокам, а его самосознание определяется в прагматической форме достижения максимальных доходов.

Одновременно с этим широкое распространение получили взгляды, упрощающие и марксистско-ленинские идеи, и само отчуждение. Так, коммунизм трактуется как «одна из радикальных версий общественного идеала, сопряженная с мифом о достижимости всеобщего равенства людей на основе многомерного и беспредельного изобилия. <...> В целом, коммунизм, как правило, выступает в ряде ипостасей: как идеология маргинальных слоев общества, статусных и имущественных аутсайдеров; как разновидность социального нигилизма, противопоставляющего традиционной системе ценностей совокупность верований об “идеальном обществе” в будущем “посюстороннем” мире; как разновидность светской религии в облике наукоподобной идеологии...» (Грицанов, 1999, с. 322). «По Марксу, – пишет А.А. Грицанов, – каждый человек отчужден от другого и от человеческой сущности тем больше, чем выше уровень эксплуатации труда в данном обществе. Впоследствии эта идея была вульгаризирована адептами марксизма-ленинизма, которые сузили понимание собственности до объема еще не присвоенного вещественного богатства других, а преодоление отчуждения стали связывать с ликвидацией института частной собственности посредством захвата власти люмпенизированными слоями населения» (с. 501). Еще один пример: «Вместо провозглашенной свободы для всех трудящихся диктатура

пролетариата утвердила новое, поистине тотальное отчуждение советского человека: от власти, собственности, результатов труда, правдивой информации об истории и современных событиях, личной безопасности, личной активности, рационального смысла жизни. Результатом стало самоотчуждение советского общества от развития: возникла его стагнация, она сменилась кризисом, который завершился разложением СССР» (Лапин, 2001).

Однако следует уточнить, что вопреки подобным трактовкам коммунизм есть результат длительного процесса снятия наличного отчуждения и базируется не на прокламации безудержного (многомерного) роста потребления, а на всестороннем развитии сущностных сил человека. А низведение сути марксистских (ленинских) положений об обобществлении средств производства до приписывания партии большевиков программных требований банального ограбления капиталистических собственников дает ложную картину практики революционной деятельности и строительства советского общества. При этом сама марксистская традиция в настоящее время оказывается в двусмысленном положении: с одной стороны, учение Маркса требует развития, с другой – это развитие нередко оборачивается поверхностным ревизионизмом. В частности, сторонники так называемого критического марксизма, проводя критику «сталинизма», не только определяют диалектику советского периода как преимущественно «ортодоксальную», отличающуюся примитивной и догматической трактовкой законов диалектики, но и одновременно пытаются разрешить дилемму несомненных политико-экономических успехов СССР и непригодной, с их точки зрения, идейной основы этих успехов.

А.В. Бузгалин высказался по этому поводу следующим образом: «Рассматриваемая нами эпоха принципиально несводима к сталинской политической диктатуре. Последняя паразитировала на реальном социальном творчестве – сугубо субъектной практике творения нового мира путем снятия старых отношений. Именно эта живая струя, выраженная и в социальной практике СССР, и в советской культуре, стала одной из важнейших причин сохранения сталинизмом диалектики как официальной философской доктрины при выхолащивании ее содержания и развития примитивно-превратных форм (от “трех законов диалектики” до “обострения классово-борьбы по мере продвижения к социализму”» (Бузгалин, 2009, с. 121–122). Однако автор не указал, откуда берется это «социальное творчество. Оно, видимо, предполагается существующим спонтанно и субстанциально, наподобие гумилевской пассионарности, совершенно независимо от политико-экономической, объективно существующей организации общества.

Главная задача философии видится в том, чтобы «чтобы помочь человеку достойно жить в отчужденном мире, постоянно рождающем страх. <...> Если многие, затем большинство людей воспримут такую ценностную ориентацию и станут соответственно действовать, то изменится и весь общественный порядок. В различных обществах станет меньше отчуждения, больше подлинно человеческих отношений» (Лапин, 2001). Однако Маркс и Энгельс на подобное идеалистическое благодушие исчерпывающе ответили еще в середине XIX в.:

«Это – старая иллюзия, будто бы только от доброй воли людей зависит изменить существующие отношения и будто существующие отношения – не что иное, как идеи. <...> Это идеальное возвышение над миром есть идеологическое выражение бессилия философов по отношению к миру. Их идеологическое бахвальство ежедневно разоблачается практикой» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 376–377). Однако наше время показывает, что тезис о разоблачении практикой вовсе не очевиден, и сама практика нуждается в формирующей нормировке со стороны общественного сознания. Ведущую роль в этом играет работа философа. Чтобы практика нечто разоблачала или подтверждала, она должна обрести голос. Указанная выше «главная задача» философии как раз свидетельствует о бессилии философов, но разоблачение еще должно состояться.

В противовес такому положению дел Маркс подчеркивает необходимость преодоления самоотчуждения человека, что должно составить канву исторического процесса его освобождения. «Коммунизм, – пишет Маркс, – как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм... есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом» (Маркс, 1974, с. 116). А «ближайшая задача философии, находящейся на службе истории, состоит – после того как разоблачен священный образ человеческого самоотчуждения – в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его несвященных образах. Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, критика религии – в критику права, критика теологии – в критику политики» (Маркс, 1955, с. 415).

Однако суть критики со временем оказалась выхолощенной. «Философия – это совокупность положений и практик, которые можно иметь в своем распоряжении или предоставлять в распоряжение другим для того, чтобы заботиться о себе и о других так, как это следует делать» (Фуко, 2007, с. 156). Забота, таким образом, устанавливается как важнейшая онтологическая прерогатива философии. Вполне безобидное действие и понимание для любой власти. Индивид остается в том же состоянии бессмысленной жизни, но уже как бы облагороженной философическими рассуждениями признанных авторитетов. Роль религии как «сердца бессердечного мира» и «опиума народа» (Маркс, 1955, с. 415) постепенно, со второй половины XX столетия, стала выполняться европейской философией, а после разрушения СССР эта тенденция укоренилась и среди отечественных философов.

Но дело самопознания не сводится к рассуждению индивида о религиозных или иных основаниях человеческого бытия, не есть его только внутренняя, психологическая уверенность в правильности именно своей жизни, происходящей на фоне окружающих его страданий и творимых несправедливостей. Это был бы

простой и достижимый, но неверный выход из-под власти отчуждения, поскольку человек при этом достиг бы только обратного – закрепления неузнанного состояния самоотчуждения как принятого сознательно. Такое положение обусловлено его общественным статусом, остающимся пока в том же виде, что и прежде. Движение индивида исключительно в пределах мышления, вне практических действий, рождает мнимое чувство достигнутой свободы, духовного успокоения и благостного психологического комфорта, а у некоторых вдобавок претензии на учительство и моральное наставление.

В конечном итоге требуется осознание того, в чем именно заключается аспект снятия предметного отчуждения, и, более того, разграничение собственно отрицательного момента в состоянии отчуждения, о чем до сих пор и шла речь, и его положительного, одухотворяющего момента, который должен быть понят и акцентирован. Последний отмечен у Маркса так: «Та степень и та универсальность развития потенций [der Vermogen], при которых становится возможной эта (т.е. универсально развитая. – А. Г.) индивидуальность, имеют своей предпосылкой как раз производство на основе меновых стоимостей, которые вместе со всеобщим отчуждением [Entfremdung] индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей» (Маркс, 1968, с. 73). Разумеется, в реальной содержательности указанного разграничения остается в силе методологическое положение о диалектическом тождестве противоположностей, неустрашимом онтологическом противоречии, и потому всяческое рассудочное противопоставление, условно говоря, хорошего и плохого было бы здесь проявлением историко-культурного не(до)понимания.

Можно наметить общую линию трактовки истории так, что в ней мы увидим не только лишь усиление отчуждения в процессе труда, рост эксплуатации и овеществление индивида в социальных и личных отношениях, превращение его в вид товара. История дает и уравнивающую манифестацию собственно позитивной стороны все того же фактора отчуждения. Д. Лукач пишет, что «“отчуждение” у Гегеля имеет, в отличие от Шеллинга, позитивное значение, благодаря ему творится предметность; отсюда и исходит в своей критике Маркс, когда он, рассматривая споры Гегеля с его предшественниками, решительно принимает гегелевскую сторону» (Лукач, 1987, с. 602).

При этом, с одной стороны, происходит «выключение рабочего из действительности» (Маркс, 1974, с. 88), с другой – эта социально-историческая действительность тем не менее развивается и достигает ряда форм универсально опредмеченных, совершенно реальных сил человека, обладающих позитивной динамикой вопреки сумме обстоятельств, складывающихся в целом негативно для трудящихся индивидов. Эти формы возникают как варианты ответа цивилизаций Запада и Востока на общие проблемы исторического становления человеческих обществ.

Выделение специфической динамики фактора отчуждения вслед за Гегелем и Марксом продолжает Хайдеггер: «...присутствие скатывается к отчуждению, в каком от него таится самое свое умение быть. Падающее бытие-в-мире как соблазнительно-успокаивающее вместе с тем отчуждающе. Это отчуждение

опять же не может, однако, значить, что присутствие становится от самого себя фактически оторвано; напротив, оно вгоняет присутствие в способ бытия, склонный к предельнейшему “самоанализу”, искушающий себя во всех толковательных возможностях, так что являемые им “характерологии” и “типологии” сами уже становятся необозримы. Это отчуждение, замыкающее от присутствия его собственность и возможность, хотя бы и таковую подлинного провала, не ввергает его однако сущему, каким оно само не является, но оттесняет в его несобственность, в возможный способ быть его самого. Соблазняюще-успокаивающее отчуждение падения ведет в его особой динамике к тому, что присутствие в себе самом запутывается» (Хайдеггер, 2003, с. 206).

Предельнейший самоанализ, о котором говорит немецкий философ, представляет собой несобственную форму дискурса, движущегося в самоотчужденных формах понятийной запутанности, в то время как собственная – истинностная и научная – форма самопознания способна существовать лишь в осознании того, что сама наличная действительность и сложившаяся практика жизнедеятельности есть в своих основах отчужденное и неистинное бытие. Предпосылкой такому осознанию служит постоянное неуспокоенности, противостоящее соблазняющей успокоенности «падающего бытия-в-мире». Симптоматическим образом философия самого Хайдеггера описывает и определяет именно несобственность присутствия, показывая на своем примере бессилие чистого мышления, не сумев достичь той исторической действительности, которая характерна, например, для учения Гегеля.

Заключение

Отчуждение в эпоху позднего капитализма обостряется в ситуации не просто непонимания сути негативно действующих социальных сил, а при их персонификации в лице ключевых фигур – руководства завода, корпорации, государства и т.д. Предполагается, что смена «плохих» руководителей на «хороших» способна принципиально разрешить материальные противоречия развития системы. Иными словами, налицо субъективно-идеалистический взгляд на историю, имеющий сугубо позитивистскую сущность и предпосылки. В свою очередь, персонификация объективных сил и социальных закономерностей означает доминирование в общественном сознании фактора мифологичности. По сути, это продолжение антропоморфного представления природных стихий первобытным сознанием. Социальная мифология и, как следствие, утопическое сознание сопровождают процессы усиления общественного и личного отчуждения. Это остаточная мифологизация общественных отношений, действующая даже при наличии развитой науки.

При этом противоречие между сущностью и существованием не возникает, т.к. отсутствует проблемность осознанного непонимания. Данная проблемность сопровождает процесс реального познания и ведет к своему снятию и последующей переустановке в новом виде, но в отчуждении в познавательном плане принципиальных вопросов нет. «...Люди все делают ради цели, – пишет

Б. Спиноза, – именно ради той пользы, к которой они стремятся. Отсюда выходит, что они всегда стремятся узнавать только конечные причины (*causae finales*) совершившегося и успокаиваются, когда им укажут их, не имея, конечно, никакого повода к дальнейшим сомнениям» (Спиноза, 2001, с. 45). Отсутствие повода к сомнениям выражает именно беспроблемность ситуации в восприятии индивида. И, напротив, когда у отчужденного индивида возникает познавательная проблема, когда он догадывается о действительном незнании и предполагает ограниченность своего наличного персонифицированного видения, в этот момент он становится осознанным индивидом, освобождающимся от репрессирующей его детерминации неведомых сил и обстоятельств. Происходит редкая метаморфоза: социальные воздействия и ограничения остаются, но их власть исчезает, и познанный необходимость оборачивается свободой.

Отчуждение как понятие, трактуемое в рамках предметности человеческого бытия, остается в слишком абстрактном состоянии и как таковое продолжает сохранять собственную форму отчуждения. Только в осознании того, что искомая предметность становится орудием угнетения человека, оказывается враждебной ему – но не сама по себе, а в связи с социально-историческими, политическими условиями его существования, возможен выход к проблеме отчуждения в перспективе ее последующего нивелирования.

Продуктивная самоинтерпретация отчуждения возможна как критика в состоянии диалога (внешнего или внутреннего) самих отчужденных индивидов в направлении разоблачения общественной психопатологии. Особенность такого диалога в том, что в его рационально развитой (научной) форме у общественного индивида появляется возможность видеть и понятийно формулировать объективную содержательность исторического процесса и условия своего существования. Но именно в силу присутствия наличного отчуждения их объективность неизбежно оказывается неполной. Она ограничена, во-первых, внерациональным фактором правильного этического отношения к миру, во-вторых, уровнем самосознания индивида.

Вопрос о человеке, должен, по нашему мнению, во-первых, стать конкретным продолжением традиционного вопроса о бытии и, во-вторых, быть вновь проблематизирован. Хроническая абстрактность предельных обобщений, превратившись к настоящему времени в косную и тривиальную констатацию, требует диалектического преодоления, особенность которого в том, что оно реализуется сущностно. Это означает преодоление прежних форм метафизических рассуждений – и хайдеггеровской многозначительности, и квазимарксистской догматичности, и религиозно-клерикальных спекуляций. А действительная основа для такого рода возобновления метафизики существует и в хайдеггеровском опыте бытия, и в марксистской научности, и в сакрально понятой моральности. Только тогда, когда социальный индивид станет способным извлекать реальный опыт из собственного бытия, делая его действенным и необратимым, и одновременно маргинализировать попытки симулятивного ревизионизма, можно говорить о проявлении качества общественного самосознания или, другими словами, исторической субъектности.

Список литературы

1. Бузгалин, А.В. (2009). Диалектика в мире креатосферы и сетевых структур: к критике постмодернизма (реактуализация диалектического метода – I). *Философия хозяйства*, (2), 111–140.
2. Бузгалин, А.В. (2018). Человек в мире отчуждения, к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия. *Вопросы философии*, (6), 155–166. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060134>
3. Гегель, Г.В.Ф. (1959). *Феноменология духа*. М.: Соцэкгиз.
4. Гегель, Г.В.Ф. (1971). *Философская пропедевтика*. В Г.В.Ф. Гегель, *Работы разных лет: в 2 т.* Т. 2. М.: Мысль.
5. Грицанов, А.А. (Ред.). (1999). *Новейший философский словарь*. Минск: В.М. Скакун.
6. Ильенков, Э.В. (1991а). Гегель и «отчуждение». В Э.В. Ильенков, *Философия и культура* (с. 141–152). М.: Политиздат.
7. Ильенков, Э.В. (1991б). О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шаффа (о книге А. Шаффа «Марксизм и человеческий индивид»). В Э.В. Ильенков, *Философия и культура* (с. 170–199). М.: Политиздат.
8. Лапин, Н.И. (2001). Отчуждение. В *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* Т. 3. М.: Мысль. Взято 1 декабря 2022, с <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea0564294aba0279a3d>
9. Ленин, В.И. (1969). *Философские тетради*. В В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений* (Т. 29). М.: Политиздат.
10. Лукач, Д. (1987). «Отчуждение» («Entäußerung») как центральное философское понятие «Феноменологии духа». В Д. Лукач, *Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества* (с. 593–615). М.: Наука.
11. Маркс, К. (1955). К критике гегелевской философии права. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 1, с. 414–429). М.: Госполитиздат.
12. Маркс, К. (1968). *Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»)*. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 46, ч. 1). М.: Политиздат.
13. Маркс, К. (1974). *Экономическо-философские рукописи 1844 г.* В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 42, с. 41–174). М.: Политиздат.
14. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). *Немецкая идеология*. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3, с. 7–544). М.: Госполитиздат.
15. Спиноза, Б. (2001). *Этика*. Минск: Харвест; М.: АСТ.
16. Фромм, Э. (1992). *Марксова концепция человека*. В Э. Фромм, *Душа человека* (с. 375–414). М.: Республика.
17. Фуко, М. (2007). *Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году*. СПб.: Наука.
18. Хайдеггер, М. (2003). *Бытие и время*. Харьков: Фолио.
19. Энгельс, Ф. (1986). *Диалектика природы*. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Избранные сочинения* (Т. 5, с. 371–776). М.: Политиздат.

20. Leopold, D. (2018). Alienation. In *Stanford encyclopedia of philosophy*. Retrieved December 2, 2022, from <https://plato.stanford.edu/entries/alienation/>
21. Musto, M. (2010). *Revisiting Marx's concept of alienation*. Retrieved December 2, 2022, from <https://www.marcellomusto.org/bio/59-articles/revisiting-marx-s-concept-of-alienation/269>
22. Sayers, S.P. (2011). Alienation as a critical concept. *International Critical Thought*, 1(3), 287–304. <https://doi.org/10.1080/21598282.2011.609265>

References

1. Buzgalin, A.V. (2009). Dialektika v mire kreatosfery i setevykh struktur: k kritike postmodernizma (reaktualizacija dialekticheskogo metoda – I) [Dialectics in the world of the creatosphere and network structures: To criticism of postmodernism (reactualization of the dialectical method – I)], *Filosofija hozhajstva*, (2), 111–140.
2. Buzgalin, A.V. (2018). Chelovek v mire otchuzhdeniya, k kritike liberalizma i konservativizma. Reaktualizacziya marksistskogo naslediya [Human being in the world of alienation: To criticism of liberalism and conservatism. The actualization of the Marxist heritage], *Voprosy` filosofii*, (6), 155–166. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060134>
3. Engels, F. (1986). Dialektika prirody [Dialectics of nature]. In K. Marx, & F. Engels, *Selected works* (Vol. 5, pp. 371–776). Moscow: Politizdat.
4. Foucault, M. (2007). *Germenevtika sub`ekta: kurs lekcij, pročitannyj v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [The hermeneutics of the subject: Lectures at the Collège de France, 1981–1982]. Saint Petersburg: Nauka.
5. Fromm, E. (1992). Marksova kontseptsiya cheloveka [Marx's concept of man]. In E. Fromm, *Dusha cheloveka* (pp. 375–414). Moscow: Respublika.
6. Gritsanov, A.A. (Ed.). (1999). *Novejshij filosofskij slovar`* [Philosophical Dictionary]. Minsk: V.M. Skakun.
7. Hegel, G.W.F. (1959). *Fenomenologija duha* [The phenomenology of spirit]. Moscow: Soce'kgiz
8. Hegel, G.W.F. (1971). Filosofskaja propedevtika [The philosophical propaedeutic]. In G.W.F. Hegel, *Raboty raznyh let. V 2 t. T. 2*. Moscow: Mysl'.
9. Heidegger, M. (2003). *Being and time*. Kharkiv: Folio.
10. Ilyenkov, E.V. (1991b). O "sushhnosti cheloveka" i "gumanizme" v ponimanii Adama Shaffa (o knige A. Shaffa "Marksizm, i chelovecheskij individ") [About the "essence of man" and "humanism" in the understanding of Adam Schaff (about A. Schaff's book "Marxism and the human individual")]. In E.V. Ilyenkov, *Filosofiya i kultura* (pp. 170–199). Moscow: Politizdat.
11. Ilyenkov, E.V. (1991a). Gegel i "otchuzhdeniye" [Hegel and "alienation"]. In E.V. Ilyenkov, *Filosofiya i kultura* (pp. 141–152). Moscow: Politizdat.
12. Lapin, N.I. (2001). Otchuzhdenie [Alienation]. In *Novaya filosofskaya e'nciklopediya: v 4 t. T. 3*. Moscow: My'sl'. Retrieved December

2, 2022, from <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea0564294aba0279a3d>

13. Lenin, V.I. (1969). *Filosofskiye tetradi* [The philosophical notebooks]. In V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 29). Moscow: Politizdat.

14. Leopold, D. (2018). Alienation. In *Stanford encyclopedia of philosophy*. Retrieved December 2, 2022, from <https://plato.stanford.edu/entries/alienation/>

15. Lukács, D. (1987). “Otchuzhdeniye” (“Entäußerung”) kak tsentralnoye filosofskoye ponyatiye “Fenomenologii dukha” [“Alienation” (“Entäußerung”) as the central philosophical concept of the “The phenomenology of spirit”]. In D. Lukács, *Molodoy Gegel i problemy kapitalisticheskogo obshchestva* (pp. 583–615). Moscow: Nauka.

16. Marx, K. (1955). K kritike gegelevskoy filosofii prava [Toward a criticism of Hegel's philosophy of law]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 1, pp. 414–429). Moscow: Gospolitizdat.

17. Marx, K. (1968). E'konomicheskie rukopisi 1857–1859 godov (pervonachal'nyj variant «Kapitala») [The economic manuscripts of 1857–1859 (the original version of “Capital”)]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 46, part 1). Moscow: Politizdat.

18. Marx, K. (1974). Ekonomicheskoye-filosofskiye rukopisi 1844 g. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 42, pp. 41–174).

19. Marx, K., & Engels, F. (1955). Nemetskaya ideologiya [The German ideology]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 3, pp. 7–544). Moscow: Gospolitizdat.

20. Musto, M. (2010). *Revisiting Marx's concept of alienation*. Retrieved December 2, 2022, from <https://www.marcellomusto.org/bio/59-articles/revisiting-marx-s-concept-of-alienation/269>

21. Sayers, S.P. (2011). Alienation as a critical concept. *International Critical Thought*, 1(3), 287–304. <https://doi.org/10.1080/21598282.2011.609265>

22. Spinoza, B. (2002). *E'tika* [The ethics]. Minsk: Xarvest; Moscow: ACT.

Информация об авторе

Андрей Владимирович Гижа, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Донецкого национального технического университета, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7823-0602>, e-mail: 19andrey06@mail.ru

Information about the author

Andrew Vladimirovich Gizha, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Donetsk National Technical University, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7823-0602>, e-mail: 19andrey06@mail.ru

УДК 008.2

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_65

КОГНИТАРИАТ. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Михаил Григорьевич Бреслер,

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Уфа, Россия,
bremmaster@yandex.ru

Получена 20.04.2023.

Поступила после рецензирования 07.08.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Бреслер М. Г. Когнитариат. Специфика формирования и перспективы развития в России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 65–81. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_65

Аннотация

По мере развития информационного общества формируются новые классы, в числе которых находится производящий класс этого общества – когнитариат, т.е. создатели информационного продукта и сетей коммуникации. Автор статьи, используя информационно-коммуникационный метод, проводит социально-философский анализ ключевых ценностей когнитариата – творческого труда и востребованности со стороны общества. Выявляются глокальные особенности российского когнитариата, который формируется в 1960–1980-е гг. не из числа занятых нематериальным трудом работников сферы услуг, как в капиталистических странах, а из представителей «рабочей интеллигенции», которые вместе с «технической» и «творческой интеллигенцией» смогли преодолеть драматические последствия реформ 1990-х гг. и занять ведущее положение в средних слоях общества, определяя тенденции его развития в XXI столетии. Оптимистический прогноз развития российского когнитариата поддерживают исследования когнитариата поколения Z (центениалов) – первого поколения нового информационного/цифрового общества. В статье отмечается не-

© Бреслер М. Г., 2023

обходимость адаптации общественного пространства под ценности новых поколений. Делается вывод о том, что когнитариат становится важной производительной силой, поэтому от создания благоприятных условий для данной социальной группы и ее гармоничного взаимодействия с другими классами в значительной степени зависит развитие общества в целом. К тому же это позволит эффективно использовать творческий потенциал когнитариата для развития страны. Данный вывод имеет прикладное значение, его предлагается учитывать при разработке стратегических планов муниципального и регионального уровня.

Ключевые слова:

когнитариат, российский когнитариат, информационное общество, цифровое общество, поколение Z, центениалы.

Источники финансирования:

статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», стратегический проект «Новая среда жизни», проект «Социогуманитарное конструирование будущего: мегаполис для поколения Z (цифровой сервис-технология “Mega-Z”)» на базе созданной в УГНТУ цифровой междисциплинарной лаборатории конструирования будущего Digital Future. Регистрационный номер НИОКТР 123050400001-6.

Благодарности:

автор выражает благодарность доктору философских наук, профессору И. И. Еникеевой за ценные рекомендации, а также руководству кафедры, института и университета за создание условий, благоприятствующих научной деятельности.

UDC 008.2

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_65

THE COGNITARIAT. SPECIFICS OF FORMATION AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT IN RUSSIA

Mikhail G. Bresler,

Ufa State Petroleum Technological University,
Ufa, Russia,
bremmaster@yandex.ru

Received 20.04.2023.

Revised 07.08.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Bresler, M. G. (2023). The cognitariat. Specifics of formation and prospects for development in Russia. *Discourse-P*, 20(4), 65–81. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_65

Abstract

As the information society evolves, new classes emerge, and among them is the cognitariat – the producing class responsible for creating information products and communication networks. Employing an information communication method, the article provides a socio-philosophical analysis of key values within the cognitariat, emphasizing creative work and the imperative of societal demand. Global peculiarities of the cognitariat in Russia are highlighted. Originating in the 1960s–1980s, unlike in capitalist countries, the Russian cognitariat did not emerge from workers in the service sector engaged in immaterial labor but rather from “working intellectuals”. Alongside with the “technical” and “creative intellectuals”, they successfully overcome the dramatic consequences of the 1990s, securing a leading position in the middle strata of society and shaping its development trends in the 21st century. The optimistic outlook for the development of the Russian cognitariat is rooted in the study of the cognitariat of Generation Z (centennials) – the first generation of the new information/digital society. Recognizing the need of adapting public space to the values of these new generations, it is concluded that the cognitariat is turning into an important productive force. Consequently, the overall societal development largely depends on creating favorable conditions for this social group and fostering its harmonious interaction with other classes. In addition, this approach facilitates the effective utilization of the cognitariat’s creative potential for national development. This conclusion holds practical significance and should be taken into account in the formulation of strategic plans at local and regional levels.

Keywords:

cognitariat, Russian cognitariat, information society, digital society, Generation Z, centennials.

Funding:

the article was prepared within the framework of the strategic academic leadership programme “Priority-2030”, strategic project “New Living Environment”, project “Sociohumanitarian Construction of the Future: Megapolis for Generation Z (digital service-technology ‘Mega-Z’)” based in the Digital Future Interdisciplinary Laboratory of Future Construction “Digital Future” created at USPTU. The registration number of the research and development centre is 123050400001-6.

Acknowledgements:

the author expresses his gratitude to Dr. I.I. Yenikeeva for valuable recommendations, as well as to the leadership of the department, institute and university for creating favourable conditions to scientific activity.

Введение

Произошедшие в первые два десятилетия XXI в. трансформационные сдвиги дают обширный материал для дискуссий о путях развития человеческого общества. Оно переходит в некое новое состояние, однако еще нельзя со стопроцентной уверенностью ответить на вопрос, происходит ли формирование абсолютно новой социальной реальности *Homo Deus* и аналогичных (Kurzweil & Grossman, 2010; Harari, 2017), наступает ли эпоха *post-* с преобразованием предыдущей модели *modern* в нечто видоизмененное – *postmodern*, *postpostmodern*, *metamodern* и т.д. (Nealon, 2012; Deleuze, 2017; ван ден Аккер, 2020). Некоторые исследователи считают, что современность есть лишь ценностно-институциональная эволюция существующего *modern* (Мартьянов, 2022), по мнению других (с чем мы согласны), современное общество знаменует собой переход на новую стадию цивилизационного развития (Тоффлер, 2010). Ее становление подтверждается сменой ведущего ресурса общества, составляющего существенную часть общественного продукта. Если на предыдущей стадии таким ресурсом считались индустриальные технологии, то в информационную эпоху на первое место выходит информация, точнее, *информационный продукт*, под которым понимается овеществленный, развиртуализированный результат нематериального труда (наука, креативные индустрии и пр.), а также сама нематериальная часть реального продукта труда, т.е. включенные в его уникальный образ и неразрывно связанные ценности, смыслы, идеи. Мы разделяем представления о «семиотической природе современного капитализма, где преобладание знаков и информации ставит коммуникацию на ключевое место для размышлений о современности (коммуникация как базис)» (Samela & Lenarduzzi, 2023, p. 35). Также мы признаем продуктивность идей А. Негри и М. Хардта о смене классов множествами (*multitude*) (Negri & Hardt, 2004). Причина их возникновения, по мнению исследователей, связана с изменением характера производства, расширением собственно экономики на социальную область, вследствие чего формируются множества тех, кто владеет, создает, распространяет и потребляет такие нематериальные вещи, как «социальные взаимоотношения» в обобщенном виде – информационные продукты и сети коммуникаций для их доставки.

Разделяя в целом марксистский взгляд на классовое деление общества, мы в то же время не можем полностью провести детерминацию классов по отношению к средствам производства, т.к. средства производства информационного продукта могут быть как в личной собственности человека, так и принадлежать

некоему владельцу. В связи с этим мы выделяем в качестве взаимосвязанных ведущих ресурсов информационного общества информацию и сети коммуникаций, составляющие существенную часть общественного богатства, и, следовательно, разделяем классы по отношению к ведущему ресурсу общества, а значит, «по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Ленин, 1970, с. 15).

В отличие от предыдущих стадий цивилизационного развития, где преобладали два класса – буржуазия и пролетариат, а все иные так или иначе тяготели к одному из них или выступали «прослойкой», в информационном обществе формируется сложная система коммуникаций. Сетевое взаимодействие «больших групп общества/множеств» не исключает взаимодействие по линии «угнетатели – угнетаемые», но и не ограничивается ими. Наряду с классами, сформированными на предыдущих стадиях развития, формируются классы собственно информационного общества: «ведущий/высший» класс владельцев информационного продукта и сетей коммуникации; «низший» класс потребителей информационного продукта; «производящий» класс создателей информационного продукта и сетей коммуникаций – когнитариат (Бреслер, 2010). Сетевое взаимодействие между ними можно схематично представить следующим образом. Класс владельцев информационного продукта эксплуатирует класс создателей, используя продукт их труда (Berardi, 2005), а также оказывает влияние на класс потребителей и общество в целом; но в то же время владельцы информационного продукта зависят и от быстроменяющихся желаний потребителей (Kim & Sullivan, 2019), и от эффективности работы когнитариата, а также условий, на которых он готов передать потребителям продукт труда (Reyes, 2021). Когнитариат вынужден взаимодействовать с классом владельцев информационного продукта и сетей коммуникации, основанных на современных IT-технологиях, для распространения продукта своего труда, поскольку в сетях владельцев информационного продукта находятся десятки и сотни миллионов потенциальных потребителей. Это связано также с высокой динамикой движения информационных, финансовых и товарных потоков, сочетающейся с высокой конкуренцией акторов (Bai et al., 2020). При этом создатели информационного продукта, используя те же IT-технологии, могут автономно создавать собственные сети продвижения и распространения продукта в значительных объемах (Manning et al., 2022).

Безусловно, реальное сетевое взаимодействие классов шире, т.к. в нем участвуют и классы, сформированные в предыдущих стадиях цивилизационного развития, но в рамках данного исследования мы ограничимся рассмотрением классов, возникших в информационном обществе, точнее, одного из них – когнитариата. Это обусловлено особой ролью, которую он играет в конструировании общества будущего. Когнитариат – производящий класс, от его активности и гармоничного взаимодействия с другими классами во многом зависит динамическая стабильность общества.

Усложнение структуры межклассовых коммуникаций побудило нас использовать для социально-философского анализа когнитариата информационно-

коммуникационный метод (ИКМ), в котором социальные процессы рассматриваются как сетевое взаимодействие людей/групп людей, которые обладают специфическими качествами, способствующими в той или иной мере созданию сетей коммуникаций и усиливающими/ослабляющими динамическую стабильность процессов взаимодействия, что обуславливает развитие общества. ИКМ, являясь развитием структурно-функционального метода, придает особое значение структуре коммуникаций, возникающих между акторами сетевого взаимодействия. Он развивается под влиянием акторно-сетевой теории Б. Латура (Latour, 2005), где рассматривается сетевое взаимодействие людей, групп, людей, вещей и процессов, играющих роль акторов. Понимание социальных процессов как сетевых позволяет применять и математические модели сети, в первую очередь модель безмасштабных сетевых коммуникаций А.-Л. Барабаши – Р. Альберта (Albert & Barabási, 2002). Информационное общество рассматривается в рамках классового подхода (Бреслер, 2023). Социально-философский анализ молодого поколения когнитариата XXI в. проводится на основе Базы данных ценностей «поколения Z» – зарегистрированного результата интеллектуальной деятельности лаборатории *Digital Future*¹.

Результаты исследования

Ценности когнитариата. В 1950–1970-е гг. в трудах, посвященных зарождавшемуся информационному обществу, была описана категория работников умственного труда – *knowledge workers* (Bell, 1973), которые благодаря своему интеллекту претворяют в жизнь идеи ученых под руководством менеджеров. Класс когнитивных работников, или когнитариата, в терминологии Ф. Берарди (Berardi, 2005), качественно отличается от пролетариата индустриального общества. Это связано, прежде всего, с тем, что «непрерывная генерация информационных потоков семиокапитализма действует как движущая сила капитализации» (Reyes, 2021, p. 121). Специфика труда формирует иное отношение к нему, работа считается важнейшей частью жизни, наблюдается стремление вкладывать творческий потенциал в процесс производства (Berardi, 2005, 2009). По мнению некоторых экспертов, стремление к самоактуализации сродни самоистязанию и часто приводит к ущербу здоровью (Vyung-Chul, 2021). Другие считают, что творческая деятельность позволяет быть человеком, постоянно изобретать себя заново, диахронически связываясь со своим собственным современным состоянием, а также с истоками человечества (Schick, 2021). Опираясь на мнения экспертов, выделим существенную особенность когнитариата – *стремление к творческому труду*, а также связанное с ним *стремление к востребованности* результатов труда со стороны общества².

¹ База данных ценностей «поколения Z» (2023). *Научная электронная библиотека eLibrary.ru*. Взято 25 ноября 2023, с <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54197752>

² Адаптация к дискретной занятости и сетевая укорененность также являются существенными признаками когнитариата, но они нуждаются в отдельном исследовании, которое мы намерены провести в ближайшее время.

В то же время Ф. Берарди считает, что стремление к творческому труду используется работодателями как инструмент эксплуатации работников, продающих не только «тело», т.е. материальный продукт, но и «душу» (Berardi, 2015). Важно отметить, что в индустриальном обществе отчуждение продукта труда есть признак эксплуатации, но в информационном обществе оно порождает нелинейные отношения между создателем и владельцем. Сам по себе информационный продукт не имеет ценности, если не востребован у потребителей. По сути, процесс отчуждения продукта творческого труда есть показатель *востребованности*, материализация желаний потребителей. Выявление ценности обществом требует «отчуждения творчества» от его создателя (Давыдов, 2020, с. 119), что, в свою очередь, ведет к усилению творческой деятельности, стимулирует создание новых информационных продуктов, способствует их распространению.

Интеллектуальный творческий труд возможен вне рабочего времени, офиса и с использованием средств производства, компьютеров и иной техники, находящихся в личной собственности создателя информационного продукта. В данных условиях продукт труда становится личной собственностью создателя, но его распространение ограничено сетями коммуникации создателя и его сообщества. Доступ к более широким сетям ограничен владельцами информационного продукта, поэтому когнитариат заинтересован во взаимодействии с ними.

Формирование мирового когнитариата и российская специфика.

Зарождение и становление класса когнитариата происходило в 1960–1970-е гг. по мере формирования информационного общества из групп, занятых нематериальным трудом (Fortunati, 2007). К ним относились, прежде всего, работники сферы услуг, а также деятели искусства, медиа и представители научной сферы, чья роль существенно выросла в условиях научно-технической революции. Если мы принимаем в качестве приоритетной ценности когнитариата стремление к творческому труду, то в академической среде творческий труд – основной источник заработка. Среди представителей научного сообщества распространено мнение, что научная деятельность – это призвание, а не профессия (Gallas, 2018), следовательно, «если есть призвание ... трудности маргинализируются, а ненаучные потребности релятивизируются» (Peter, 2017, p. 113). Декларативное суждение о призвании можно распространить практически на весь когнитариат. При этом мы разделяем точку зрения о креативном характере профессии учителя (Мелик-Пашаев, 2021), а также врача, адвоката.

Представителей этих профессий, традиционно входящих в круг интеллигенции, можно считать причастными к формированию когнитариата в современной России. Но главную роль мы отводим представителям индустриального производства, бурное развитие которого в 1960–1970-е гг. привело к активизации творческой деятельности. Руководство страны «ставило трудовое творчество в центр промышленного развития... рассматривая его как ресурс технологической конкурентоспособности» (Kochetkova, 2022, p. 250). В этот процесс наряду с инженерно-техническими работниками активно включались и рабочие. Как показывают исследования того времени (Аитов, 1981), в самой

среде рабочих и инженерно-технических работников формировалась группа «рабочей интеллигенции», склонной к творческому труду и взаимодействию с инженерами. «Рабочие-интеллигенты» и «инженеры-новаторы» активно занимались техническим творчеством, не рассчитывая на большое финансовое вознаграждение. Возрос интерес к повышению эффективности творческого труда, в том числе креативным технологиям. Однако наряду с повышением творческой активности населения наблюдались и негативные факты невостремленности изобретений и рационализаторских предложений. В 1980–1985 гг. научно-технический прогресс не только затормозился, но и произошел откат назад (Андрос, Кобяк, 2020). Причины этих негативных явлений связаны с плановым социалистическим хозяйством, отсутствием открытой конкуренции и этатизмом (Кастельс, Киселева, 1999). Для решения проблемы в 1987–1990 гг. создавались центры научно-технического творчества молодежи. Однако, как отмечает О.В. Крыштановская, «за фасадом партийных призывов об экономическом ускорении и научно-техническом творчестве молодежи стояли совсем иные реалии. ...Возможность заниматься беспрецедентно прибыльным бизнесом – обналичиванием денег» (Крыштановская, 2005, с. 170).

Период реформ и экономического кризиса второй половины 1980-х – конца 1990-х гг. стал сильным испытанием для когнитариата. Драматические события, сопровождающие переход к капиталистическому обществу, оказали на него существенное влияние. Падение производства и деиндустриализация крайне затруднили деятельность «рабочей интеллигенции», сложная экономическая ситуация заставила некоторое количество научно-технических работников оставить исследования ради более «надежной и прибыльной» мелкорозничной торговли и/или покинуть страну, чтобы продолжить деятельность за границей. Но в это же время в России активно развивались такие отрасли креативных индустрий, как реклама, программирование, медиакоммуникации и др. Несмотря на существенные сложности, связанные с экономическими, политическими, социальными трансформациями, к началу XXI в. российский когнитариат не только не исчез, не ограничился обслуживанием владельцев информационного продукта развитых стран Европы и США, но и создал информационные продукты, получившие широкое признание в мире. Таковыми можно считать продукцию компаний «Лаборатория Касперского», *Nginx*, социальную сеть «ВКонтакте» и др.

Новое поколение российского когнитариата и перспективы развития.

По мере стабилизации экономической ситуации активизируются процессы формирования когнитариата. В его ряды входит поколение цифрового общества – поколение Z, или центениалы, рожденные в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (Strauss & Howe, 2009). Говоря о российских когнитариях поколения Z, мы учитываем глобальный характер поколенческой когорты (Rabogoshvili et al., 2022), но также отмечаем и схожие черты, что позволяет использовать данные зарубежных авторов.

Так, Дж. М. Твенге выделяет специфические особенности поколения Z (Twenge, 2023), которые связаны с тем, что это первое поколение стадии

становления информационного/цифрового общества, сформированное цифровой средой. В числе его особенностей автор выделяет недовольство окружающей средой и нарастающий индивидуализм, связанный со снижением коммуникаций в «реальной» среде. Это суждение, с нашей точки зрения, верно лишь в представлениях доцифровой эпохи. Цифровая среда формирует критический взгляд на окружающее, возможность сравнения различных объектов и коллективный анализ актуального. Существенное усиление межличностных, внутригрупповых и межгрупповых коммуникаций в цифровой среде как раз и создает различные формы коллективной деятельности при сохранении индивидуальных качеств.

По нашему мнению, когнитариат поколения Z обладает важными для устойчивого развития общества особенностями. Его представители стремятся объективно оценить окружающую действительность и готовы нести ответственность за свой город, а при невозможности изменить место своего обитания к лучшему могут уехать, но продолжают любить его³. Несмотря на то, что центениалы только вступают в самостоятельную жизнь, у них формируются такие черты, как прагматизм, толерантность, солидарность с иными членами сетевого сообщества (Bresler et al., 2020). Высоко развито стремление к сетевой укорененности. Представители российского поколения Z высоко оценивают возможности сетевого сообщества для получения и предоставления помощи людям с общими ценностями, семейными, дружескими, профессиональными и иными связями. В то же время поколение Z разделяет «классические» ценности своего класса. Когнитариат поколения Z обладает высоким потенциалом стремления к творческому труду, инновациям и предпринимательству (creativity, innovation, and entrepreneurship, CIE) (Bresler et al., 2022). Меняется отношение к символам потребляемых продуктов. По данным исследований, реклама и рекомендации лидеров общественного мнения не способствуют росту доверия к брендам. Более весомыми считаются рекомендации членов их сетевых сообществ и рядовых пользователей маркетплейсов (Pradhan et al., 2023). Некоторое снижение офлайн-коммуникаций не является показателем индивидуализма, оно компенсируется активным онлайн-общением.

Заключение

Россия проходит этап становления информационного общества, формируются классы по отношению к ведущим ресурсам – информации и коммуникациям информационного обмена. Когнитариат как производящий класс такого общества имеет специфические особенности и общие, классовые ценности: стремление к творческому труду и желание быть востребованным обществом. Общие ценности формируют классовую идентичность и укрепляют сетевые коммуникации. При этом необходимо учитывать, что когнитариат в условиях

³ Об этом свидетельствуют данные анкетных опросов молодых людей, проживающих в городах Республики Башкортостан. См.: База данных ценностей «поколения Z» (2023). Научная электронная библиотека eLibrary.ru. Взято 25 ноября 2023, с <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54197752>

социалистического производства формировался иначе, нежели в капиталистических странах. Не работники службы сервиса и иных видов нематериального труда, а «рабочие-интеллигенты» вместе с представителями технической и культурной интеллигенции формировали когнитариат, спланивались на основе сетевой солидарности и стремления к творческому труду. Их лучшие специфические свойства получили развитие в когнитариате поколения Z. В настоящее время когнитариат является одним из важнейших классов российского общества, от продуктов его труда во многом зависит развитие страны в информационную эпоху.

Успешное развитие когнитариата во многом зависит от адаптации социума под его специфические особенности, а следовательно, под условия цифрового общества, что позволит эффективно использовать творческий потенциал новых поколений. Тенденции развития российского когнитариата позволяют надеяться на успешное становление информационного общества в нашей стране в среднесрочной перспективе. Для этого необходимо создать комфортные условия, адаптировать социальную среду под специфические особенности когнитариата и особенности цифрового общества, а также учитывать ценности когнитариатов поколения Z при разработке планов стратегического развития муниципального и регионального уровней. В этом мы видим прикладное значение нашего исследования.

Список литературы

1. Аитов, Н.А. (1981). *Советский рабочий*. М.: Издательство политической литературы.
2. Андрос, И.А., Кобяк, О. (2020). Научно-техническое творчество молодежи: в поисках новой идеологии развития. *Общество и экономика*, (5), 19–33. <https://doi.org/10.31857/S020736760009729-0>
3. Бреслер М.Г. (2023). Специфика российского когнитариата поколения Z. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 7(2), 141–153. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-2-141-153>
4. Бреслер, М.Г. (2010). Стратификация информационного общества. *Вестник ВЭГУ*, (4), 4–6.
5. Буярова, Т.Г. (2013). Развитие городской сферы услуг в период 1950–1960 гг. в советской историографии. *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв.* (Т. 2, с. 36–43). Екатеринбург: УМЦ УПИ.
6. Ван ден Аккер, Р. (2020). *Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма*. М.: РИПОЛ классик.
7. Гаврилюк, Т.В. (2021). Рабочий класс в сервисной сфере: постановка проблемы и актуальный социологический дискурс. *Социологический журнал*, 27(3), 78–96. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8425>

8. Галиуллина, С.Д., Бреслер, М.Г., Сулейманов, А.Р. и др. (2022). Повышение эффективности адаптации молодых специалистов в компаниях нефтегазового комплекса. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*, (3), 7–19. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-3-41-7-19>
9. Давыдов, Д.А. (2020). *Личность и государство в терниях посткапитализма: на пути к новой антагонистической общественной формации*. М.: ЛЕНАНД.
10. Кастельс, М., Киселева, Э. (1999). Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза. *Мир России. Социология. Этнология*, 8(3), 3–56.
11. Крыштановская, О.В. (2005). *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров.
12. Ленин, В.И. (1970). Великий почин. (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»). В В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений* (Т. 39, с. 5–29). М.: Издательство политической литературы.
13. Мартыянов, В.С. (2022). Генезис и ценностно-институциональная эволюция Модерна. *Антиномии*, 22(3), 42–71. https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_3_42
14. Мелик-Пашаев, А.А. (2021). Педагогика: массовая профессия или высшая форма творчества? В Л.М. Митина (Ред.), *Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию* (с. 21–25). М.: Психологический институт РАО. <https://doi.org/10.24412/c1-36422-2021-1-21-25>
15. Тоффлер, Э. (2010). *Третья волна*. М.: АСТ.
16. Янковский, Р.М., Бардов, И.А., Никифоров, А.А. (2022). Три взгляда на компьютерную программу: исходный текст, производное и служебное производство. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*, (10), 100–137. <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2022-17-10-100-137>
17. Albert, R., & Barabási, A.L. (2002). Statistical mechanics of complex networks. *Reviews of Modern Physics*, 74, 47–97.
18. Bai, J., Chen, M., Liu, J., & Xu, D.Y. (2020). Search and information frictions on global e-commerce platforms: Evidence from Aliexpress. *HKS Faculty Research Working Paper Series*. Retrieved March 20, 2023, from <https://www.hks.harvard.edu/publications/search-and-information-frictions-global-e-commerce-platforms-evidence-aliexpress#citation>
19. Baudrillard, J. (1981). *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée
20. Bell, D. (1973). *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting*. New York: Basic Books.
21. Berardi, F. (2005). What does cognitariat mean? Work, desire and depression. *Cultural Studies Review*, 11(2), 57–63. <http://dx.doi.org/10.5130/csr.v11i2.3656>
22. Berardi, F. (2009). *The soul at work*. Los Angeles: Semiotext.
23. Berardi, F. (2015). *Heroes: Mass murder and suicide*. London: Verso.
24. Bresler, M., Galiullina, S., & Gerasimova, D. (2020). Transformation of the values of Generation Z – residents of the digital society of sustainable development. *E3S Web of Conferences*, 208. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020809043>

25. Bresler, M.G., Suleymanov, A.R., Rabogoshvili, A.A., & Serdyuk, A.V. (2022). Facing the digital future: CIE potential of Gen Z. *USPTU Bulletin. Science, education, economy. Series economy*, (2), 53–64. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-2-40-53-64>
26. Byung-Chul, H. (2015). *The transparency society*. Stanford: Stanford Briefs.
27. Castells, M. (2007). Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*, 1, 238–266. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/46/35>
28. Deleuze, G. (2017). Postscript on societies of control. In D. Wilson, & C. Norris (Eds.), *Surveillance, crime and social control* (pp. 35–40). London: Routledge.
29. Fortunati, L. (2007). Immaterial labor and its machinization. *Ephemera. Theory & Politics in Organization*, 7(1), 139–157.
30. Gallas, A. (2018). Introduction: The proliferation of precarious labour in academia. *Global Labour Journal*, 9(1), 69–75. <https://doi.org/10.15173/glj.v9i1.3428>
31. Garnham, N. (2020). Information society theory as ideology. In R. Blom et al. (Eds.), *The Information Society Reader* (pp. 165–183). London: Routledge.
32. Goodhart, D. (2020). *Head hand heart: The struggle for dignity and status in the 21st century*. London: Penguin.
33. Harari, Y.N. (2017). *Homo Deus: A brief history of tomorrow hardcover*. New York: Harper.
34. Kim, Y.K., & Sullivan, P. (2019). Emotional branding speaks to consumers' heart: The case of fashion brands. *Fashion and Textiles. International Journal of Interdisciplinary Research*, 6(1). <https://doi.org/10.1186/s40691-018-0164-y>
35. Kochetkova, E. (2022). Performing inventiveness: Industrial and technical creativity in the USSR, 1950s–1980s. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 49(3), 249–273. <https://doi.org/10.30965/18763324-bja10052>
36. Kurzweil, R., & Grossman, T. (2010). *Transcend: nine steps to living well forever*. Emmaus: Rodale Books.
37. Latour, B. (2005). *Reassembling of the social. An introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press.
38. Manning, S., Rauch, M., & Vavilov, S. (2022). Creating complementarities: How entrepreneurs mobilize crowdfunding and local ecosystems. *Strategic Organization*. <https://doi.org/10.1177/14761270221094800>
39. Mason, P. (2013). Why it's still kicking off everywhere. *Soundings*, (53), 44–55. <https://doi.org/10.3898/136266213806045728>
40. Mendras, H. (2012). *Éléments de sociologie générale. Lectures*. Paris: Sciences Po.
41. Nealon, J. (2012). *Post-postmodernism: Or, the cultural logic of just-in-time capitalism*. Stanford: Stanford University Press.
42. Negri, A., & Hardt, M. (2004). *Multitude: War and democracy in the age of empire*. London: Penguin.

43. Peter, T. (2017). Akademische entrepreneur: Der homo academicus zwischen Passion, Reputation und Projekt. *Berliner Debatte Initial*, 28(1), 110–121.
44. Pradhan, D., Kuanr, A., Anupurba Pahi, S., & Akramet, M.S. (2023). Influencer marketing: When and why gen Z consumers avoid influencers and endorsed brands. *Psychology & Marketing*, 40(1), 27–47. <https://doi.org/10.1002/mar.21749>
45. Rabogoshvili, A.A., Bresler, M.G., Galiullina, S.D. et al. (2022). Global similarities and global differences of generation Z in China, the US, and Russia: comparative analysis. *USPTU Bulletin. Science, education, economy. Series economy*, (3), 99–109. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-3-41-99-109>
46. Reyes, R.S.M. (2021). Mapping a precarious ethics in the COVID-19 pandemic: Semiocapitalism, the “new” cognitariat, and chaosmosis. *KRITIKE: An Online Journal of Philosophy*, 15(3), 120–146. <https://doi.org/10.25138/15.3/a7>
47. Samela, G., & Lenarduzzi, V. (2023). From conjunction to connection. Changes in communication and power in semiocapitalism. *Dixit*, 37(1), 33–43. <https://doi.org/10.22235/d.v37i1.2809>
48. Schick, J.F.M. (2021). The potency of open objects: (Re-) inventing new modes of being human in the digital age with Bergson, Franko “Bifo” Berardi, and Simondon. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 25(3), 379–406. <https://doi.org/10.5840/techne2021723144>
49. Strauss, W., & Howe, N. (2009). *The fourth turning: What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. New York: Crown.
50. Twenge, J.M. (2023). *Generations. The real differences between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and what they mean for America's future*. New York: Atria books.

References

1. Aitov, N.A. (1981). *Sovetskij rabochij* [Soviet worker]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
2. Albert, R., & Barabási, A.L. (2002). Statistical mechanics of complex networks. *Reviews of Modern Physics*, 74, 47–97.
3. Andras, I.A., & Kabiak, A. (2020). Nauchno-tehnicheskoe tvorchestvo molodezhi: v poiskah novoj ideologii razvitija. [Scientific and technological creativity of young people: In search of a new goal-directed motivation] *Obshchestvo i ekonomika*, (5), 19–33. <https://doi.org/10.31857/S020736760009729-0>
4. Bai, J., Chen, M., Liu, J., & Xu, D.Y. (2020). Search and information frictions on global e-commerce platforms: Evidence from Aliexpress. *HKS Faculty Research Working Paper Series*. Retrieved March 20, 2023, from <https://www.hks.harvard.edu/publications/search-and-information-frictions-global-e-commerce-platforms-evidence-aliexpress#citation>
5. Baudrillard, J. (1981). *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée

6. Bell, D. (1973). *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting*. New York: Basic Books.
7. Berardi, F. (2005). What does cognitariat mean? Work, desire and depression. *Cultural Studies Review*, 11(2), 57–63. <https://dx.doi.org/10.5130/csr.v11i2.3656>
8. Berardi, F. (2009). *The soul at work*. Los Angeles: Semiotext.
9. Berardi, F. (2015). *Heroes: Mass murder and suicide*. London: Verso.
10. Bresler, M., Galiullina, S., & Gerasimova, D. (2020). Transformation of the values of Generation Z – residents of the digital society of sustainable development. *E3S Web of Conferences*, 208. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020809043>
11. Bresler, M. G. (2010). Stratifikaciya informacionnogo obshhestva [Stratification of the information society]. *Vestnik VE'GU*, (4), 4–6.
12. Bresler, M. G. (2023). Specifika rossijskogo kognitariata pokolenija Z. [Specifics of the Russian cognitariate of generation Z]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 7(2), 141–153. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-2-141-153>
13. Bresler, M. G., Suleymanov, A. R., Rabogoshvili, A. A., & Serdyuk, A. V. (2022). Facing the digital future: CIE potential of Gen Z. *USPTU Bulletin. Science, education, economy. Series economy*, (2), 53–64. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-2-40-53-64>
14. Buyarova, T. G. (2013). Razvitie gorodskoj sfery uslug v period 1950–1960 gg. v sovetskoj istoriografii [The development of the urban service sector in 1950–1960 in the Soviet historiography]. *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chtenija: Industrial'naja modernizacija Urala v XVIII—XXI vv.* (Vol. 2, pp. 36–43). Ekaterinburg: UMC UPI.
15. Byung-Chul, H. (2015). *The transparency society*. Stanford: Stanford Briefs.
16. Castells, M. (2007). Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*, 1, 238–266. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/46/35>
17. Castells, M., & Kiseleva, E. (1999). Krizis industrial'nogo e'tatizma i kollaps Sovetskogo Soyuza [The crisis of industrial statism and the collapse of the Soviet Union.] *Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya*, 8(3), 3–56.
18. Davidov, D. A. (2020). *Lichnost' i gosudarstvo v terniyax postkapitalizma: na puti k novoj antagonisticheskoj obshhestvennoj formacii* [Personality and state in the thorns of post-capitalism: Toward a new antagonistic social formation]. Moscow: LENAND.
19. Deleuze, G. (2017). Postscript on societies of control. In D. Wilson, & C. Norris (Eds.), *Surveillance, crime and social control* (pp. 35–40). London: Routledge.
20. Fortunati, L. (2007). Immaterial labor and its machinization. *Ephemera. Theory & Politics in Organization*, 7(1), 139–157.
21. Galiullina, S. D., Bresler, M. G., Suleimanov, A. R. et al. (2022). Povyshenie e'ffektivnosti adaptacii molodyx specialistov v kompaniyax neftegazovogo kompleksa [Improving the efficiency of young specialists' adaptation in oil and gas companies].

Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, e'konomika. Seriya: E'konomika, (3), 7–19. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-3-41-7-19>

22. Gallas, A. (2018). Introduction: The proliferation of precarious labour in academia. *Global Labour Journal*, 9(1), 69–75. <https://doi.org/10.15173/glj.v9i1.3428>

23. Garnham, N. (2020). Information society theory as ideology. In R. Blom et al. (Eds.), *The Information Society Reader* (pp. 165–183). London: Routledge.

24. Gavrilyuk, T.V. (2021). Rabochij klass v servisnoj sfere: postanovka problemy i aktual'nyj sociologicheskij diskurs [The working class in the service sector: Outlining the issue and reviewing current sociological discourse]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, 27(3), 78–96. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8425>

25. Goodhart, D. (2020). *Head hand heart: The struggle for dignity and status in the 21st century*. London: Penguin.

26. Harari, Y.N. (2017). *Homo Deus: A brief history of tomorrow hardcover*. New York: Harper.

27. Kim, Y.K., & Sullivan, P. (2019). Emotional branding speaks to consumers' heart: The case of fashion brands. *Fashion and Textiles. International Journal of Interdisciplinary Research*, 6(1). <https://doi.org/10.1186/s40691-018-0164-y>

28. Kochetkova, E. (2022). Performing inventiveness: Industrial and technical creativity in the USSR, 1950s–1980s. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 49(3), 249–273. <https://doi.org/10.30965/18763324-bja10052>

29. Kryshtanovskaya, O. V. (2005). *Anatomija rossijskoj jelity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov.

30. Kurzweil, R., & Grossman, T. (2010). *Transcend: nine steps to living well forever*. Emmaus: Rodale Books.

31. Latour, B. (2005). *Reassembling of the social. An introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press.

32. Lenin, V.I. (1970). Velikij pochin. (O geroizme rabochix v tylu. Po povodu “kommunisticheskix subbotnikov”) [A great beginning. (Heroism of the workers in the rear. On “communist subbotniks”)]. In V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 39, pp. 5–29). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

33. Manning, S., Rauch, M., & Vavilov, S. (2022). Creating complementarities: How entrepreneurs mobilize crowdfunding and local ecosystems. *Strategic Organization*. <https://doi.org/10.1177/14761270221094800>

34. Martianov, V.S. (2022). Genesis i cennostno-institucional'naja jevoljucija sovremennosti [Genesis and the value-institutional evolution of modernity]. *Antinomii*, 22(3), 42–71. https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_3_42

35. Mason, P. (2013). Why it's still kicking off everywhere. *Soundings*, (53), 44–55. <https://doi.org/10.3898/136266213806045728>

36. Melik-Pashaev, A.A. (2021). Pedagogika: massovaja professija ili vysshaja forma tvorchestva? [Pedagogy: A popular profession or the highest kind of creativity?]. In L.M. Mitina (Ed.), *Novaja psihologija professional'nogo truda pedagoga: ot nestabil'noj real'nosti k ustojchivomu razvitiju* (pp. 21–25). Moscow: Psixologicheskij institut RAO. <https://doi.org/10.24412/cl-36422-2021-1-21-25>

37. Mendras, H. (2012). *Éléments de sociologie générale. Lectures*. Paris: Sciences Po.
38. Nealon, J. (2012). *Post-postmodernism: Or, the cultural logic of just-in-time capitalism*. Stanford: Stanford University Press.
39. Negri, A., & Hardt, M. (2004). *Multitude: War and democracy in the age of empire*. London: Penguin.
40. Peter, T. (2017). Akademische entrepreneur: Der homo academicus zwischen Passion, Reputation und Projekt. *Berliner Debatte Initial*, 28(1), 110–121.
41. Pradhan, D., Kuanr, A., Anupurba Pahi, S., & Akramet, M. S. (2023). Influencer marketing: When and why gen Z consumers avoid influencers and endorsed brands. *Psychology & Marketing*, 40(1), 27–47. <https://doi.org/10.1002/mar.21749>
42. Rabogoshvili, A.A., Bresler, M.G., Galiullina, S.D. et al. (2022). Global similarities and glocal differences of generation Z in China, the US, and Russia: comparative analysis. *USPTU Bulletin. Science, education, economy. Series economy*, (3), 99–109. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-3-41-99-109>
43. Reyes, R. S. M. (2021). Mapping a precarious ethics in the COVID-19 pandemic: Semicapitalism, the “new” cognitariat, and chaosmosis. *KRITIKE: An Online Journal of Philosophy*, 15(3), 120–146. <https://doi.org/10.25138/15.3/a7>
44. Samela, G., & Lenarduzzi, V. (2023). From conjunction to connection. Changes in communication and power in semicapitalism. *Dixit*, 37(1), 33–43. <https://doi.org/10.22235/d.v37i1.2809>
45. Schick, J. F. M. (2021). The potency of open objects: (Re-) inventing new modes of being human in the digital age with Bergson, Franko “Bifo” Berardi, and Simondon. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 25(3), 379–406. <https://doi.org/10.5840/techne2021723144>
46. Strauss, W., & Howe, N. (2009). *The fourth turning: What the cycles of history tell us about America’s next rendezvous with destiny*. New York: Crown.
47. Toffler, A. (2010). *Tret’ja volna* [The third wave]. Moscow: AST.
48. Twenge, J.M. (2023). *Generations. The real differences between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and what they mean for America’s future*. New York: Atria books.
49. Van den Akker, R. (2020). *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, affect, and depth after postmodernism]. Moscow: RIPOL classic.
50. Yankovskiy, R. M., Bardov, I. A., & Nikiforov, A. A. (2022). Tri vzglyada na kompyuternuyu programmu: iskhodnyy tekst, proizvodnoe i sluzhebnoe proizvedenie [Three legal views of a software: Source code, derivative work, and work for hire]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, (10), 100–137. <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2022-17-10-100-137>

Информация об авторе

Михаил Григорьевич Бреслер, кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия; руководитель междисциплинарной цифровой лаборатории конструирования будущего Digital future; руководитель проекта «Социогуманитарное конструирование будущего: мегаполис для поколения Z (цифровой сервис – технологии MegaZ)», стратегический проект «Новая среда жизни», Приоритет 2030 – УГНТУ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6985-8919>, e-mail: bremmaster@yandex.ru

Information about the author

Mikhail Grigorievich Bresler, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia; Head of the Interdisciplinary Digital Laboratory of Future Construction "Digital Future"; Project Manager "Socio-Humanistic Construction of the Future: Megapolis for Generation Z (Digital Service – Megaz Technology)", Strategic Project "New Environment of Life", Priority 2030 – USPTU. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6985-8919>, e-mail: bremmaster@yandex.ru

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СТРУКТУРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АКТОРОВ

Дарья Александровна Талагаева,

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия,
d.talagaeva@mail.ru

Екатерина Андреевна Антюхова,

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия,
e.antukhova@gmail.com

Получена 05.10.2023.

Поступила после рецензирования 13.11.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Талагаева Д. А., Антюхова Е. А. Европейское пространство финансирования научных исследований: структура и взаимодействие акторов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 82–96. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_82

Аннотация

В статье анализируется структура и динамика развития акторов в рамках Европейского пространства финансирования научных исследований (ЕПФИ). Исследовательский интерес при этом сосредоточен на изучении мероприятий по финансированию фундаментальных исследований. Хотя подавляющая часть

© Талагаева Д. А., Антюхова Е. А., 2023

финансирования в рамках ЕПФИ направляется на стратегические и прикладные исследования и определяется политическими приоритетами, в течение двух последних десятилетий поддержке фундаментальных исследований стало уделяться больше внимания, что повлекло за собой ряд изменений в инструментах и структуре источников финансирования, а также институтах-реципиентах. Эти изменения находятся в центре внимания настоящей статьи. Описываются группы акторов в области фундаментальных исследований и анализируется их динамика, чтобы понять, в какой степени они способны преодолеть фрагментацию европейского ландшафта, продолжая поддерживать национальные финансовые системы. Для детального изучения современной «матрицы акторов» авторы статьи предлагают рассматривать их в рамках модели, фокус внимания которой сосредоточен на отношениях между национальными финансирующими агентствами, Европейской комиссией и Европейским исследовательским советом. Система финансирования в Евросоюзе является более сложной, чем аналогичные системы национальных государств, поскольку предполагает горизонтальные и вертикальные взаимоотношения между учреждениями. Задача состоит не только в том, чтобы найти приемлемый способ объединения финансовых потоков, но и в том, чтобы преодолеть значительные транзакционные издержки, связанные с процессом гармонизации и функционального разделения труда.

Ключевые слова

Европейское исследовательское пространство, Европейский исследовательский совет, Европейский научный фонд, Европейское пространство финансирования научных исследований, фундаментальная наука

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_82

EUROPEAN FUNDING AREA: STRUCTURE AND INTERACTIONS OF ACTORS

Daria A. Talagaeva,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia,
d.talagaeva@mail.ru,

Ekaterina A. Antyukhova,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia,
e.antyukhova@gmail.com

Received 05.10.2023.

Revised 13.11.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Talagaeva, D.A., Antyukhova, E.A. (2023). European Funding Area: Structure and interactions of actors. *Discourse-P*, 20(4), 82–96. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_82

Abstract

The article examines the structure and the development dynamics of actors operating within the European Funding Area (EFA), with a focus on basic research funding. Though the overwhelming part of research funding in the EFA is directed to strategic and applied research and “policy-driven”, basic research funding has received more attention during the past couple of decades, which has led to a number of changes in funding instruments, subsidy source structure, and recipient institutions. These changes are of interest in the research. It describes groups of actors involved in basic research funding and analyzes their dynamics to understand the extent to which these groups can overcome the fragmentation of the European funding landscape while continuing to support national funding systems. For a detailed study of the current “actor matrix”, the authors propose to consider them within a model that focuses on the relationship between the national funding agencies, the European Commission, and the European Research Council. The funding system in the European Union is more complex than in most nation states as it entails horizontal and vertical relationships between funding agencies. The challenge is not only to find a “modus vivendi” in order to combine financial flows, but also to overcome considerable transaction costs associated with the process of harmonization and functional division of labor.

Keywords:

European Research Area, European Research Council, European Science Foundation, European Funding Area, basic research.

Введение

Процессы финансирования европейской науки и анализ деятельности структур, которые в них участвуют, в западном научном дискурсе иногда рассматриваются сквозь призму Европейского пространства финансирования научных исследований (ЕПФИ) – ландшафта, включающего в себя множество акторов и агентов разного уровня, среди основных задач которых стоит поддержка научных исследований в Европе. Здесь следует отметить, что хотя это пространство до сих пор не институционализировано, в работах западных исследователей и программных документах Европейского исследовательского пространства (ЕИП) это понятие используется для неформального описания совокупности финансовых процессов в системе

европейской науки¹ (Nedeva, 2013, p. 223). Основной целью ЕПФИ является обеспечение конкурентоспособности всего комплекса научных исследований в Европе, что, по мнению европейских функционеров, может быть достигнуто благодаря отлаженной, хорошо работающей системе выделения бюджетных средств. В отличие от основных экономических конкурентов – США, Японии и КНР – Европейский союз сталкивается с особыми трудностями в максимизации использования своего потенциала (Muldur et al., 2006; Bonaccorsi, 2007). К тому же в ЕПФИ входят не только национальные исследовательские системы членов ЕС, но и ряд ассоциированных стран, таких как Исландия, Норвегия и Израиль², многие из которых имеют давние традиции проведения исследований и мобилизации финансовых ресурсов. Кроме того, некоторые европейские страны (например, Швейцария) начиная с 9-й Рамочной программы научных исследований и технологического развития ЕС (РП9) «Горизонт Европа» (2021–2027 гг.) не принимают полноценного участия в программах по науке (Cavallaro & Lepori, 2021, p. 1313), однако активно вовлечены в деятельность общеевропейских исследовательских проектов, таких как *European Cooperation in Science and Technology* (COST), *European Organization for Nuclear Research* (CERN), *Eureka*³.

Таким образом, ввиду многоуровневой системы участников и структур на разных территориальных уровнях (Kuhlmann, 2001, p. 960), «матрица акторов» системы финансирования в ЕС более сложна, чем в большинстве стран, и предполагает горизонтальные и вертикальные взаимоотношения. Основной задачей является гармонизация их интересов, а также преодоление значительной асимметрии как в качестве исследований и оборудовании, так и в финансировании деятельности между членами ЕС (и ассоциированными странами).

Многообразие акторов в европейском финансовом ландшафте

ЕПФИ можно рассматривать как часть европейского исследовательского пространства (Nedeva, 2013, p. 224), образованного корпоративными акторами, которые так или иначе вовлечены в деятельность по финансированию науки. Целесообразно сосредоточить внимание на тех акторах, которые непосредственно отвечают за разработку и реализацию политики финансовой поддержки

¹ Pongratz consulting collaborations. *Fenix Scientific AB*. Retrieved November 9, 2023, from <https://fenixscientific.se/fenix-scientific-ab-collaborations/pongratz-consulting-collaborations>

² Iceland and Norway are first countries associated with Horizon Europe (2021, September 24). *Research and Innovation*. Retrieved November 9, 2023, from https://research-and-innovation.ec.europa.eu/news/all-research-and-innovation-news/iceland-and-norway-are-first-countries-associated-horizon-europe-2021-09-24_en

³ Bilateral cooperation: Science and technology agreements with non-EU countries Switzerland. *Research and Innovation*. Retrieved November 9, 2023, from https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-2020-2024/europe-world/international-cooperation/bilateral-cooperation-science-and-technology-agreements-non-eu-countries/switzerland_en

исследований, в частности, на агентствах или программах, участвующих в поддержке фундаментальных исследований. В рамках настоящего исследования анализу подлежат акторы «первого порядка», т.е. национальные финансирующие агентства (НФА) и Европейская комиссия (ЕК), представленная Генеральным директором по исследованиям и инновациям, и акторы «второго порядка», которые формируются акторами «первого порядка» на основе представительства или делегирования. Среди акторов «второго порядка» – организации, основанные на коллективных действиях отдельных национальных структур, т.е. на транснациональном сотрудничестве. В качестве примера можно привести Европейский научный фонд (ЕНФ). Также игроками «второго порядка» можно считать такие структуры, как Европейский исследовательский совет (ЕИС), который был создан для выполнения определенных задач в области финансирования фундаментальных исследований (Талагаева, 2018b, с. 151).

Необходимо учитывать, что финансирующие науку акторы являются корпоративными структурами и заинтересованы в максимизации своих бюджетов, так и в сохранении максимальной свободы действий при определении финансовой политики (Epstein & O'Halloran, 1999, p. 189). Здесь следует обозначить возможные трения, которые могут возникнуть в ЕПФИ. Установление дополнительного – наднационального – уровня к финансированию на национальном уровне может поставить под угрозу основные интересы НФА, особенно когда речь идет о прямой поддержке проектов и ученых. Это происходит, во-первых, из-за вытеснения или «утечки мозгов». Хотя исследователи обладают определенной гибкостью в распределении временных ресурсов между несколькими проектами, растущий успех в ЕС может привести к тому, что они будут все больше сосредотачиваться на наднациональном уровне. Можно говорить о том, что структуры наднационального уровня стараются «навязать свою повестку дня и определенный тип дискурса» (Русакова, Русаков, 2017, с. 68). Во-вторых, из-за замещения бюджета, поскольку национальные исследовательские бюджеты обычно предусматривают часть средств для ЕС и часть, которая поддерживает НФА, что может быть чревато конфликтами при их распределении.

Структуры управления являются определяющим фактором в борьбе за интересы, наделяя акторов властными правами. Последние означают права действовать и принимать решения по определенным вопросам политики, тем самым предоставляя акторам полномочия решать, как действовать. В целом можно выделить три способа регулирования вертикальных и горизонтальных отношений в ЕПФИ – на основе конкуренции, взаимодополняемости (комплементарности) и сотрудничества.

В случае конкурентного управления ЕС и НФА имеют полномочия финансировать исследования в одних и тех же областях, использовать одни и те же инструменты и применять одни и те же критерии. Комплементарное управление, напротив, является формой администрирования, которая позволяет избежать дублирования властных прав и настаивает на разделении труда в рамках ЕПФИ: эти права распределяются таким образом, чтобы области деятельности разграничивались во избежание конфронтации и трений. Однако подобное

разграничение часто затруднено, для такого типа распределения полномочий характерно размытие границ. Совместное управление направлено на объединение усилий НФА и ЕС в координации деятельности по финансированию таким образом, чтобы стал возможен синергетический эффект. Например, путем объединения ресурсов и знаний для организации финансирования на общеевропейском уровне (приведем в качестве примера Европейское космическое агентство). Это может быть способом преодолеть негативные последствия конкурентных отношений или избежать конфликтов в случае размывания границ полномочий при взаимодополняющем управлении. Очевидной проблемой совместного управления является поиск консенсуса между сторонами, особенно если инструменты финансирования вступают в противоречие с национальными интересами (Антюхова, 2020).

Эволюция способов финансирования фундаментальных исследований

Фундаментальные исследования на наднациональном уровне ЕПФИ долгое время оставались исключительно делом созданного в 1974 г. ЕНФ. Намерение основать такую организацию было похоже на другие транснациональные инициативы: национальные границы воспринимались исследователями как ограничение научных разработок. Отсутствие критической массы во многих дисциплинах, недостаток ресурсов и развитие трансграничных сетей ученых – все это способствовало росту заинтересованности в наднациональном финансировании. Оно рассматривалось как деятельность по принципу «снизу вверх», хотя позже ЕНФ внедрил рамочные программы с темами, представляющими общий интерес. Исследовательская деятельность, поддержка которой осуществлялось через ЕНФ, носила выраженный фундаментальный характер и не предполагала практического применения. Таким образом, полномочия по принятию решений о финансировании оставались на страновом уровне, а ЕНФ брал на себя ответственность только за организацию самого процесса.

Совместные исследования были усилены в 1990-е гг. созданием Европейского совета руководителей исследовательских советов (European Union Research Organizations Heads of Research Councils, EUROHORCs) организациями, ориентированными на фундаментальную науку. Его основная миссия заключалась в лоббировании фундаментальной науки на общеевропейском уровне. EUROHORCs прекратил свою деятельность в 2011 г., войдя вместе с большим количеством других организаций, занимающихся фундаментальными исследованиями, в *Science Europe*⁴. Но его основные задачи остались актуальными и в этой новой структуре – усиление роли фундаментальных исследований на общеевропейском уровне, развитие финансирования и исследовательского по-

⁴ *Science Europe* – ассоциация крупных организаций, финансирующих исследования, и организаций, выполняющих исследования. Она был основан в октябре 2011 года и базируется в Брюсселе.

тенциала, однако мероприятия по оказанию материальной поддержки больше не предусмотрены. Создание *Science Europe* стало результатом конфликтов между членами ЕНФ относительно финансовых стратегий и общей деятельности по продвижению фундаментальных научных исследований на наднациональном уровне. В итоге в 2014 г. было принято решение свернуть деятельность ЕНФ. Он должен был отказаться от своей исследовательской и политической деятельности и продолжать работать только с рядом советов и комитетов, которые проводят научную экспертизу в различных областях. Фактически ЕНФ прекратил существование как финансирующее агентство.

ЕС начал деятельность по выделению материальных средств с намерением укрепить «научные и технологические основы промышленности Сообщества и побудить ее стать более конкурентоспособной на международном уровне» (Gronbaek, 2003, p. 394) и до сегодняшнего дня основывает свою легитимность в поддержке исследований главным образом на достижении данной цели, хотя в целом проблемы Сообщества в 1990-е гг. стали дополнительным объектом интереса. Именно в рамках таких проблем темы фундаментальных исследований могли бы стать частью финансируемых проектов. Такие проекты также являются частью Программы Марии Склодовской-Кюри (Marie Skłodowska-Curie Actions, MSCA), направленной на повышение мобильности молодых ученых. Из-за расширения финансовой деятельности ЕС в части фундаментальной науки существовала потенциальная опасность вытеснения, т.е. потери ученых, заинтересованных в программах ЕНФ, но это не привело к конфронтации или нежелательной динамике в части фундаментальной науки ЕПФИ. Кроме того, ЕНФ, наряду с COST и ЕС, приступил к реализации рамочных программ (EUROCORES⁵), что позволило тематически разграничить их финансовые средства.

В целом можно констатировать, что отношения акторов с начала 1990-х гг. по 2007 г. были относительно бесконфликтными, поскольку ни один из них не оспаривал позицию другого, и конкуренция, хотя потенциально и существовала, оставалась на низком уровне, как по вертикали, так и по горизонтали.

Современные акторы ЕПФИ

Чтобы ответить на вопрос, каковы на сегодняшний день отношения внутри ЕПФИ, рассмотрим треугольник, образованный тремя акторами, и проанализируем каждую из его сторон.

Отношения между НФА и ЕС (Еврокомиссией). Одной из составляющих 7-й Рамочной программы (РП7), рассчитанной на 2007–2013 гг.⁶, стала

⁵ EUROCORES (EUROpean COLlaborative RESearch) Scheme. *EUROCORES: European Science Foundation*. Retrieved November 9, 2023, from <http://archives.esf.org/coordinating-research/eurocores.html>

⁶ Seventh framework programme of the European Community for research and technological development including demonstration activities (FP7). *European Commission*. Retrieved November 9, 2023, from <https://cordis.europa.eu/programme/id/FP7>

программа «Идеи». Цель – поддержка передовых исследований европейских научных коллективов по всем научно-технологическим направлениям. Для реализации этой цели был создан ЕИС. Тем самым ЕС впервые подтвердил готовность финансировать фундаментальные исследования, что стало институционализацией их финансирования в рамках ЕПФИ. Но даже в этом случае ЕС настаивал на финансировании исследований, способствующих «благополучию и социальному прогрессу». Важность этого шага заключается в признании того, что фундаментальные исследования могут быть «ключевым фактором» в обеспечении «новых возможностей для научно-технического прогресса» и «играют важную роль в производстве новых знаний»⁷. При этом финансирование через программу «Идеи» являлось комплементарным по отношению к национальному финансированию.

Преимуществом данной программы стал раздел «Превосходная наука» 8-й Рамочной программы ЕС (РП8) на 2014–2020 гг. «Горизонт 2020»⁸. В общих чертах под «превосходством» понимается занятие лидирующих позиций в определенных научных направлениях. Достижение этой цели «усилит уровень превосходства европейской научной базы и обеспечит устойчивый поток исследований мирового класса, способных гарантировать конкурентоспособность Европы в долгосрочной перспективе» (Талагаева, 2018а, с. 180).

Несмотря на указанные изменения и с принятием в 2021 г. РП9 Европейская комиссия, в частности Генеральный директорат по исследованиям и инновациям, по-прежнему сохраняет репутацию финансирующего актора, который остается «политическим» и, следовательно, ориентированным на прикладные цели. По этой причине НФА испытывают недоверие к ЕК и ее намерениям в отношении будущего статуса фундаментальных исследований.

Отношения между ЕС (Еврокомиссией) и ЕИС. Начиная с программы «Горизонт 2020» ЕИС осуществлял полномочия на основании ряда актов, которые сделали его структуру более комплексной, в рамках раздела программы «Наука о качестве» (Slerak & Pozhilova, 2021, p. 433). РП8 предусматривала увеличение бюджета ЕИС на 77% (Талагаева, 2018а, с. 178). Являясь посредническим агентством, как и большинство национальных агентств (Luukkonen, 2014), ЕИС должен соединять политические и научные интересы. Учитывая признание со стороны ЕК неотъемлемых преимуществ финансирования пограничных исследований для общего благополучия ЕС, кажется, что наведение мостов не является слишком сложной задачей. Позиция ЕК в отношении «политики на расстоянии» выражена в формальной конструкции ЕИС, который является делегированным агентством в соответствии с законодательством ЕС (ст. 55) с правом осуществ-

⁷ Council Decision concerning the specific programme: Ideas implementing the Seventh Framework Programme of the European Community for research, technological development and demonstration activities (2007 to 2013) (2006, December 19). *EUR-Lex*. Retrieved November 9, 2023, from <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2006/972/oj>

⁸ H2020-EU.1. Excellent Science. *EFFRA Innovation Portal*. Retrieved November 9, 2023, from <https://portal.effra.eu/wiki/taxonomy-list-taxon/9008>

влять «все или часть» программ или проектов Сообщества «от имени Комиссии и под ее ответственность»⁹. Делегирование подразумевает, что ЕИС действует независимо, «в соответствии с принципом научного совершенства, автономии, эффективности, прозрачности и подотчетности»¹⁰. Все административные задачи берет на себя исполнительное агентство. Роль ЕК заключается в том, чтобы обратить внимание на то, что ЕИС уважает в своей работе «принципы научного совершенства, автономии, эффективности и прозрачности»; он должен утвердить рабочие программы и решения о финансировании; позаботиться о промежуточной оценке и представлять ЕК в Программном комитете, который создан для оказания поддержки Комиссии, прежде чем она примет годовую программу работы ЕИС. Комитет также является своего рода посреднической структурой при разрешении разногласий по существу между ЕК и ЕИС.

Таким образом, ЕК играет роль «принципала» ЕИС, поскольку остается ответственной за использование денег ЕС, должна оценивать и защищать политические последствия материальной поддержки Совета и следить за тем, чтобы он соблюдал согласованные принципы «надлежащего поведения» и цели финансирования. Комиссия не вмешивается ни в разработку программ финансирования ЕИС, ни в решения о поддержке, но, будучи ответственным учреждением перед Европейским советом, должна принять общую программу работы и решения задним числом. Это дает некоторые рычаги для вмешательства, но не из политических целей. При появлении разногласий Программный комитет функционирует как «политический совет» на «арене контроля» финансирующих агентств, как «интерфейс между агентствами и их окружением» (Braun, 1998, p. 815). В целом это обеспечивает относительно автономную позицию ЕИС в политике финансирования.

В РП9 ЕИС по-прежнему сохраняет свои полномочия, поскольку ЕС заинтересован оставаться «полноправным спонсором» в Европе и даже в дальнейшем расширении своего портфеля, а фундаментальная наука служит этой цели. Многие акторы, которые сегодня извлекают выгоду из ЕИС, выступают в качестве его защитников. Финансирование ЕИС можно в целом охарактеризовать как игру с положительной суммой: участие в конкурсе на финансирование приносит чистую выгоду академическим дисциплинам просто потому, что открывает новые направления исследований, а также помогает сделать их более заметными. Это выгодно всем членам научного сообщества (König, 2019, p. 250).

⁹ Commission Decision of 8/X/2008 delegating powers to the European Research Council Executive Agency with a view to performance of tasks linked to implementation of the specific programme Ideas in the field of research comprising in particular implementation of appropriations entered in the Community budget. *Commission of the European Communities*. Retrieved November 9, 2023, from http://erc.europa.eu/sites/default/files/document/file/comm_c_2008_5694_f_en.doc

¹⁰ Council Decision concerning the specific programme: Ideas implementing the Seventh Framework Programme of the European Community for research, technological development and demonstration activities (2007 to 2013) (2006, December 19). *EUR-Lex*. Retrieved November 9, 2023, from <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2006/972/oj>

Отношения между НФА и ЕИС. Совет является частью Евросоюза, но не представляет его. Он обладает делегированными и дискреционными полномочиями, а его основное внимание сосредоточено на продвижении передового опыта в науке и развитии ЕИП с положительными побочными эффектами для всех стран и национальных фондов. Удаленность ЕИС от ЕК обеспечивает ему доверие части «научного сообщества финансистов» и создает сходство с интересами НФА. Однако, чтобы понять отношения между ними, следует рассмотреть различие вертикальных и горизонтальных связей. Горизонтальные связи относительно гармоничны: НФА, их транснациональные организации и ЕИС выступают за «научно обоснованный» способ финансирования в рамках ЕПФИ. Здесь эти структуры являются возможными союзниками. Есть и другие аргументы в пользу довольно мирного сосуществования на данном уровне: ЕИС помогает снизить транзакционные издержки при налаживании координации и избежать проблем коллективных действий, которые возникают, когда НФА вынуждены объединяться и находить консенсус по разработке стратегий на общеевропейском уровне. Недостатком является то, что последние не оказывают никакого прямого влияния на решения ЕИС. Это может защитить интересы фундаментальной науки, но не учитывает корпоративные интересы финансирующих агентств, которым приходится конкурировать в рамках ЕПФИ.

У ЕИС есть программа инструментов финансирования, которая была разработана без официального одобрения НФА, хотя в ней частично учтены их интересы (например, когда была скопирована программа *EURYP*¹¹ в форме стартовых грантов). Все инструменты разрабатываются в рамках ЕИС и обсуждаются в Программном комитете с ЕК (и другими представителями европейских стран). Поскольку НФА официально в этом не участвуют, у них нет возможности воздействовать на то, как организуется ЕПФИ в области фундаментальной науки. Если они хотят повлиять на его развитие, единственной альтернативой является использование собственных средств. До недавнего времени таким способом было использование ЕНФ и его различных программ финансирования, однако от него НФА отказались, и никакой альтернативы до сих пор не найдено. Оставшийся способ организации транснационального сотрудничества – «изменяемая геометрия» (например, сотрудничество в рамках программы *ERA-NET*)¹². «Региональное сотрудничество», организованное для особых случаев (например, для определенных дисциплин) и с небольшой группой НФА, является вариантом, который гарантирует им право действовать по своему усмотрению и повышает шансы увеличить индивидуальные бюджеты. Более того, это может снизить некоторые операционные издержки трансграничного сотрудничества и иметь определенное значение для наращивания потенциала в рамках ЕПФИ, например, путем установления передовой практики и контрольных показателей для других финансирующих учреждений.

Выводы

Анализ текущего состава акторов ЕПФИ позволяет выявить динамику, способствующую усилению наднационального финансирования в области фундаментальной науки, что, однако, не означает автоматического усиления роли ЕК. Создание такого посреднического агентства, как ЕИС, что типично для систем поддержки фундаментальной науки, привносит элемент управления, который нелегко вписывается в разделительную линию между наднациональным и национальным финансированием.

Чтобы понять динамику состава действующих лиц, можно провести различие между двумя аспектами конфликта, которые характеризуют европейское пространство поддержки исследований: вертикальные отношения предполагают национальное и наднациональное измерение, а на горизонтальном, наднациональном, уровне существуют различия между политической и научной составляющими.

В вертикальном измерении ЕИС является одновременно союзником и конкурентом НФА. Несмотря на идеологические сходства, сохраняется скрытая напряженность из-за возможных механизмов вытеснения и замещения. Дело в том, что ЕИС является корпоративным актором, т.е. должен защищать интересы выживания организации и свое положение в иерархии, где большое количество действующих лиц борется за преимущества. Чем успешнее становится ЕИС, тем больше у него возможностей для разработки дальнейших действий. Очевидно, что чем больше ресурсов в распоряжении ЕИС, тем большую роль играет конкуренция. Это может привести к серьезной напряженности (Follesdal, 2019, p. 237).

Если мы посмотрим на горизонтальное измерение финансирования, то можно констатировать, что здесь ЕИС является одновременно и союзником НФА, и своего рода «буфером» против сил, которые отстаивают ориентированный на политику подход к финансированию. Обе структуры способствуют финансированию фундаментальной науки: в этом смысле ЕИС играет не против НФА, а вместе с ними, одновременно оказывая содействие ЕС в финансировании фундаментальной науки в рамках ЕПФИ.

Возникает вопрос: почему в финансировании наблюдаются центристские тенденции, а именно отказ НФА от намерений по транснациональному финансированию? В значительной степени это может быть объяснено совокупностью, которая типична для «территориально разделенных систем», т.е. неоднородностью государств-членов в федеративной стране или, как в данном случае, различных НФА. «Альянс по финансированию, ориентированному на науку» неоднороден не только по типам субъектов (научные дисциплины, научные академии, исследовательские организации), но и по типам финанси-

¹¹ What is EURYI? *EURYI: European Science Foundation*. Retrieved November 9, 2023, from <http://archives.esf.org/coordinating-research/euryi.html>

¹² Joint calls. *M.ERA-NET*. Retrieved November 9, 2023, from <https://www.m-era.net/joint-calls>

рующих агентств. Системы исследований и финансирования, как и культура финансирования, существенно различаются в Восточной, Южной и Северной Европе. Все еще развивающиеся восточноевропейские страны в большей степени зависят от поддержки ЕС, чем северные. Управляемые государством системы финансирования в Южной Европе часто придерживаются иной философии финансирования, чем в Северной Европе. Поэтому нельзя говорить о едином фронте НФА, которые отстаивают свою позицию против наднационального уровня. Некоторые наиболее успешные НФА настаивают на своей автономии и способности самостоятельно организовывать финансирование на транснациональном уровне, в то время как другие рассчитывают на то, что ЕС улучшит их системы финансирования и исследований.

В целом обе тенденции – растущая конкуренция в вертикальных отношениях с более заметной долей ЕИС в финансировании деятельности и тенденция к монополизации горизонтальных отношений – предполагают, что ЕПФИ движется к «нормализации» по сравнению со своими основными конкурентами: с доминирующей ролью крупного посреднического финансового агентства в центральном уровне финансирования фундаментальных исследований. Такая динамика предполагает средне- и долгосрочные изменения роли национальных фондов, поскольку центристские силы бросают вызов роли и значению национального уровня финансирования. Еще предстоит увидеть, как НФА реагируют на этот вызов. Без баланса интересов ЕПФИ окажется подвержено постоянным конфликтам, а его работа не только не сможет способствовать увеличению эффективности распределения финансовых средств, но и во многом будет мешать поступательному развитию.

Список литературы

1. Антюхова, Е.А. (2020). Акторные модели глобальной образовательной политики. *Полис. Политические исследования* (3), 158–168. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.11>
2. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2017). «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии. *Дискурс-Пи*, (1), 61–72. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.6172>
3. Талагаева, Д.А. (2018а). Европейское исследовательское пространство в действии: программа «Горизонт-2020». *Полис. Политические исследования*, (1), 175–183. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.12>
4. Талагаева, Д.А. (2018b). Научная экспертиза как инструмент управления Европейским научным пространством. *Вестник Брянского государственного университета*, (3), 150–155.
5. Bonaccorsi, A. (2007). Explaining poor performance of European science: Institutions versus policies. *Science and Public Policy*, 34(5), 303–316. <https://doi.org/10.3152/030234207X229411>

6. Braun, D. (1998). The role of funding agencies in the cognitive development of science. *Research Policy*, 27(8), 807–821. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(98\)00092-4](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(98)00092-4)
7. Cavallaro, M., & Lepori, B., (2021). Institutional barriers to participation in EU framework programs: Contrasting the Swiss and UK cases. *Scientometrics*, 126, 1311–1328. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03810-0>
8. Edler, J. (2003). Change in European R&D policy as a complex consensus-building process. In J. Edler, S. Kuhlmann, & M. Behrens (Eds.), *Changing governance of research and technology policy: The European research area* (pp. 98–132). Northampton: Edward Elgar.
9. Epstein, D., & O'Halloran, S. (1999). *Delegating powers. A transaction cost politics approach to policy making under separate powers*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Follesdal, A. (2019). Introduction: The European Research Council @ 10 – What has it done to us? *European Political Science*, 18, 237–247. <https://doi.org/10.1057/s41304-018-0163-x>
11. Gronbaek, D.A. (2003). European Research Council: An idea whose time has come? *Science and Public Policy*, 30(6), 391–404.
12. König, T. (2019). Political science and the European Research Council. *European Political Science*, 18, 248–266. <https://doi.org/10.1057/s41304-018-0165-8>
13. Kuhlmann, S. (2001). Future governance of innovation policy in Europe – three scenarios. *Research Policy*, 30(6), 953–976. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(00\)00167-0](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(00)00167-0)
14. Luukkonen, T. (2014). The European Research Council and the European research funding landscape. *Science and Public Policy*, 41(1), 29–43. <https://doi.org/10.1093/scipol/sct031>
15. Muldur, U., Corvers, F., & Delanghe, H. (2006). *A new deal for an effective European research policy*. Dordrecht: Springer.
16. Nedeва, M. (2013). Between the global and the national: Organising European science. *Research Policy*, 42(1), 220–230. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.07.006>
17. Slepak, V.Yu., & Pozhilova, N.A. (2021). Legal foundations of funding fundamental science projects within the Horizon Europe programme. *Kutafin Law Review*, 8(3), 423–442. <https://doi.org/10.17803/2313-5395.2021.3.17.423-442>

References

1. Antyukhova, E.A. (2020). Aktornye modeli global'noj obrazovatel'noj politiki [Actor models of global educational policy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 158–168. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.11>

2. Bonaccorsi, A. (2007). Explaining poor performance of European science: Institutions versus policies. *Science and Public Policy*, 34(5), 303–316. <https://doi.org/10.3152/030234207X229411>
3. Braun, D. (1998). The role of funding agencies in the cognitive development of science. *Research Policy*, 27(8), 807–821. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(98\)00092-4](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(98)00092-4)
4. Cavallaro, M., & Lepori, B., (2021). Institutional barriers to participation in EU framework programs: Contrasting the Swiss and UK cases. *Scientometrics*, 126, 1311–1328. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03810-0>
5. Edler, J. (2003). Change in European R&D policy as a complex consensus-building process. In J. Edler, S. Kuhlmann, & M. Behrens (Eds.), *Changing governance of research and technology policy: The European research area* (pp. 98–132). Northampton: Edward Elgar.
6. Epstein, D., & O’Halloran, S. (1999). *Delegating powers. A transaction cost politics approach to policy making under separate powers*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Follesdal, A. (2019). Introduction: The European Research Council @ 10 – What has it done to us? *European Political Science*, 18, 237–247. <https://doi.org/10.1057/s41304-018-0163-x>
8. Gronbaek, D.A. (2003). European Research Council: An idea whose time has come? *Science and Public Policy*, 30(6), 391–404.
9. König, T. (2019). Political science and the European Research Council. *European Political Science*, 18, 248–266. <https://doi.org/10.1057/s41304-018-0165-8>
10. Kuhlmann, S. (2001). Future governance of innovation policy in Europe – three scenarios. *Research Policy*, 30(6), 953–976. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(00\)00167-0](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(00)00167-0)
11. Luukkonen, T. (2014). The European Research Council and the European research funding landscape. *Science and Public Policy*, 41(1), 29–43. <https://doi.org/10.1093/scipol/sct031>
12. Muldur, U., Corvers, F., & Delanghe, H. (2006). *A new deal for an effective European research policy*. Dordrecht: Springer.
13. Nedeava, M. (2013). Between the global and the national: Organising European science. *Research Policy*, 42(1), 220–230. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.07.006>
14. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2017). “Myagkaya sila” kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii [Soft power as an instrument of political communication and humanitarian diplomacy]. *Diskurs-Pi*, (1), 61–72. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.6172>
15. Slepak, V.Yu., & Pozhilova, N.A. (2021). Legal foundations of funding fundamental science projects within the Horizon Europe programme. *Kutafin Law Review*, 8(3), 423–442. <https://doi.org/10.17803/2313-5395.2021.3.17.423-442>
16. Talagaeva, D.A. (2018a). Evropejskoe issledovatel'skoe prostranstvo v dejstvii: Programma “Gorizont-2020”. [European Research Area in action: “Horizon-

2020” Programme]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 175–183. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.12>

17. Talagaeva, D.A. (2018b). Nauchnaya ekspertiza kak instrument upravleniya Evropejskim nauchnym prostranstvom. [Scientific inquiry as a tool of European scientific space management]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 150–155.

Информация об авторах

Талагаева Дарья Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7959-0741>, e-mail: d.talagaeva@mail.ru

Антюхова Екатерина Андреевна – доктор политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, заместитель декана по научной работе факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>, e-mail: e.anyukhova@gmail.com

Information about the authors

Talagaeva Dar'ya Aleksandrovna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, English Language Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7959-0741>, e-mail: d.talagaeva@mail.ru

Antyukhova Ekaterina Andreevna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of World Politics, Deputy Dean for Scientific Work, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>, e-mail: e.antyukhova@gmail.com

УДК 321

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_97

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ (М. И. МИХАЙЛОВ, С. Н. ЮЖАКОВ, Л. И. ПЕТРАЖИЦКИЙ, М. М. КОВАЛЕВСКИЙ)

Светлана Алексеевна Батуренко,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
level_s@rambler.ru

Получена 26.06.2023.

Поступила после рецензирования 18.08.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Батуренко С. А. Политическое неравенство мужчин и женщин в истории социально-политической мысли России (М. И. Михайлов, С. Н. Южаков, Л. И. Петражицкий, М. М. Ковалевский) // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 97–113. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_97

Аннотация

Особенности историко-культурного развития российского общества оказали влияние на осмысление в рамках социальных наук множества вопросов, в том числе гендерного неравенства. В статье показано, что в отечественной социально-политической мысли рубежа XIX–XX вв. заметно выражена проблема неравенства между мужчинами и женщинами в политической сфере. Она раскрывается в работах публицистов, историков, философов, социологов, экономистов, правоведов, политических деятелей, в частности, М. И. Михайлова, С. Н. Южакова, Л. И. Петражицкого и М. М. Ковалевского. По мнению автора статьи, несмотря на то что указанные мыслители по-разному видели решение проблемы, их идеи способствовали зарождению

© Батуренко С. А., 2023

в России теории феминизма и феминизма как социального явления. Также они создали предпосылки для значительных преобразований в политической сфере, проблема получила возможность практического решения, в том числе на высоком государственном уровне. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что траектория развития отечественной социальной мысли, которая формировалась в непростых условиях, отличалась от европейской, обладая рядом специфических черт. Особенности постановки проблемы неравноправия в политической сфере, преодоления зависимого положения женщины, обеспечения ее прав в России отразились в работах мыслителей. Настоящее исследование может рассматриваться как попытка развития и углубления курсов по истории русской социологии и политологии, оно дает представление о том, как формировался феминистский дискурс в отечественной социально-политической мысли.

Ключевые слова:

феминизм, политическое неравенство мужчин и женщин, М.И. Михайлов, С.Н. Южаков, Л.И. Петражицкий, М.М. Ковалевский.

UDC 321

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_97

POLITICAL INEQUALITY BETWEEN MEN AND WOMEN IN THE HISTORY OF RUSSIAN SOCIO-POLITICAL THOUGHT (M. I. MIKHAILOV, S. N. YUZHAKOV, L. I. PETRAZHITSKY, AND M. M. KOVALEVSKY)

Svetlana A. Baturenko,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
level_s@rambler.ru

Received 26.06.2023.

Revised 18.08.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Baturenko, S.A. (2023). Political inequality between men and women in the history of Russian socio-political thought (M. I. Mikhailov, S. N. Yuzhakov, L. I. Petrazhitsky, and M. M. Kovalevsky). *Discourse-P*, 20(4), 97–113. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_97

Abstract

The peculiarities of the historical and cultural development of Russian society have influenced the understanding of various issues within the social sciences, including gender inequality. The article shows that, during the transition from the 19th to the 20th century, the problem of inequality between men and women in the political sphere was prominently addressed in Russian socio-political thought. This issue is revealed through the works of publicists, historians, sociologists, philosophers, economists, legal scholars, and political figures, notably Mikhail I. Mikhailov, Sergey N. Yuzhakov, Lev I. Petrazhitsky (Polish: Leon Petrażycki), and Maksim M. Kovalevsky. According to the author, despite the diverse perspectives of these thinkers in resolving the problem, their ideas contributed to the emergence of feminist theory and feminism as a social phenomenon in Russia. Additionally, they laid down the groundwork providing an opportunity for practical solutions, including at the highest level of the state. Based on the conducted research, it is concluded that the trajectory of development of Russian social thought, shaped formed in challenging conditions, differed from the European path, having several specific features. The nuances in framing the problem of inequality in the political sphere, overcoming the dependent status of women, and ensuring their rights in Russia are reflected in the works of these intellectuals. The study can be regarded as an attempt to develop and deepen courses on the history of Russian sociology and political science, providing insights into the formation of the feminist discourse in Russian socio-political thought.

Keywords:

feminism, political inequality between men and women, Mikhail I. Mikhailov, Sergey N. Yuzhakov, Lev I. Petrazhitsky, Maksim M. Kovalevsky.

Введение

Проблема женской эмансипации в политической сфере имеет давнюю историю. Если обращаться к зарубежной социально-политической мысли, то можно отметить три неразрывно связанных аспекта рассмотрения проблемы – политический, философский, этический, что наблюдается и в современных спорах о правах женщин. Еще во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XVIII в. Ж.А. Кондорсе поднял вопрос об отсутствии у женщин политических прав гражданства и рассматривал его как конкретный пример более общей проблемы неравенства. Движение за права женщин получило название феминистского или просто обозначается общим словом «феминизм». Политический аспект этой борьбы становится наиболее заметен во время так называемой первой волны феминизма, приходящейся на рубеж XIX–XX вв., и связан с одним из известных женских движений – суфражизмом, участницы которого стремились получить избирательные права.

Гендерное неравенство в политической сфере остается актуальной проблемой и для современного общества. Об этом свидетельствуют данные различных организаций, в том числе международных. В частности, ежегодный индекс гендерного разрыва Всемирного экономического форума определяет политику как одну из основных сфер, где в наибольшей степени продолжает сохраняться неравенство¹.

В России появление женщин в экономической, духовной, социальной и политической сферах становится заметным начиная с последней трети XVIII в. Увеличивается количество женских организаций, деятельность которых направлена в первую очередь на расширение социальной активности. Оценивая социальную базу формирующегося женского движения, можно заметить ее сходство с западной, изначально представленной женщинами из высшего общества, затем среднего класса с постепенным присоединением рабочего движения. Происходящие изменения были обусловлены схожими процессами в экономической и социальной сферах, развитием машинного производства и крупной промышленности, стремительным ростом городов, формированием среднего и рабочего классов. Подъем промышленности способствовал привлечению женского труда вследствие общей нехватки рабочих рук. Этот труд, становясь массовым, превращался в факт социальной жизни, оказывая влияние на трансформацию традиционного статуса женщины в семье и обществе. Вместе с тем он повлиял и на рост самосознания женщин как отдельной самостоятельной социальной группы, создавая основу для изменения устоявшейся иерархии полов.

Проблема политического неравенства мужчин и женщин в России ставилась отечественными мыслителями начиная с первой половины XIX в. В рамках настоящей статьи мы обратим внимание на основные аспекты данной проблемы, а также специфику ее осмысления в работах второй половины XIX – начала XX вв. Среди множества мыслителей выделим тех, кого называют не только писателями, историками, правоведами, философами, но и первыми социологами. Их труды зачастую остаются забытыми, а идеи невостребованными. Однако они были первыми среди тех, кто занимался разработкой наиболее актуальных и новых для российского общества социальных проблем, в том политического неравенства. Со словом «феминизм» чаще ассоциируются борющиеся за свои права женщины, однако в истории отечественной общественной мысли было большое количество мужчин, которые поднимали женский вопрос. В их числе М. И. Михайлов, С. Н. Южаков, Л. И. Петражицкий, М. М. Ковалевский, взгляды которых будут рассмотрены нами далее.

Проблема женской эмансипации в работах М. И. Михайлова

Михаил Илларионович Михайлов (1829–1865) – известный писатель, публицист, мастер художественного перевода, а также один из инициаторов дис-

¹ Global Gender Gap Report 2022. *World Economic Forum*. Retrieved February 2, 2023, from https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2022.pdf

куссии по женскому вопросу в России. Он оставил обширное наследие, в том числе ряд работ, написанных в 1860-е гг. и посвященных рассматриваемой нами проблеме: «Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин», «Женщины в университете», «Уважение к женщинам», «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (Михайлов, 1903). Очевидно, что женская эмансипация была одной из главных проблем, интересующих писателя. Он поднял в своих публицистических работах проблему политического равноправия и обратил внимание общественности на необходимость признания за женщинами всех общественных и политических прав. Статьи М.И. Михайлова пользовались большой популярностью среди читателей, поскольку выражали передовые взгляды революционной демократии.

Значительное влияние на мировоззрение писателя оказало посещение Франции и Англии. Во Франции он познакомился с основными идеями феминизма, а также с трудами французских мыслителей антифеминистской направленности – Ж. Мишле и П.-Ж. Прудона. Полемике с их идеями была фактически посвящена работа «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе». Особый интерес писателя вызвала статья Дж. Ст. Милля «Об эмансипации женщин». Работы указанных авторов активно обсуждались во Франции и России, а статьи Михайлова способствовали обращению внимания российского читателя к данной проблематике (Батуренко, 2021).

В противовес Мишле и Прудону Михайлов, рассуждая об интеллектуальных возможностях женщины в сравнении с мужчиной, опровергает утверждения о неравной биологической предрасположенности к умственной деятельности и подчеркивает их социальную обусловленность. По его мнению, «страх потерять власть заставляет мужскую половину искать оправдания своему господству и подчиненности женщин в самой их натуре» (Михайлов, 1958, с. 18–19). Автор подробно анализирует связанную с этим проблему образования, указывая на неудовлетворительное состояние и организацию в России женских институтов и пансионов, выступает за изменение системы женского образования и необходимость организации образования, равного мужскому на всех уровнях. Он пишет: «Повторяю – не органическая слабость и не периодическая беременность устраниют женщину от участия в политической, административной, ученой и промышленной деятельности, а с детства ложно направляемое, отличное от мужского, исключительное воспитание» (с. 20).

Другой важной проблемой, по мнению мыслителя, является состояние института семьи и брака, роль женщины в семье, которая должна быть переосмыслена, исходя из иных, более адекватных представлений о женщине, ее положения и значения для общества. Он указывает на взаимосвязь между равенством мужчины и женщины в семье и основами управления обществом, утверждая, что «уровень общественного образования и общественной нравственности тотчас начинает подниматься не только при совершенном уничтожении права одного лица владеть другим, но даже при одном только смягчении этого права» (Михайлов, 1958, с. 373). Для писателя вопросы женской эмансипации были напрямую связаны с проблемой общественного развития России в целом.

Прогресс, по его мнению, во многом обусловлен устранением эгоистического произвола, в том числе в рамках семьи, в сфере отношений между полами. «Читатель видел, – пишет автор, – что я принимаю семейство тоже за основу общества; но только при одном условии, при совершенном равенстве прав жены и мужа. Если отец и мать пользуются одинаковым голосом, одинаковым влиянием как на детей своих, так и на касающиеся их дела общества, возможность диктатуры в общественном управлении исчезает сама собою» (с. 373).

Утверждая необходимость изменения системы образования для женщин, причем начиная с самого раннего возраста, М.И. Михайлов увязывает эту проблему еще с одной – доступом женщин ко всем видам общественной деятельности, являющимся привилегией мужчин. Данная проблема, по мнению автора, требовала немедленного решения. Он был абсолютно убежден в том, что само по себе образование женщины не будет иметь большого значения для общества при отсутствии возможности его приложения. Писатель настаивал на необходимости предоставления женщине свободы выбора сферы деятельности, поскольку полагал, что развитие современного ему общества с неизбежностью ведет к новому социальному порядку, при котором участие в труде, промышленности, науке, политике, искусстве будет доступно любому совершеннолетнему члену общества.

Таким образом, М.И. Михайлов стал одним из первых мыслителей, привлечших внимание широкой общественности к проблеме женской эмансипации, необходимости пересмотра роли и значения женщины в обществе, изменения отношения к ней.

Политическое равноправие в представлениях С.Н. Южакова

Сергей Николаевич Южаков (1849–1910) – русский экономист, общественный деятель, публицист, представитель субъективной школы социологии. Сотрудничал с журналами «Знание», «Отечественные записки», «Русское богатство». В его наследии есть работа, которая нечасто упоминается, поскольку его труды остаются менее изученными по сравнению с творчеством других представителей субъективного направления русской социологии, например, П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. Это этюд «Женщина-избирательница. К вопросу о реформе русского избирательного права» (Южаков, 1906).

Проблема положения женщины в обществе интересовала С.Н. Южакова в связи с идеей общественного прогресса. Вопрос о подчиненном положении женщины рассматривался им с точки зрения возможности достижения равноправия в политической сфере. В работе «Женщина-избирательница» рассматривается один из важнейших аспектов – правовое положение женщин в России и связанная с этим необходимость реформы избирательного права.

С.Н. Южаков был солидарен со многими известными социальными мыслителями своего времени, в частности, с Лавровым и Михайловским, другими представителями субъективной социологической школы, в стремлении к соци-

альным реформам. Одним из значимых аспектов проблемы реформ на рубеже XIX–XX вв., по мнению ученого, была реформа избирательного права.

Работа «Женщина-избирательница» была впервые опубликована в 1905 г. в ежемесячном общественно-политическом, литературном и научном журнале «Русское богатство», а в 1906 г. вышла отдельным изданием. Размышляя о проблеме всеобщего избирательного права, автор обращает внимание на факт его установления во многих странах мира (Франции, США, Швейцарии, Бельгии, Норвегии, Дании, Германии, Австралии, Канаде, Новой Зеландии и т.д.) Вместе с тем он указывает на два больших государства цивилизованного мира, где пока не принято всеобщее избирательное право, – Австро-Венгрия и Россия. С. Н. Южаков был убежден в том, что всенародное избирательное право представляется единственным правильным, справедливым и национально выгодным решением вопроса.

Автор анализирует значение института женского избирательного права и рассматривает причины исключения половины человеческого рода из всеобщего права. Перечисляя категории людей, на которых не распространяется это право – «умственно недоразвитые (дети), не владеющие своими умственными способностями (идиоты и душевно-больные) и нравственно опороченные (преступники)» (Южаков, 1906, с. 5), социолог ставит вопрос о правомерности включения женщин в данные категории или возможности сравнивать их хотя бы с одной. Южаков считал обидной даже саму постановку такого вопроса, однако указывал на необходимость его рассмотрения и приведения доказательств, в том числе из области биологии, а также статистических данных, раскрывающих безосновательность такого соотнесения. Рассматривая проблему, ученый опирается на разработки зарубежных социологов, таких как П.-Ж. Прудон, О. Конт, Дж. Ст. Милль и др., и приходит к выводу, что при отказе женщинам в политических правах наравне с мужчинами «теперь нельзя уже опираться на общее положение о их неспособности к умственной и общественной деятельности» (с. 11). Он пишет: «История опровергла фактами это положение. Несомненно, что женщина и может, и желает равноправного участия во всех общественных делах, в том числе и в выборах» (с. 11).

Другим важным вопросом является степень готовности женщин к участию в политической жизни. Очевидно, что предоставление им избирательного права означает удвоение числа избирателей. Противники женского равноправия, как заметил С. Н. Южаков, выдвигают следующие аргументы: женщина «совершенно не воспитана политически», «менее образована», «поддается влиянию духовников». Однако социолог последовательно приводит контраргументы. Оценивая возможное влияние духовников на женщину, он указывает на особое значение этого фактора в католических странах, хотя считает и там их значение преувеличенным и действующим только при условии общих клерикальных взглядов семьи. Относительно политической невоспитанности женщин социолог замечает, что в своем политическом развитии они обычно находятся на уровне своей семьи. «В России мужчины не более образованы, не более воспитаны политически, чем женщины. Политическое воспитание, даваемое единственно участием в поли-

тической жизни, приходится приобрести и мужчинам, и женщинам» (Южаков, 1906, с. 13–14). Что касается уровня образованности женщин и мужчин, автор обращается к официальным данным Министерства народного просвещения: на 1906 г. во всей Российской империи насчитывалось 402 мужских и 521 женское среднее учебное заведение (гимназии и училища); кроме того, на каждые 100 окончивших их мужчин приходилось 130 женщин. Следовательно, в средних учебных заведениях женский контингент был в полтора раза многочисленнее мужского (Южаков, 1906, с. 14).

Ученый приходит к выводу, что все три возражения против предоставления женщинам избирательных прав – зависимость от клерикального влияния, политическая безграмотность и относительная необразованность – очень неустойчивы на Западе, а «у нас прямо не существуют». «Наша женщина никогда и нигде не является проводницей клерикализма. Она в среднем образованнее мужчины. Политически воспитана, если не более, то и не менее мужчины» (Южаков, 1906, с. 15).

При анализе вопроса реформы избирательного права мыслитель сравнивает вклад в решение данной проблемы женщин на Западе и в России. По его мнению, женщины в нашей стране принимали в целом более деятельное участие в урегулировании данного вопроса. «Равная в трудах и жертвах, русская женщина морально равна и во всех правах, приобретаемых мужчинами ценой этих общих трудов и жертв. Морально и культурно равной, разве можно ей отказывать в равенстве и политическом? Это до такой степени звучит аксиомой. Это до такой степени является величайшим нравственным долгом, что нельзя сомневаться в исходе дела. Нельзя сомневаться, что одним из первых дел реформирования управления должно быть дарование русским женщинам политических прав, одинаковых с мужчинами» (Южаков, 1906, с. 16). Социолог называет предоставление равного избирательного права огромным *нравственным долгом* общества перед русскими женщинами.

Постановка вопроса Л. И. Петражицким в Государственной Думе

Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931) – российский и польский ученый, правовед, философ, социолог неокантианского направления, является основателем русской школы психологии права и такой отрасли современной социологии, как социология права. В 34 года стал профессором Петербургского университета, возглавил кафедру энциклопедии и философии права, а в возрасте 38 лет был избран деканом юридического факультета. Кроме того, он известен как политический деятель – депутат I Государственной Думы Российской империи. «В Государственной Думе Петражицкий стал видным деятелем конституционно-демократической фракции: один из ведущих экспертов и ораторов фракции по земскому вопросу, член комиссий – по проверке прав членов Думы, по составлению Наказа, о неприкосновенности личности, аграрной, редакционной, по гражданскому равенству. За его подписью на рассмотрение Думы поступили законопроекты “О гражданском равенстве” и “О собраниях”» (Анисимов, 2016, с. 25).

Ученый внес большой вклад в развитие теории права, однако содержание теории, которую сам он называл психологической теорией права, выходит за границы и психологии, и права. Он пополнил науку новыми категориями, междисциплинарными связями, оригинальными подходами к исследованию таких явлений, как нравственный идеал, взаимодействие нравственности и права; открыл ранее не изученные проблемы в поле новой науки, какой была социология на рубеже XIX–XX вв. (Батуренко, 2017). Проблема женской эмансипации представляла для ученого особый интерес.

В 1905 г. в российском обществе широко обсуждалась идея национального парламента. Создание первого представительного законодательного органа стало большим событием для общественной жизни в целом, однако голосование тогда еще не являлось всеобщим, были лишены права голосовать молодые люди в возрасте до 25 лет, военнослужащие, женщины и некоторые национальности. В тот период прогрессивные женщины России начали вести активную борьбу за свои политические права, в частности, за право участвовать в выборах в Думу. Возможности решения женского вопроса, активного продвижения по пути эмансипации русские женщины видели в завоевании права влияния на принятие Государственной Думой справедливых законов. Формировались специальные женские организации, принимавшие участие в дискуссиях по данному вопросу. Самыми известными среди них были Русское женское взаимно-благотворительное общество, Союз равноправности женщин, Женская прогрессивная партия (Патрикеева, 2012, с. 36).

На рубеже XIX–XX вв. в России проблема равноправия мужчин и женщин затрагивалась уже и некоторыми партиями, каждая из них рассматривала отдельные вопросы, касающиеся права женщин на образование, гражданское или избирательное права. 6 июня 1906 г. на очередном заседании Думы Петражицкий выступил с речью о женском равноправии (Петражицкий, 1915). Опираясь на поданную ему Русским женским взаимно-благотворительным обществом петицию, он выделил несколько главных вопросов.

Во-первых, проблема гражданского неравенства, особенно в области наследственного права. Петражицкий обратил внимание депутатов на специфику положения женщин в крестьянской среде, прежде всего, в восточной части России, где господствовали установки примитивного родового быта и общинного строя. Подчеркивая сложный характер проблемы и возможности ее решения, ученый указывал на необходимость осторожных действий, не допускающих внезапную и насильственную ломку прежнего порядка. Петражицкий приводит доказательства сложившегося неравного положения из области действующего законодательства: «...дочь при наследовании вместе с сыновьями после отца или матери получает только 1/14 недвижимого и 1/8 движимого имущества, а в боковых линиях женщины, при наличии мужчин, например, сестры при братьях и т.д., ничего не получают. Эти законы находятся в таком противоречии с современною правовою совестью, что порядочный человек не станет пользоваться ими, что порядочный сын не захочет получить в четырнадцать раз более, чем его сестра» (Петражицкий, 1915, с. 7).

Во-вторых, проблема публичного права, решение которой предполагает открытие доступа женщин к образованию, в том числе возможность получения высшего университетского образования с одной стороны и возможность занятия государственных должностей с другой. Называя сложившуюся ситуацию серьезным социальным бедствием, ученый отметил, что она создается искусственно и ставит женщин в крайне бедственное, безвыходное положение: «...существующие помехи для достижения женщинами образования, препятствия для достижения исполнения высших более тонких, требующих образования функций и для образованных женщин ведут не только к не использованию, то есть к растрате большей части народных сил, способностей и талантов, но и к тому, что женщины наименее зажиточных и просвещенных классов встречаются в области своего, более скромного труда конкуренцию со стороны тех женщин, которые могли и должны были бы исполнять иные общественные функции» (Петражицкий, 1915, с. 10).

В-третьих, проблема избирательных прав. Ученый обратил внимание на работы Дж. Ст. Милля, опубликованные еще в 1860-е гг., где аргументированно представлена идея необходимости предоставления женщинам избирательных прав. Петражицкий развивает идеи Милля: «Я нахожу, что желательно, чтобы женщины занимались политикой, и чем больше они будут ей заниматься, тем лучше для государства, общества и прогресса. Заниматься политикой – значит заботиться об общем благе; интересоваться политикой – значит интересоваться не шкурными своими интересами, эгоистичными, а интересами общего блага» (Петражицкий, 1915, с. 11–12).

Одним из основных вопросов, представлявших большой интерес для ученого, было взаимоотношение права и нравственности. По его мнению, нравственность есть проявление субъективных устремлений человека, право имеет дело с объективными основами поступков. Он разрабатывал идею развития «высшей человеческой этики», которая должна опираться не на личный интерес, а на интерес к своему ближнему и общему благу. Выступая в целом за развитие культуры, Петражицкий предлагал продвигать ее вперед посредством воспитания в духе общественности, при этом определяя культуру не столько как обладание знаниями, сколько как выработку особого народного характера со склонностью людей к заботе об общем благе и общих интересах. Именно создание такой культуры автор рассматривает в виде фундамента для необходимых будущих преобразований общества, цель которых – осуществление «великого идеала человеческого братства, и свободной работы всех на пользу общую. Это путь для осуществления социального идеала» (Петражицкий, 1915, с. 13).

Проблема женской эмансипации интересовала Л.И. Петражицкого, прежде всего, с позиций его собственного представления о социальном идеале: «Предоставление женщинам политических прав и возложение на них политических обязанностей и ответственности – это могучее средство насаждения общественности в высоком смысле слова, высшей психики и культуры, это средство заставить людей оставить эгоистическую узость интересов и поднять их на более высокую ступень общественной точки зрения – радения об общем

благ» (Петражицкий, 1915, с. 14). Ученый был уверен в исключительной важности культивирования интереса женщин к общественным делам, поскольку они являются основным агентом воздействия на подрастающие поколения. Именно женщины способны повлиять на своих детей, особенно в период ранней социализации, передать им интерес к общественному благу, а те, в свою очередь, впитают в себя общественную культуру и смогут быть полезными для всего общества.

Представив перед высоким собранием свои идеи преобразования и уравнивания прав женщин, Л. И. Петражицкий отметил, что даже в случае принятия решений, направленных на установление законного равенства женщин в управлении, государственной службе, народном представительстве, это не будет гарантировать достижения полного равенства между мужчинами и женщинами в силу господства в обществе предрассудков и эгоистических интересов. Ученый называл свои предложения скромными и умеренными, он был убежден в том, что возникла насущная необходимость устранить устоявшиеся традиции как один из факторов неравенства, который является формально-юридическим препятствием на пути осуществления равенства и справедливости. Учитывая тот факт, что речь не шла о полном равноправии между мужчинами и женщинами, программа Петражицкого оказалась слишком передовой и смелой для своего времени. Автор сам указывал при этом, что осуществление предложенных преобразований только приблизит российское общество к идеалу равенства.

Для отечественных социологов неокантианского направления, в числе которых был Л. И. Петражицкий, проблема обновления правовых отношений и правовая личность были одними из центральных, они оказались солидарны в своем отношении к праву как процессу творческого созидания. Проблема женской эмансипации в политической сфере была составной частью большой общей проблемы – неудовлетворительного состояния правосознания в обществе. Она рассматривалась как одна из главных причин кризисных явлений в российском обществе.

Таким образом, Л. И. Петражицкий стал одним из первых мыслителей, не только изучающих проблему равноправия в российском обществе как социолог и правовед, но и активно предлагающих ее практическое решение на государственном уровне. Его идеи, особенно касающиеся равенства в политической сфере, оказались слишком прогрессивными для своего времени, и очевидно, что их решение не представлялось простым и немедленным. Первая Государственная Дума не смогла осуществить реализацию предложенного закона о равноправии: она была в известной степени ограничена в своих полномочиях, к тому же срок ее полномочий истек в июле 1906 г.

Участие М. М. Ковалевского в дебатах в Государственной Думе

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – известный ученый-социолог, историк, экономист и правовед, антрополог и общественный деятель. Он внес огромный вклад в развитие не только отечественной, но и европейской

социологии в целом, способствовал ее институционализации. Он является основателем генетической социологии как особого научного направления. В 1906 г. был избран депутатом Первой Государственной Думы, являлся членом Госсовета, а также одним из ведущих публицистов журнала «Вестник Европы». Ковалевский внес большой вклад в разработку не только социологических, но и политических проблем (Ковалевский, 1895–1899, 1915, 1917), сыграл важную роль в выработке концепции эволюции семьи и семейных взаимоотношений (Ковалевский, 2004).

В 1906 г. М. М. Ковалевский стал одним из тех участников высокого собрания по поводу женской эмансипации, о котором мы писали выше. У депутатов Государственной Думы еще не было накоплено достаточно опыта парламентской деятельности. Они и широкая общественность находились в процессе осознания принципов и порядка функционирования высокого собрания. В целом можно говорить о недостаточной подготовке его участников к занятию законодательным творчеством и развитию права, а также недопониманию значения деятельности по принятию решений государственного уровня. В сложившихся условиях участие в Государственной Думе ученого с мировым именем, обладающего энциклопедическими знаниями в области как истории, так и правоведения было особенно ценным. Кроме того, Ковалевский был профессором Московского, Санкт-Петербургского (Петроградского) и нескольких европейских университетов, имел большой опыт преподавания и выдающиеся ораторские способности, владел талантом объяснять и убеждать слушателей. В своих выступлениях он всегда опирался на богатый исторический материал, по возникающим вопросам приводил примеры из истории действующего законодательства и опыта парламентаризма Англии, Франции, США.

В июне 1906 г. на очередном заседании Государственной Думы был поставлен вопрос о политическом равноправии мужчин и женщин, ранее не рассматриваемый на таком высоком уровне. Он вызвал бурное обсуждение с разделением участников дискуссии на сторонников и противников. Одним из инициаторов дискуссии, как мы уже писали, был Л. И. Петражицкий. Ряд депутатов поддержали его предложение и высказались за допуск женщин к высшему образованию, а также занятию государственных должностей. Однако было немало тех, кто выступил решительно против предоставления женщинам равных с мужчинами прав. Среди них были и правые депутаты, и политики, называвшие себя либералами. Противником был и М. М. Ковалевский, являвшийся в то время лидером Партии демократических реформ. Основной аргумент – указание на уравнивание не только прав, но и обязанностей для обоих полов, что предполагает, например, несение воинской повинности и невозможность его распространения на женщин. В своем выступлении Ковалевский отметил: «Мы будем считаться с невыгодными последствиями признания принципа, что мужчины и женщины в правах равны. Ведь равные права предполагают равные обязанности. Сейчас же возникает поэтому вопрос о том, распространим ли мы на женщин и воинскую повинность, образуем ли мы корпус амазонок или

нет? По всей вероятности, никто не собирается образовывать корпуса amazонок. Придется на этот счет сделать ту же поправку, которую англичане сделали со времен Елизаветы и первых кодификаторов общего земского права, в том числе судьи Кока. Англичане выражают это известным афоризмом: парламент все может сделать, но он не может обратить мужчину в женщину и женщину в мужчину»².

С Ковалевским были солидарны некоторые депутаты – П. А. Гейден, Д. И. Шаховский, Ф. А. Кругликов и др. Они аргументировали свое мнение тем, что парламентская деятельность и для мужчин была непривычным явлением, привлечь к этой деятельности женщин преждевременно. Среди прочих был высказан аргумент, указывающий на недостаточную осведомленность большего числа депутатов об укладе крестьянской жизни, особенностях быта, порядке крестьянской семьи и роли женщины в ней (Батуренко, 2021).

В результате дискуссии участники высокого собрания сочли необходимым отложить решение вопросов, связанных с предоставлением избирательных прав женщинам. Благодаря выступлению Ковалевского депутаты признали особую сложность данной проблемы, требующей, по их мнению, более осторожного и основательного подхода. Как было замечено, проблема предоставления женщинам избирательных прав была напрямую связана с необходимостью внесения изменений в законодательство на различных уровнях. Или, как отметили участники, с пересмотром законодательства «девяти томов Российской империи», включая изменение семейного права, права крестьянского имущества и других правовых аспектов, что представлялось исключительно сложным вопросом.

Таким образом, М. М. Ковалевский не поддержал идею политического равноправия мужчин и женщин, очевидно, считая такое решение преждевременным. Он был солидарен с другими депутатами, отмечающими необходимость фундаментального пересмотра российского законодательства в целом для принятия решения о политическом равноправии. Ученый высказывался за возможность утверждения в отечественном законодательстве такого равенства, однако, по его мнению, это неизбежно потребует тщательной проработки законопроектов, включая отмену сословности в Российской империи, уравнивание в правах национальностей, вероисповеданий и многое другое, что в начале XX в. не представлялось легко достижимой целью.

Заключение

В российском обществе проблема политического неравенства мужчин и женщин начала осмысливаться в первой половине XIX в., но наиболее четко обозначилась к 1860-м гг. Российское общество уникально, оно имеет свою собственную историю, социальные и культурные особенности, которые повлияли на осмысление данной проблемы. Обращение к трудам отечественных

² Государственная Дума. Стенографические отчеты (1906). Сессия первая (Т. 2, стб. 1050). СПб.: Государственная типография.

мыслителей показывает, что траектория развития русской социальной мысли, которая формировалась в непростых условиях, отличалась от европейской, обладая рядом специфических черт. Ей была свойственна публицистичность, подчеркнутая гуманистическая ориентация, которая совпадала с характерной для своего времени ориентацией на «страдающего человека» в художественной литературе. С одной стороны, решение женского вопроса было составной частью общего стремления отечественных обществоведов помочь угнетенному народу. С другой – проблема женской эмансипации была неразрывно связана с идеей прогрессивного развития общества в целом, с необходимостью переустройства ряда ключевых социальных институтов. Другими словами, вопросы политического равенства мужчин и женщин в России имеют свою неповторимую специфику, связанную с историческими, социальными, интеллектуальными, культурными особенностями развития.

Благодаря первым отечественным социологам проблема получила не только теоретическое осмысление, но и возможность практического решения, в том числе на высоком государственном уровне. Не все мыслители видели одинаково решение данной проблемы, однако нельзя недооценивать тот вклад, который они внесли в ее разработку. На наш взгляд, следует обратить более пристальное внимание на историю отечественной социальной мысли, которая позволяет увидеть специфику проблемы политического неравенства мужчин и женщин, а также возможности ее решения.

Список литературы

1. Анисимов, О. В. (2016). *Правоведы Петербургского университета в Государственной Думе Российской империи: исторический очерк*. СПб.: ЛЕМА.
2. Батуренко, С. А. (2017). Развитие феминистских идей в рамках неокантианского направления русской социологии XIX – начала XX века: Л. И. Петражицкий, В. М. Хвостов. *Вестник Томского университета*, (425), 66–73. <https://doi.org/10.17223/15617793/425/8>
3. Батуренко, С. А. (2021). Предпосылки оформления феминистского дискурса в русской социологии XIX в.: М. И. Михайлов. *Женщина в российском обществе*, (1), 116–125. <https://doi.org/10.21064/winrs.2021.1.10>
4. Батуренко, С. А. (2021). Феминистские/антифеминистские идеи М. М. Ковалевского. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (61), 135–147. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/15>
5. Ковалевский, М. М. (1908). Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты? *Союз женщин*, (7–8), 10–15.
6. Ковалевский, М. М. (1895–1899). *Происхождение современной демократии: в 4 т.* М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова.

7. Ковалевский, М. М. (1911). Высшее женское образование. *Вестник Европы*, (6), 416–425.
8. Ковалевский, М. М. (1915). Национальный вопрос и империализм. В М. И. Туган-Барановский (Ред.), *Вопросы мировой войны* (с. 549–561). Петроград: Право.
9. Ковалевский, М. М. (1917). Международная война и ее вероятные последствия. В М. М. Ковалевский, К. А. Тимирязев (Ред.), *История нашего времени. (Современная культура и ее проблемы)* (Т. 8, вып. 31). Петроград: Гранат.
10. Ковалевский, М. М. (2014). *Очерк происхождения и развития семьи и собственности*. М.: Либроком.
11. Михайлов, М. И. (1903). *Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе; Женщины в университете; Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин; Уважение к женщинам*. СПб.: П. А. Картавов.
12. Михайлов, М. И. (1958). Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. В М. И. Михайлов, *Сочинения* (Т. 3). М.: Государственное издательство художественной литературы.
13. Патрикеева, О. А. (2012). «Женский вопрос» в I Государственной думе Российской империи. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология*, (4), 36–45.
14. Петражицкий, Л. И. (1915). *О женском равноправии*. Петроград: Типография М. Меркушева.
15. Южаков, С. Н. (1897). *Вопросы просвещения. Публицистические опыты*. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
16. Южаков, С. Н. (1906). *Женщина-избирательница. К вопросу о реформе русского избирательного права*. М.: Л. О. Крумбюгель и Н. Н. Худяков.
17. Южаков, С. Н. (2008). *Социологические этюды*. М.: Астрель.

References

1. Anisimov, O. V. (2016). *Pravovedy Peterburgskogo universiteta v Gosudarstvennoj Dume Rossijskoj imperii.: istoricheskij ocherk* [Jurists of St. Petersburg University in the State Duma of the Russian Empire: Historical essay]. Saint Petersburg: LEMA.
2. Baturenko, S. A. (2017). Razvitie feministских idej v ramkah neokantianskogo napravlenija russkoj sociologii XIX – nachala XX veka: L. I. Petrazhickij, V. M. Hvostov [Development of feminist ideas within the neo-Kantian direction of the Russian sociology of the 19th – early 20th centuries: Lev Petrazhitzky, Veniamin Khvostov]. *Vestnik Tomskogo universiteta*, (425), 66–73.
3. Baturenko, S. A. (2021). Feministskie/antifeministskie idei M. M. Kovalevskogo [Feminist/antifeminist ideas of Maksim Kovalevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, (61), 135–147. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/15>

4. Baturenko, S. A. (2021). Predposylki oformlenija feministского diskursa v russoj sociologii XIX v.: M. I. Mihajlov [Prerequisites of feminist discourse formation in Russian sociology of the 19th century: M. I. Mikhailov], *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (1), 116–125. <https://doi.org/10.21064/winrs.2021.1.10>
5. Kovalevsky, M. M. (1895–1899). *Proishozhdenie sovremennoj demokratii: v 4 t.* [The origin of modern democracy: in 4 volumes]. Moscow: Tovarishhestvo tipografii A. I. Mamontova.
6. Kovalevsky, M. M. (1908). *Mozhno li zakryvat' zhenshinam dostup v universitety?* [Is it possible to block women's access to universities?]. *Sojuz zhenshin*, (7–8), 10–15.
7. Kovalevsky, M. M. (1911). *Vysshee zhenskoe obrazovanie* [Women's higher education]. *Vestnik Evropy*, (6), 416–425.
8. Kovalevsky, M. M. (1915). *Nacional'nyj vopros i imperialism* [The national question and imperialism]. In M. I. Tugan-Baranovsky (Ed.), *Voprosy mirovoj vojny* (pp. 549–561). Petrograd: Pravo.
9. Kovalevsky, M. M. (1917). *Mezhdunarodnaja vojna i ee verojatnye posledstvija* [International war and its probable consequences]. In M. M. Kovalevsky, & K. A. Timiryazev (Eds.), *Istoriya nashego vremeni. (Sovremennaya kul'tura i ee problemy)* (Vol. 8, iss. 31). Petrograd: Granat.
10. Kovalevsky, M. M. (2014). *Ocherk proishozhdenija i razvitija sem'i i sobstvennosti* [An essay on the origin and development of family and property]. Moscow: Librokom.
11. Mikhailov, M. I. (1903). *Zhenshhiny, ih vospitanie i znachenie v sem'e i obshhestve; Zhenshhiny v universitete; Dzhon Stjuart Mill' ob jemansipacii zhenshin; Uvazhenie k zhenshinam* [Women, their upbringing and importance in the family and society; Women's higher education; John Stuart Mill on the emancipation of women; Respect for women]. Saint Petersburg: P. A. Kartavov.
12. Mikhailov, M. I. (1958). *Zhenshhiny, ih vospitanie i znachenie v sem'e i obshhestve* [Women, their upbringing and importance in the family and society]. In M. I. Mikhailov, *Sochinenija* (Vol. 3). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.
13. Patrikeeva, O. A. (2012). "Zhenskij vopros" v I Gosudarstvennoj dume rossijskoj imperii [The "women's question" in the First State Duma of the Russian Empire]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova*. *Istoriya i politologija*, (4), 36–45.
14. Petrazhitsky, L. I. (1915). *O zhenskom ravnopravii* [On women's equality]. Petrograd: Tipografiya M. Merkusheva.
15. Yuzhakov, S. N. (1897). *Voprosy prosveshhenij. Publicisticheskie opyty* [Questions of enlightenment. Journalistic experiments]. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasjulevicha.
16. Yuzhakov, S. N. (1906). *Zhenshhina-izbiratel'nica. K voprosu o reforme russkogo izbiratel'nogo prava* [A woman voter. On the issue of reforming the Russian electoral law]. Moscow: L. O. Krumbjuel' i N. N. Hudjakov.

17. Yuzhakov, S.N. (2008). *Sociologicheskie jetjudy* [Sociological studies]. Moscow: Astrel'.

Информация об авторе

Светлана Алексеевна Батуренко, кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии, социологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9732-5423>, e-mail: level_s@rambler.ru

Information about the author

Svetlana Alekseevna Baturenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9732-5423>, e-mail: level_s@rambler.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ ПАРЛАМЕНТСКИМИ ПАРТИЯМИ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОФИЦИАЛЬНЫХ САЙТОВ)

Ольга Владимировна Бахлова,

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия,
olga.bahlova@mail.ru

Игорь Владимирович Бахлов,

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия,
bahlov@mail.ru

Получена 05.07.2023.

Поступила после рецензирования 28.07.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Бахлова О. В., Бахлов И. В. Репрезентация патриотической тематики парламентскими партиями России (по материалам официальных сайтов) // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 114–138. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_114

Аннотация

В статье исследуется содержание материалов патриотической направленности, размещенных на официальных сайтах парламентских партий Российской Федерации. Цель работы – верификация их дискурсивной активности по формированию и про-

© Бахлова О. В., Бахлов И. В., 2023

движению патриотической повестки с учетом комплекса внутренних и внешних условий. С опорой на средства дискурс-анализа, неформализованного изучения документов и сравнительного анализа раскрываются особенности интерпретации структуры, сущности и разновидностей патриотизма применительно к российским реалиям. Авторы определяют распространенные смысловые взаимосвязи в употреблении родственных понятий и акцентируют утверждение «державнической версии» патриотического дискурса, апеллирующей к экзистенциальным вызовам для страны. Достаточно традиционные трактовки патриотизма как любви, преданности Родине, Отчизне, уважения ее истории органически уживаются с артикуляцией деятельности на благо России. Характерны размышления о «настоящем», «истинном» патриотизме. Также исследовательское внимание фокусируется на изучении деятельностного компонента патриотических дискурсивных практик. Информация, содержащаяся на официальных сайтах, свидетельствует о значительном количестве патриотических акций, мероприятий, проектов с участием партий. Нередко они выступают в качестве инициаторов, но часто положительно реагируют и на начинания власти, концентрируясь на освещении собственного вклада. В целом парламентские партии в патриотической плоскости ориентированы на создание пространства солидарности, хотя оно имеет ограниченные пределы ввиду идеологических расхождений и субъективных потребностей. Специфика репрезентации ими патриотической тематики убеждает в осознании ее важности в общегосударственном масштабе и одновременно свидетельствует об использовании патриотической риторики для повышения эффективности политической борьбы.

Ключевые слова:

историческая память, общественно-политический дискурс, парламентские политические партии, патриотическое воспитание, политический капитал, разновидности патриотизма, традиционные ценности.

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

REPRESENTATION OF PATRIOTIC THEMES BY PARLIAMENTARY PARTIES OF RUSSIA (BASED ON THE MATERIALS OF OFFICIAL WEBSITES)

Olga V. Bakhlova,

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia,
olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov,

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia,
bahlov@mail.ru

Received 05.07.2023.

Revised 28.07.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Bakhlova, O.V., Bakhlov, I.V. (2023). Representation of patriotic themes by parliamentary parties of Russia (based on the materials of official websites). *Discourse-P*, 20(4), 114–138. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_114

Abstract

The article scrutinizes the content materials with a patriotic focus posted on the official websites of parliamentary parties of the Russian Federation. The objective of the work is to verify their discursive activity in shaping and promoting a patriotic agenda, taking into account a complex set of internal and external conditions. Employing discourse analysis, informal document study, and comparative analysis, the article reveals the peculiarities of interpreting the structure, essence, and varieties of patriotism in the context of Russian realities. The authors identify common semantic connections in the usage of related concepts and emphasize the affirmation of the “statecentric version” of patriotic discourse, appealing to existential challenges for the country. Quite traditional interpretations of patriotism, such as love, devotion to the Motherland, respect for its history organically coexist with articulating activities for the benefit of Russia. Reflections on “real”, “true” patriotism are typical. The research also focuses on examining the operational component of patriotic discursive practices. Information on official websites indicates a significant number of patriotic actions, events, projects involving political parties. They often act as

initiators, but frequently react positively to the initiatives of the authorities, concentrating on highlighting their own contribution. In general, parliamentary parties, in the patriotic dimension, aim at creating a space of solidarity, although it has limited boundaries due to ideological divergences and subjective needs. The specificity of their representation of patriotic themes underscores the awareness of its importance on a nationwide scale and simultaneously demonstrates the use of patriotic rhetoric to enhance the effectiveness of political struggle.

Keywords:

historical memory, socio-political discourse, parliamentary political parties, patriotic education, political capital, varieties of patriotism, traditional values.

Funding:

This work was financially supported by the Russian Science Foundation, grant number 23-28-00371, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00371/>

Введение

В происходящих сегодня общественно-политических процессах в России и публичном пространстве актуализировалась тема патриотизма. По сути, наблюдается второй – после событий «Русской весны» 2014 г. – всплеск патриотических настроений и их обсуждения. Как и раньше, помимо объективно обусловленной социально значимой составляющей, в них обнаруживается манипулятивный компонент, когда различные политические акторы, начиная с представителей правящей элиты, используют обращение к патриотической проблематике и воззвания к патриотическим чувствам россиян для умножения собственного политического капитала и актуализации ресурсов власти. Следуя концепции А. Этzioni (Etzioni, 1975), это можно трактовать в контексте задействования нормативного ресурса (ресурса убеждения).

Эффективность его применения в современных условиях зависит в том числе от успешности выстраивания коммуникаций власти и общества с участием правительственных и неправительственных институтов. В российском институциональном дизайне, как минимум формально, важная роль отводится общественным объединениям (ОО). Их реальная активность заметно выросла на фоне распространения COVID-19 и эскалации украинского кризиса, особенно в плане добровольческой (волонтерской) деятельности. В данном ракурсе заслуживает внимания феномен «социального поворота» в отечественной партийной системе под влиянием глобальных проблем при незавершенности, однако, единого социального проекта (Бродовская и др., 2023). Еще одна показательная характеристика в рассматриваемой плоскости – политизация гражданского активизма и его трансформация в политический активизм (Савельева, 2023).

Многие ОО соответствующей направленности опираются на союз/партнерство с ведущими политическими партиями, которые, прежде всего парламентские партии, по сравнению с другими ОО, обладают наибольшими политическими возможностями, будучи непосредственно включенными в систему публично-властных отношений. Выступая значимыми агрегаторами интересов, они имеют доступ к различного рода площадкам и инструментам, позволяющим им продвигать определенные установки, ценности, позиции и закреплять их в качестве легитимных в сознании граждан.

Репрезентация политическими акторами патриотической тематики может анализироваться и через призму реидеологизации государственной политики – в русле оживления дискуссий вокруг проблемы идеологического конструирования общенациональной повестки и стратегии развития, опирающихся на «большую идею». В официальном дискурсе в подобном смысле декларируется идея патриотизма. Примечательны, например, слова Президента России В. В. Путина: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Это и есть национальная идея». Причем, по его мнению, она не идеологизирована¹. С другой стороны, в выступлениях главы государства прослеживается его приверженность идеологии «здорового» («разумного», «умеренного») консерватизма². В текущий период в дискурсе власти наблюдается переосмысление отношения к вопросу о государственной идеологии, что нашло отражение и в нормативном поле – в первую очередь в закреплении поправок ценностного наполнения Конституции Российской Федерации в рамках реформы 2020 г. (ст. 67.1 и др.), принятии серии новых документов или внесении соответствующих изменений в действующие акты в различных сферах государственной политики (по обеспечению национальной безопасности, гуманитарной, культурной и пр.). Конституционная реформа в этом плане интерпретируется в русле динамики патриотической легитимации (Goode, 2021). Одним из главных факторов трансформации подхода власти обоснованно признается рост внешних угроз (Понеделков, Попов, 2023). В.И. Головченко справедливо замечает, что Специальная военная операция (СВО) на Украине «выявила ряд серьезных проблем, связанных с формированием гражданского мировоззрения и патриотизма» (Головченко, 2023, с. 191). Автор считает, что установка на принятие государственной идеологии «формально выгодна для укрепления легитимации деятельности сегодняшней партии власти», одновременно он признает объективную потребность и возможность достижения консенсуса по данному вопросу «всех ведущих политических сил России, ответственных за ее судьбу перед будущими поколениями» (с. 194).

Речь здесь идет и о своеобразном социально-политическом аудите, предполагающем выявление общих для политических партий и иных ОО принци-

¹ Путин: национальная идея в России – это патриотизм (2016, 3 февраля). *РИА Новости*. Взято 21 июня 2023, с <https://ria.ru/20160203/1369184806.html>

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (2021, 21 октября). *Президент России*. Взято 21 июня 2023, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>

пов, форм и методов идеологической деятельности, имеющих определенное практическое значение для каждой партии в частности и партийной системы в целом (Галиев, Гимаев, 2023). Сошлемся на исследование П. В. Панова и К. А. Сулимова, выделивших ключевые идеологические концепты, пусть и с несовпадающей конфигурацией (центральной или дополнительной), образующие пространство согласия думских фракций. Наряду с «антизападничеством» и «русскостью» сюда входит «патриотизм». Указанные границы укрепились, согласно результатам исследования, вследствие складывания «крымского консенсуса» (Панов, Сулимов, 2023, с. 86). Для принятия политических решений в теоретическом дискурсе насущным видится делиберативный принцип (Малышева и др., 2022), который должен применяться и «внутри» патриотической темы. Вместе с тем исследователи подчеркивают сохраняющееся противоречие в модели политики формирования патриотизма в РФ – отдельно государственной и народной (Кириченко, 2023), и опасность «негативного патриотизма», обусловленного имитационным характером элиты (Спиридонова, 2023).

Полагаем необходимой дальнейшую конкретизацию дискурсивной активности парламентских партий России по формированию и продвижению патриотической повестки. Учитывая стремительную цифровизацию общественной жизни, важно выяснить специфику репрезентации ими патриотической тематики в онлайн-пространстве. На данном этапе проводимого нами исследования его эмпирическую базу образовали материалы официальных (федеральных) сайтов политических партий, представленных в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: Всероссийской политической партии «Единая Россия» (ЕР), политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» (СРЗП), политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России (ЛДПР), политической партии «Новые люди» (НЛ). Их изучение осуществлялось с опорой на методы традиционного и дискурс-анализа содержания указанных документов. Объект анализа – патриотическая повестка, создаваемая и транслируемая парламентариями РФ через их официальные сайты; единицы анализа – следующие проблемные категории и подкатегории:

1. Увязка патриотизма с определенными ценностями:

1А) политико-идеологическими:

1А1 – консервативными;

1А2 – либеральными;

1А3 – социал-демократическими, социалистическими;

1А4 – иными;

1А5 – связь не выражена;

1Б) духовно-нравственными, традиционными:

1Б1 – имеются непосредственные отсылки к тем или иным ценностям;

1Б2 – встречаются лишь общие отсылки;

1Б3 – связь не выражена.

2. Содержание и интерпретация сущности патриотизма:

2А) слагаемые патриотизма:

- 2А1 – любовь к Отечеству;
- 2А2 – служение Отечеству;
- 2А3 – гордость за страну;
- 2А4 – деятельность на благо Отечества;
- 2А5 – комплексная трактовка;
- 2А6 – иное;

2Б) разновидности патриотизма, их расшифровка и оценка:

- 2Б1 – даются соответствующая классификация, характеристика важности и соотношения;
- 2Б2 – встречаются отдельные упоминания, позиция четко не обозначена;
- 2Б3 – внятная классификация и конкретные оценки отсутствуют.

3. Факторы, влияющие на актуализацию патриотической проблематики:

3А) внутренние:

- 3А1 – внутренняя напряженность (социальное расслоение, межконфессиональные и межэтнические противоречия и пр.);
- 3А2 – неадекватность проводимого государством курса потребностям страны, народа;
- 3А3 – уязвимости, пробелы в сфере государственной политики патриотического воспитания;
- 3А4 – кризис духовно-нравственных ценностей;
- 3А5 – межпоколенческие разрывы;
- 3А6 – иное;

3Б) внешние:

- 3Б1 – общее нарастание вызовов и угроз извне (без детализации);
- 3Б2 – экспансия евроатлантических акторов/давление коллективного Запада;
- 3Б3 – кризис неолиберальной модели развития;
- 3Б4 – навязывание трансгуманистских установок;
- 3Б5 – размывание общенациональной идентичности в контексте неограниченной глобализации;
- 3Б6 – иное.

4. Пути, механизмы достижения «патриотического консенсуса»:

4А) консолидация общества на базе приверженности традиционным ценностям;

4Б) консолидация общества на базе приверженности идее Русского мира;

4В) солидарность внутривластных сил, складывание нового «элитного пакта»;

4Г) проведение социальных реформ;

4Д) преодоление межрегиональных диспропорций;

4Е) внешнеполитические и военно-политические успехи России;

4Ж) дальнейшая эскалация международной напряженности, угроза прямой агрессии против России;

4З) комплексная оценка;

4И) иное.

5. Коммуникации, партнерство внутрироссийских политических сил на патриотической платформе:

5А) характер соответствующих связей:

5А1 – активно развиваются;

5А2 – проявляются спорадически;

5А3 – отсутствуют;

5А4 – позиция не выражена;

5Б) роль власти, элиты в формировании и продвижении общероссийской патриотической повестки:

5Б1 – позитивная;

5Б2 – негативная;

5Б3 – двойственная;

5Б4 – позиция ясно не выражена.

Специфика репрезентации парламентскими партиями РФ патриотической тематики определялась также посредством сопоставления формируемого ими «патриотического» контента, применяемых способов его трансляции через официальные сайты, форм и степени участия в патриотических мероприятиях, акциях, реагирования на общегосударственные инициативы. Соответственно, выявлены общие и особенные характеристики дискурсивных партийных практик в данной области.

Хронологические рамки исследования: 2022 г. – май (включительно) 2023 г. Это обусловлено актуализацией достижения нового общественно-политического консенсуса и необходимостью устранения противоречий в модели политики формирования патриотизма в РФ на фоне резкой деградации внешней среды. Ключевое событие – начало СВО.

Основные результаты исследования зафиксированы в нескольких таблицах.

Результаты исследования

Акцент на патриотической проблематике на текущем этапе является лейтмотивом абсолютного большинства материалов официальных сайтов российских парламентских партий. Ей посвящены различные тексты: новостные сообщения (как правило, о состоявшихся встречах или о проведенных мероприятиях); выступления партийных лидеров/представителей (в ходе думских заседаний, партийных съездов, митингов и пр.); статьи программного характера, написанные постоянными обозревателями. Ознакомиться с партийным патриотическим контентом можно при помощи нескольких инструментов, прежде всего, поискового запроса с использованием ключевого слова/словосочетания (общего поиска по сайту); поиска

по тематическим тегам и конкретным хэштегам (#патриотизм, с ним «соседствуют» #ИсторическаяПамять, #патриотическийурок, #урокмужества, #партипроекты, #военно-патриотическоевоспитание, #военно-патриотическаяпесня, #молодежно-патриотическаяакция, #НашаПобеда, #СВО, #участникиСВО, #ПартаГероя и др. – ЕР; #поддержка сво, #великая победа, #защита родины, #защита русского языка, #русские, #защита русского мира³ и др. – ЛДПР). Наиболее операциональны в этом плане сайты ЕР и ЛДПР, в меньшей степени – КПРФ (в то же время на ее сайте при изучении определенного текста можно видеть ссылки на дополнительные материалы по теме) и СРЗП, наконец, наименее – НЛ (фактически единственный доступный инструмент – поиск через новостную ленту). При этом относительная ограниченность функционала некоторых партийных сайтов автоматически не свидетельствует о скудности интереса к патриотической тематике. Например, на сайте КПРФ во вкладке (разделе) «Жизнь партии», в рубрике «Новости ЦК КПРФ» довольно подробно освещаются мероприятия и акции партии патриотической направленности, разъясняется партийная позиция по злободневным вопросам, приводятся публикации (полностью или отрывками) из партийной прессы и пр., причем имеющийся фильтр позволяет сузить временной интервал (период) поиска до нужного. Похожая опция есть и на сайте СРЗП (вкладка «События», рубрика «Лента новостей»), однако без возможности применения временного фильтра. В целом патриотический контент СРЗП достаточно насыщен и многоаспектен. ЛДПР, в свою очередь, часто ограничивается размещением краткой информации, объем «патриотических» материалов на ее сайте довольно невелик.

Обобщенные результаты исследования содержания материалов официальных сайтов парламентских партий РФ иллюстрируют наиболее значимые параметры репрезентации ими патриотической тематики (табл. 1).

Таблица 1

Качественные характеристики патриотической повестки парламентских партий РФ (составлено авторами)⁴

Политическая партия	Сайт	Категории, подкатегории
1	2	3
ЕР	https://er.ru	1А4 – актуализация связи с государственной идеологией; основополагающие ценности партии – единство страны, многовековой опыт межнационального и межконфессионального согласия;

³ Сохранено написание хэштегов, принятое на партийных сайтах.

⁴ Таблицы составлены на основании анализа источников, взятых с официальных сайтов парламентских партий РФ.

1	2	3
		<p>1Б1 – упор на традиционные духовные ценности, наряду с гражданственностью, справедливостью, ответственностью</p> <p>2А5 – патриотизм трактуется как многогранное понятие, совмещающее названные и иные элементы; 2Б1 (осознанный патриотизм – люди не могут оставаться в стороне; общегосударственный и региональный патриотизм – любить как Россию в целом, так и свою малую родину; истинный патриотизм; высокий патриотизм)</p> <p>акцент на внешних факторах – 3Б2+3Б3+3Б6 (уязвимость молодежи для информационных атак Запада)</p> <p>4З=4А)+4Е)+4Ж)+4И) (деятельность системных организаций, призванных укрепить общероссийскую гражданскую идентичность; диалог власти и общественных организаций)</p> <p>5А1; 5Б1</p>
КПРФ	https://kprf.ru	<p>1А3 – невозможно спланировать вокруг меркантильных «рыночных ценностей». Спланировать можно только... вокруг социалистической идеи;</p> <p>1А4 – три основы идеологии развития страны – социальная справедливость, патриотизм, народовластие;</p> <p>1Б1 – определяющее значение духовных ценностей, идеалов справедливости и коллективизма</p> <p>2А5 – с акцентом на любви (преданности) Родине, неразрывной связи с ее историей и культурой, несовместимости патриотизма с клеветой на отечественную историю, проявлениями русофобии и антисоветчины;</p> <p>2Б1 (глубокий патриотизм; истинный патриотизм; зашкаливающий патриотизм – декларативный; односторонний патриотизм; народный патриотизм; государственный патриотизм; советский патриотизм, основанный на дружбе народов, социальной общности, классовом интернационализме; мнение о подмене понятия буржуазного национализма патриотизмом; буржуазный патриотизм и др.)</p> <p>3А1+3А2+3А3+3А4; 3Б2+3Б5+3Б6 (столкновение с англосаксонским империализмом; информационная кампания Запада по очернению отечественной истории)</p> <p>4З)=4А)+4Б)+4Г)+4Е)+4Ж)+4И) (принятие закона о государственной защите русского языка; глубокое патриотическое воспитание; поддержка внутреннего туризма, способствующего знакомству молодежи с богатейшей историей и природой Родины и др.)</p>

1	2	3
		5А2; 5Б3 – критика иллюзий о «патриотизме» власти олигархии, российского крупного бизнеса («прибыль... любит больше, чем Родину»), «просвещенных либералов», именуемых «национал-предателями», прозападной «пятой колонны», СМИ (внедрение либеральных ценностей, обслуживание власти)
СРЗП	https://spravedlivo.ru	1А3 – «новый социализм»; 1А4 – объединяющей идеей должен стать лозунг «России быть!»; 1Б1 – акцент на защите цивилизационных и духовно-нравственных ценностей (культурное наследие, традиции, основы общественного устройства, традиционные религии и вера)
		2А5, с акцентом на 2А1 и 2А3; патриотизм понимается как духовная основа сохранения нации; 2Б1 (оголтелый псевдо-патриотизм – с отсылкой к украинскому опыту; реальный патриотизм, допускающий конструктивную критику; подлинный патриотизм, корреспондирующий с высокой гражданской ответственностью; военный патриотизм, ассоциируемый с образцами мужества, героизма, преданности Родине, понятием чести, верности долгу и слову)
		3А2+3А3+3А4+3А5; 3Б2+3Б3+3Б5+3Б6 (ценностно-цивили-зационный глобальный конфликт)
		4З=4А)+4Б)+4Е)+4Ж)+4И) (укрепление и развитие государства–цивилизации; евразийская культурная интеграция; патриотическое воспитание молодежи; духовное единение всех, кто искренне любит Россию; общегражданская мобилизация, когда каждый на своем месте должен вносить максимальный вклад в общее дело защиты Отечества)
		5А2; 5Б3 – критика «патриотов за границы», «пятой колонны», западников во власти; власть должна быть патриотичной и «работать не на собственный карман, а в интересах народа»
ЛДПР	https://ldpr.ru	1А5; 1Б1 – ценности доверия, сочувствия, патриотизма; «наши ценности»; традиции, культурные основы; семейные ценности
		2А5 (патриотизм – явление многогранное), с акцентом на 2А1, 2А2, 2А3;

1	2	3
		<p>2Б1 (огромный патриотизм; здоровый, нормальный патриотизм, без пренебрежения к другим нациям; здоровый экономический патриотизм (свои инвестиции, свои товары с маркой «сделано в России»); не показной, патриотизм; российский, без противопоставления разных национальностей, патриотизм всех граждан России, основанный на своей истории, культуре, традициях)</p> <p>3А3+3А4; 3Б2+3Б5</p> <p>43)=4А)+4Б)+4В)+4Ж)+4И) (прекращение табуирования русского в России; поддержка русского языка как «фундаментальной основы Русского мира»; формирование патриотичного кадрового резерва; поддержка музеев; патриотическое воспитание</p> <p>5А1; 5Б3 (плечом к плечу за здоровые идеи Президента, за Россию, за народ и за наше будущее; упоминание об административном давлении и цензе проявлять свою патриотическую позицию; конструктивная оппозиция)</p>
НЛ	https://newpeople.ru	<p>1А5; 1Б2 – упоминание о российских ценностях; основополагающих ценностях и принципах, на которых основано единство российского общества</p> <p>2А6 – в понятие «патриотизм» вкладывается «не только солидарность с общим прошлым, но и желание разделить будущее с этой страной»; типичен акцент на деятельностном подходе; 2Б3</p> <p>3А6 – позиция четко не обозначена; 3Б1</p> <p>43=4В)+4Е)+4И) (образовательный патриотический туризм; патриотическое воспитание; социальное предпринимательство)</p> <p>5А4; 5Б4</p>

Наиболее развернутые позиции по патриотической проблематике сформированы левоцентристскими партиями – КПРФ и СРЗП, а также «партией власти» – ЕР. Немного уступает им ЛДПР. Наименее детализирована позиция НЛ.

Очевидно, что большинство партий четко не идентифицируют свою приверженность конкретным политико-идеологическим установкам. Это касается ЕР, ЛДПР и НЛ. С другой стороны, константой партийного дискурса

в последнее время становится обращение к вопросу о перспективах внедрения государственной идеологии в России. Так, заместитель руководителя фракции ЕР в Госдуме А. К. Исаев высказывает мнение о начале процесса «воссоздания государственной идеологии, основанной на патриотических ценностях»⁵. Председатель и руководитель фракции СРЗП в Госдуме С. М. Миронов полагает, что в текущей ситуации нужна «сильная идеология», которая «...должна не только консолидировать российское общество, но и быть ориентиром для других стран, не заинтересованных жить под диктатом Запада»⁶; без государственной идеологии борьба за Русский мир осложнится, поэтому необходима корректировка ст. 13 Конституции РФ⁷. Депутат фракции СРЗП Н. В. Новичков называет несколько ключевых принципов и компонентов идеологического базиса государства: первичность, обязательность; связанность с достижениями народа, общества, культурным достоянием; традиции и духовно-нравственные ценности; русский язык и русская культура; государство и вооруженные силы. Цементирующая идея – идея великой государственности⁸. Поддерживают реидеологизацию в исследуемом контексте и представители КПРФ. Например, с точки зрения заместителя председателя Московской областной Думы, руководителя фракции КПРФ А. А. Наумова, без идеологии и государственного подхода «...мы не сможем воспитать человека – творца, гражданина и патриота своей Родины»⁹. В материалах сайтов ЛДПР и НЛ за названный период позиция по данному вопросу не разъясняется.

Каждая из парламентских партий в своей патриотической риторике склонна к употреблению различных коннотаций с понятием патриотизма, что артикулирует главные смысловые, сущностные сходные черты между определенными ценностями, чувствами, свойствами, интерпретируемыми как фундаментальные. Соответствующие взаимосвязи отражены в табл. 2.

⁵ Школа и идеология. Статья Андрея Исаева (2022, 31 августа). *Единая Россия*. Взято 21 июня 2023, с <https://er.ru/activity/news/shkola-i-ideologiya-statya-andreya-isaeva>

⁶ Сергей Миронов: исторический опыт показывает, что для победы над сильным врагом нужна сильная идеология (2022, 14 ноября). *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Взято 21 июня 2023, с <https://spravedlivo.ru/12589610>

⁷ Сергей Миронов: мы обязательно победим, но без государственной идеологии нам сложнее будет бороться (2022, 25 октября). *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Взято 21 июня 2023, с <https://spravedlivo.ru/12530410>

⁸ Николай Новичков о государственной идеологии (2022, 6 декабря). *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Взято 21 июня 2023, с <https://spravedlivo.ru/12679210>

⁹ Московская область. Научно-практическая конференция КПРФ о современных подходах к воспитанию детей (2022, 24 июня). Коммунистическая партия Российской Федерации. Взято 21 июня 2023, с <https://kprf.ru/party-live/regnews/211648.html>

Таблица 2

Матрица коннотаций с понятием «патриотизм» в дискурсивных патриотических практиках парламентских партий РФ (составлено авторами)

Политическая партия	Ассоциативные ряды
1	2
ЕР	Любовь и уважение к Отечеству, Родине, желание отстоять родную страну от врага; мужество, отвага, долг, честь, героизм; ответственность, гордость за свою страну и ее Героев; преданность, готовность к самопожертвованию; дружба, солидарность, добро, отзывчивость; справедливость, взаимопомощь, чувство долга; уважение к истории, культуре и традициям; суверенитет государства; забота о ближнем, сохранение своего языка и культуры, честь и долг перед своей большой и малой Родиной; сплоченность, гражданское единение; ответственность, командный дух, смелость
КПРФ	Совесть, долг, служение своему народу, понимание истоков и смысла главных исторических ценностей, осознание ответственности перед самим собой и за себя, как за гражданина своей страны; социальная справедливость, вера в победу добра над злом; долг перед своим народом, любовь к труду и готовность к защите Отечества; социальное равенство, справедливость, дружба народов, подлинное народовластие; державность, любовь к своей державе, подлинный суверенитет; любовь граждан к своей Родине, языку, традициям, народам, которые живут вместе, любовь к земле своих предков; сопричастность к большому коллективу, неразрывная связь поколений
СРЗП	Любовь к нашей многонациональной Родине, своей земле, своему народу; преданность Отечеству; верность традициям поколения победителей, память о героях, отдавших жизнь за наше будущее, приумножение славы родного Отечества; любовь к родине, уважение к ее истории, к российскому государству и обществу, выражение народных интересов и национально-государственных интересов, активная позиция в защиту своего Отечества, своего народа, своей семьи; поддержка Родины в самые сложные времена; ассоциирование себя с Отечеством

1	2
ЛДПР	Любовь к Родине, ее государственным символам, готовность ее защищать и умение ставить интересы державы на первое место; идентичность, патриотическое сознание, чувство сопереживания к судьбе Отечества, духовность; любовь к родным местам, гордость за свой народ, желание сохранять и приумножать богатство своей страны; верность Родине, готовность к служению Отечеству; любовь к Родине и ее славной истории; потребность совершать добрые дела и поступки, умение сострадать, сочувствовать, быть любознательным
НЛ	Энергетика, патриотический дух, победный настрой; желание разделить в будущем свою судьбу с этой страной; любовь к нашей Родине – России; продвижение образа России в мире и продвижение образа России в самой России; развитие страны; возвращение Россией себе места в истории; экономический, культурный и духовный суверенитет

Как видно, в риторике всех партий общей доминантой выступает образ любви к Родине, Отечеству. Распространены ассоциации с понятиями «преданность», «ответственность», «готовность к защите». Характерны «державническая» трактовка (особенно для КПРФ, СРЗП, ЛДПР) и акцент на категории «суверенитет» (прежде всего, ЕР, КПРФ, НЛ). Левоцентристские партии в патриотическом ракурсе склонны говорить о защите и поддержке не только страны, государства, но и народа, его интересов. Все партии в той или иной степени подчеркивают важность активной гражданской позиции, деятельности на благо России. В этой связи можно вспомнить утверждение: гражданский патриотизм «имеет опорой не только гордость за героическое прошлое, но и деятельно ориентирован на благоприятное общенациональное будущее» (Магарил, 2016, с. 145).

Еще одной общей доминантой является артикуляция исторического измерения – необходимости обеспечения уважения к отечественной истории, ее знания, сохранения исторической памяти, преемственности поколений. Так, депутат от ЛДПР Б. Р. Пайкин считает, что гражданин страны, не знающий ее истории, не может быть патриотом, поэтому предлагает углубленное изучение истории на всех уровнях¹⁰. Депутат фракции СРЗП Я. В. Лантратова ставит вопрос о проведении ежегодной Всероссийской акции «Проверочная (контрольная) работа по истории», по аналогии с «Тотальным диктантом» по русскому языку. По ее мнению, это позволит повысить историческую грамотность россиян, поможет им лучше ориентироваться в текущих по-

¹⁰ Борис Пайкин: нельзя быть патриотом без знания истории своей страны (2022, 14 октября). ЛДПР. Взято 21 июня 2023, с <https://ldpr.ru/event/243674>

литических событиях и понимать специфику международных отношений, ассоциировать себя с Отечеством¹¹.

Стержневой объединяющий образ – память о Великой Отечественной войне, о Великой Победе. Сопредседатель СРЗП Г. Ю. Семигин подчеркивает: «Настоящие патриоты победили в той самой жестокой и кровопролитной войне XX века. Победа в Великой Отечественной остается неиссякаемым источником духовной силы народа России»¹². Вторит ему С. М. Миронов: «Великая Отечественная война... всегда будет тесно вплетена в культурный код нашего народа»¹³. В настоящее время тема Победы активно обсуждается партиями в контексте проведения СВО. Здесь также обнаруживается антифашистская/антинацистская составляющая партийного дискурса. Прежде всего это свойственно КПРФ, СРЗП и ЛДПР. Возвращаясь к идеологическому аспекту позиционирования, можно говорить, что парламентские партии в целом придерживаются антифашистской идеологии и достаточно внятно об этом заявляют¹⁴.

Не все партии признают пробелы, упущения и тем более просчеты и ошибки в патриотическом воспитании, государственной политике в этой сфере, но многими из них оно рассматривается как разнонаправленная деятельность, включающая в первую очередь военно-патриотическое, гражданско-патриотическое и спортивно-патриотическое направления. Лидер КПРФ Г. А. Зюганов настаивает на «глубоком патриотическом воспитании», особенно важном для формирования сознания молодых людей: «...невозможно побеждать, если в голове у молодежи не нравственные и патриотические ценности, а “кешбэк” и “лайки”»¹⁵. На Пленуме ЦК КПРФ по патриотизму (27 мая 2023 г.) прозвучал его доклад с примечательным названием «О задачах КПРФ по борьбе с фашизмом и патриотическому воспитанию подрастающего поколения». В докладе утверждается, что «...меры властей все еще носят бессистемный и формальный характер»;

¹¹ Яна Лантратова предложила проводить всероссийскую акцию, направленную на повышение интереса к изучению истории (2022, 27 июня). *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Взято 21 июня 2023, с <https://spravedlivo.ru/12224110>

¹² Геннадий Семигин: подвиг советских воинов-освободителей, как и участников СВО, никогда не будет забыт (2023, 8 мая). *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Взято 21 июня 2023, с <https://spravedlivo.ru/13113910>

¹³ Сергей Миронов: мы должны быть достойны великого подвига наших предков (2023, 9 мая). *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Взято 21 июня 2023, с <https://spravedlivo.ru/13114310>

¹⁴ За рамками исследуемого периода и содержания материалов партийных сайтов примечательно в данном смысле выступление председателя ЛДПР Л. Э. Слуцкого. См.: *Идеология ЛДПР XXI века – антифашизм* (2023, 21 июня). *ЛДПР*. Взято 28 июня 2023, с <https://rg.ru/2023/06/21/ideologija-ldpr-xxi-veka-antifashizm.html>

¹⁵ Двадцать неотложных мер для преобразования России (2023, 29 марта). *Коммунистическая партия Российской Федерации*. Взято 21 июня 2023, с <https://kprf.ru/party-live/cknews/209499.html>

меры же, предлагаемые КПРФ, «...помогут воспитывать у молодежи истинный патриотизм, готовность защищать Родину и стойко бороться с фашизмом»¹⁶. Рабочая группа Высшего совета «Единой России» обязанность родителей заботиться о воспитании патриотизма, гражданственности включила в число традиционных российских семейных ценностей¹⁷.

Многими партиями отмечается насущная потребность в продвижении культурных и экономических патриотических проектов. Прослеживается призыв к «деятельному патриотизму». Кратко проиллюстрируем активность самих партий в данной области в анализируемый период (табл. 3). Оговоримся, что приводимые сведения опираются на материалы официальных сайтов и не исчерпывают совокупности всех реальных действий.

Таблица 3

Деятельностный компонент дискурсивных патриотических практик парламентских партий РФ (составлено авторами)

Политические партии	Проекты, акции, мероприятия			
	Военно-исторические	Гражданские	Культурно-образовательные	Иные (спортивные, экономические)
1	2	3	4	5
ЕР	Партийный проект «Историческая память»	Проект «Время Героев»; акция «Защитникам Отечества»	Детско-юношеская патриотическая акция «Рисуем Победу» (партпроект «Новая школа»); образовательный проект «Парта Героя» («Новая школа»);	Эстафета «За Победу!» (партпроект «Детский спорт»); патриотическая акция «Герои войны – герои спорта» («Детский спорт»); проект «За самбо»; проект «Выбирай свое»

¹⁶ О задачах КПРФ по борьбе с фашизмом и патриотическому воспитанию подрастающего поколения (2023, 24 мая). *Коммунистическая партия Российской Федерации*. Взято 21 июня 2023, с <https://kprf.ru/party-live/cknews/218998.html>

¹⁷ Рабочая группа Высшего совета «Единой России» сформировала определение традиционных российских семейных ценностей (2023, 27 мая). *Единая Россия*. Взято 21 июня 2023, с <https://er.ru/activity/news/rabochaya-gruppa-vysshego-soveta-edinoj-rossii-sformirovala-opredelenie-tradicionnyh-rossijskih-semejnyh-cennostej>

1	2	3	4	5
КПРФ	Проект «Знамя нашей Победы»; акция «Высоты Сталинградской победы»	Акция за социалистическое возрождение России; марш-эстафета Союзного антифашистского проекта «Наша Великая Родина»	Литературно-музыкальный фестиваль «Ода русскому языку»	На сайте нет информации
СРЗП	Проект «Под знаменем Победы»; акция «Панорама героя»; акция «Солдатская посылка Вместе»; партийный конкурс детского рисунка «Герой России и Донбасса»	Общероссийская общественная молодежная организация «Молодежь Справедливой России»; Акция «Славим тебя, Россия!»; акция «Сила Добра»; патриотический рейтинг губернаторов в период проведения СВО	Ежегодная литературная премия; Общественное движение «Культурный фронт России»	На сайте нет информации
ЛДПР	Всероссийское движение «Плечом к плечу»; Международный фестиваль творческих молодежных коллективов «И помнит мир спасенный»	Всероссийская национальная премия «Созидатель»; проект (конкурс) «ЛДПР. Старт»	На сайте нет информации	На сайте нет информации
НЛ	На сайте нет информации	Программа «Я в деле»	Круглый стол «Развитие детского и молодежного патриотического туризма»	Поддержка проекта «Сделано в России»

Наиболее репрезентативны в рассматриваемом ключе сайты ЕР (вкладка «Наша деятельность», рубрика «Партийные проекты») и СРЗП (вкладка «Партийные проекты»). Отметим, что парламентские партии инициируют, организуют и проводят множество других мероприятий, акций, принимают участие в федеральных начинаниях, проектах, нередко опираясь на своих сторонников. Например, можно вспомнить проект сторонников ЕР «РосКвиз» –

интеллектуальных соревнований, приуроченных к государственным праздникам и памятным датам России и регионов, а также совместные акции – «С Новым годом, Ветеран!» ЕР и движения «Волонтеры Победы», «Письмо солдату» Общероссийского общественного движения «Ветераны России» и Совета по делам ветеранов при председателе СРЗП и др. Практически все парламентские партии (за исключением НЛ) активно освещают свою поддержку таких акций общегосударственного масштаба, как «Своих не бросаем», «Полевая почта», «Подари тепло Защитнику», «Лес Победы», «Свеча Победы», «Вахта памяти – эстафета поколений» и пр.; военно-патриотических игр «Зарница», «Морской бой» и т.д., уроков «Час мужества», патриотических киноуроков, военно-патриотических клубов разного уровня. Пристальное внимание партиями уделяется распространению информации о региональных мероприятиях. В частности, можно упомянуть форум левопатриотических сил Орловской области «КПРФ. 30 лет на защите национальных интересов России и Русского мира», конкурс «Духовно-историческое возрождение Отечества: взгляд в будущее» («ДИВО») (Московская область) и др. Востребованные форматы – авто- и велопробеги («За мир без нацизма», «Донбасс, мы с тобой!» и др.), флешмобы («Цвета российского флага» и др.), разнообразные выставки, конкурсы, фестивали, диктанты, викторины, митинги, шествия.

Главным адресатом многих партийных инициатив являются дети, юношество и молодежь. В частности, НЛ подчеркивают, что их образовательные проекты помогают молодым людям находить ценностные ориентиры¹⁸. По словам Г.Ю. Семигина, по-прежнему «актуальны и востребованы энтузиазм и профессионализм молодежи, ее патриотизм как духовная основа сохранения нации, вера молодых в то, что они родились в лучшей стране мира. Современной России необходимы хорошо образованные и преданные своему Отечеству молодые граждане, способные принимать нестандартные решения и двигать страну вперед, сохраняя неразрывную связь поколений»¹⁹. СРЗП даже разработала Кодекс молодого патриота России, который был принят на съезде «Молодежи Справедливой России» в июле 2022 г.²⁰. Подводя итоги конкурса проектов местных отделений «Единой России», представители ЕР акцентируют ориентированность большинства заявленных инициатив на молодежную тематику и патриотизм. В частности, ими дается высокая оценка проекту «Умная

¹⁸ «Не запрещать, а замещать»: депутат от Новых людей Дмитрий Певцов назвал способ добиться культурного суверенитета России (2023, 26 января). *Партия «Новые люди»*. Взято 21 июня 2023, с <https://newpeople.ru/News/-ne-zapreshat-a-zameshat-deputat-ot-novyh-lyudej-dmitrij-pevcov-nazval-sposob-dobit-sya-kul-turnogo-suvereniteta-rossii>

¹⁹ «Не запрещать, а замещать»: депутат от Новых людей Дмитрий Певцов назвал способ добиться культурного суверенитета России (2023, 26 января). *Партия «Новые люди»*. Взято 21 июня 2023, с <https://newpeople.ru/News/-ne-zapreshat-a-zameshat-deputat-ot-novyh-lyudej-dmitrij-pevcov-nazval-sposob-dobit-sya-kul-turnogo-suvereniteta-rossii>

²⁰ Геннадий Семигин: страна, не воспитывающая патриотов, не имеет будущего (2022, 27 июня). *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Взято 21 июня 2023, с <https://spravedlivo.ru/12219510>

Россия» (Нягань, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) – серии квестов историко-патриотической направленности²¹.

Выделим понятную склонность партий афишировать законодательные инициативы в патриотической плоскости. Так, в материалах ЛДПР присутствуют ссылки на предложения партии о создании Министерства по делам ветеранов; запрете иностранцам покупать русскую землю и др.; введении новых памятных дат (31 марта – Дня Победы в Отечественной войне 1812 г., 1 июля – Дня ветеранов боевых действий)²²; расширении перечня зданий образовательных организаций, над которыми должен быть вывешен государственный флаг РФ²³; защите русского языка²⁴ и др. На сайте КПРФ упоминаются законопроекты «Об образовании для всех»²⁵, замене государственного флага РФ на флаг СССР²⁶ и др.; акцентируется роль партии и ее партнера – Всероссийского созидательного движения «Русский Лад» – в учреждении Дня русского языка (6 июня) в качестве государственного праздника²⁷ и пр.

Анализируя деятельностный компонент партийных патриотических дискурсивных практик, мы можем наблюдать их взаимопроникновение и пересечение, особенно в том, что касается отношения к знаменательным датам и событиям в истории страны. И если «официальный дискурс политики памяти нередко стремится к “национализации” общественных инициатив в области продуцирования и ретрансляции новых нарративов коммеморации» (Голоскоков, Русакова, 2021, с. 91), то партии, воспринимая патриотические инициативы и призывы власти, едва ли не «приватизируют» их, используя в целях наращивания патриотического капитала.

²¹ Сергей Миронов выступил с докладом на XII Съезде Партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ЗА ПРАВДУ (2023, 20 мая). *Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»*. Взято 21 июня 2023, с <https://spravedlivo.ru/13162210>

²² «Единая Россия» подвела итоги конкурса местных отделений партии (2022, 9 июня). *Единая Россия*. Взято 21 июня 2023, с <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-podvela-itogi-konkursa-mestnyh-otdelenij-partii>

²³ Флаг РФ должен развеваться над всеми образовательными организациями страны (2022, 7 ноября). *ЛДПР*. Взято 21 июня 2023, с <https://ldpr.ru/event/248699>

²⁴ Русские идут: кабмин поддержал инициативу ЛДПР о защите русского языка (2023, 16 февраля). *ЛДПР*. Взято 21 июня 2023, с <https://ldpr.ru/event/269495>

²⁵ Г. А. Зюганов: «Нам нужна сплоченность общества и программа по выводу страны на путь социализма» (2022, 22 марта). *Коммунистическая партия Российской Федерации*. Взято 21 июня 2023, с <https://kprf.ru/party-live/cknews/209336.html>

²⁶ КПРФ внесла в Госдуму законопроект, предлагающий установить флаг СССР флагом России (2022, 19 апреля). *Коммунистическая партия Российской Федерации*. Взято 21 июня 2023, с <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/210029.html>

²⁷ В Брянске состоялся музыкально-поэтический праздник «День русского языка – 2022» (2022, 7 июня). *Коммунистическая партия Российской Федерации*. Взято 21 июня 2023, с <https://kprf.ru/party-live/regnews/211260.html>

В целом парламентские партии РФ посредством официальных сайтов формируют и продвигают насыщенную и актуальную для страны в сложившейся ситуации патриотическую повестку. Она рассчитана на довольно широкую по различным социальным критериям целевую аудиторию, хотя здесь есть определенная специфика. Характерный пример – НЛ, члены этой партии позиционируют себя как «людей дела», предлагающих прагматичную повестку, которая не корреспондирует напрямую с утвердившейся официально и разделяемой абсолютным большинством других партий ценностной платформой. Тем не менее и НЛ создает свой оригинальный патриотический контент, пусть не объемный и не диверсифицированный. В основном в дискурсивных партийных практиках обнаруживаются развернутые интерпретации главных структурных элементов понятия «патриотизм» – исторической памяти, культурного наследия, гуманитарного образования и патриотического воспитания (Харитонов, Попов, Касьянов, 2023). Они имеют отчетливую эмоциональную окраску, одновременно предполагая попытки их концептуализации, как и самого феномена. В наибольшей степени подобные попытки прослеживаются в дискурсе КПРФ, с ее идеологических позиций.

Заключение

Концепт «патриотизм» обретает статус одной из системообразующих скреп дискурсивных практик парламентских партий РФ, патриотическая тематика, соответственно, транслируется как их генерализующий сюжет. Формально общая сумма партийных патриотических дискурсов вкупе с официальным дискурсом может быть истолкована как ядро общественно-политического дискурса по данной проблематике. Однако в текущих реалиях выявляются и даже усиливаются, несмотря на призывы к солидарности, очевидные разрывы между условно «левой» и «правой»/«праволиберальной» повестками, как и расхождения в трактовке сущностных черт патриотизма и смыслового значения личностного и поведенческого портрета/облика «настоящего патриота». Они корреспондируют в том числе с различиями в представлениях об «образах будущего» для России, стратегии и модели ее развития. Искомая солидарность нередко заявляется именно на данный момент, но не на перспективу.

Обширная совокупность изученных материалов создает, тем не менее, впечатление о наличии основы пространства для дальнейшего социально-политического диалога. Линии репрезентации парламентскими партиями патриотической тематики предполагают в большей степени нацеленность на продвижение образов, наполненных позитивными смыслами. Особенности репрезентации обусловлены как требованиями политической целесообразности, вытекающими из вызовов современности и конфигурации баланса политических сил, так и идеологическими постулатами, которые так или иначе определяют стратегии и тактики политического позиционирования партий. Хотя достаточно долго в теоретическом дискурсе доминировало утверждение, что вопросы идеологической идентификации не имеют для них принципи-

ального значения, сейчас мы видим стремление заполнить соответствующие пробелы. Проявляет его в том числе и «всеохватная» ЕР, по преимуществу прибегая к рецепции официальных идеологем. Артикуляция и позитивное восприятие большинством парламентских партий тенденции к реидеологизации государственной политики побуждают к предположению, что символически и онтологически они остаются скорее в зоне притяжения «государственного патриотизма».

Список литературы

1. Бродовская, Е. В., Заславский, С. Е., Домбровская, А. Ю., Лукушин, В. А. (2023). Векторы трансформации партийной системы и электоральных ожиданий россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (1), 96–120. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2254>
2. Галиев, Г. Т., Гимаев, И. З. (2023). Социально-политический аудит конструирования идеологической работы в Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, 8(1), 1–8. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-1-8>
3. Головченко, В. И. (2023). Особенности трактовок государственной идеологии в научном дискурсе современной России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 23(2), 190–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-190-195>
4. Голоскоков, В. А., Русакова, О. Ф. (2021). «Победные» фразы-клише как нарративный компонент политики памяти о Великой Отечественной войне. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 18(3), 76–95. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_76
5. Кириченко, О. В. (2023). Русский патриотизм как историческое явление. *Традиции и современность*, (32), 3–13. <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-32/3-13>
6. Магарил, С. А. (2016). Смыслы патриотизма – исторические трансформации. *Социологические исследования*, (1), 142–151.
7. Малышева, О. П., Рябченко, Н. А., Усков, С. В. (2022). Лингводискурсивный анализ делиберативных практик в онлайн-пространстве: «Единая Россия» – выборы в Государственную думу РФ VIII созыва. *Политическая лингвистика*, (1), 44–58. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_01_05
8. Панов, П. В., Сулимов, К. А. (2023). Идеологическая «гармония» в Государственной думе: возникновение, содержание, границы. *Политическая наука*, (1), 61–91. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.03>
9. Понеделков, А. В., Попов, М. Ю. (2023). Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки*.

Культурология. Политические науки, (1), 175–178. <https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.68.83.001>

10. Савельева, А. Д. (2023). Факторы политизации современного гражданского активизма в России. *Вопросы политологии*, 13(2), 553–560. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.90.2.009>

11. Спиридонова, В. И. (2023). Современное противостояние Запада и России как этап столкновения цивилизаций и его особенности. *Общественные науки и современность*, (2), 7–20. <https://doi.org/10.31857/S0869049923020016>

12. Харитонов, Е. М., Попов, М. Ю., Касьянов, В. В. (2023). Структура патриотизма. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (2), 72–77. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.26.72.002>

13. Etzioni, A. (1975). *A comparative analysis of complex organization: on power, involvement, and their correlates*. New York: Free Press.

14. Goode, P. (2021). Patriotic legitimation and everyday patriotism in russia's constitutional reform. *Russian Politics*, 6(1), 112–129. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601007>

References

1. Brodovskaya, E.V., Zaslavsky, S.E., Dombrovskaja, A.Yu., & Lukushin, V.A. (2023). Vektory transformacii partijnoj sistemy i jelektoral'nyh ozhidaniy rossijan [Vectors of transformation of the party system and electoral expectations of Russians]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, (1), 96–120. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2254>

2. Etzioni, A. (1975). *A comparative analysis of complex organization: on power, involvement, and their correlates*. New York: Free Press.

3. Galiev, G. T., & Gimaev, I. Z. (2023). Social'no-politicheskij audit konstruirovaniya ideologicheskoy raboty v Rossijskoj Federacii [Socio-political audit of ideological work in the Russian Federation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politicheskie, sociologicheskie i jekonomicheskie nauki*, 8(1), 1–8. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-1-8>

4. Goloskokov, V. A., & Rusakova, O. F. (2021). “Pobednye” frazy-klishe kak narrativnyj komponent politiki pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne [“Victorious” cliché phrases as a narrative component of the Great Patriot-ic War memory politics]. *Nauchnyj zhurnal “Diskurs-Pi”*, 18(3), 76–95. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_76

5. Golovhenko, V. I. (2023). Osobennosti traktovok gosudarstvennoj ideologii v nauchnom diskurse sovremennoj Rossii [Features of interpretations of state ideology within scholarly discourse of modern Russia]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija*, 23(2), 190–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-190-195>

6. Goode, P. (2021). Patriotic legitimation and everyday patriotism in Russia's constitutional reform. *Russian Politics*, 6(1), 112–129. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601007>
7. Kharitonov, E.M., Popov, M.Yu., & Kasyanov, V.V. (2023). Struktura patriotizma [Structure of patriotism]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, (2), 72–77. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.26.72.002>
8. Kirichenko, O.V. (2023). Russkij patriotizm kak istoricheskoe javlenie [Russian patriotism as a historical phenomenon]. *Tradicii i sovremennost'*, (32), 3–13. <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-32/3-13>
9. Magaril, S.A. (2016). Smysly patriotizma – istoricheskie transformacii [The senses of patriotism – historical transformations]. *Sociologicheskie issledovanija*, (1), 142–151.
10. Malysheva, O. P., Ryabchenko, N. A., & Uskov, S. V. (2022). Lingvodiskursivnyj analiz deliberativnyh praktik v onlajn-prostranstve: “Edinaja Rossiya” – vybory v Gosudarstvennuju dumu RF VIII sozyva [Linguo-discursive analysis of deliberative practices in the online space: United Russia – eighth convocation State Duma Elections]. *Politicheskaja lingvistika*, (1), 44–58. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_01_05
11. Panov, P. V., & Sulimov, K. A. (2023). Ideologicheskaja “garmonija” v Gosudarstvennoj dume: vznikovenie, sodержanie, granicy [Ideological “harmony” in the State Duma: Emergence, content, boundaries]. *Politicheskaja nauka*, (1), 61–91. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.03>
12. Ponedelkov, A. V., & Popov, M. Yu. (2023). Patriotizm v sovremennoj Rossii v uslovijah rosta ugroz nacional'noj bezopasnosti [Patriotism in modern Russia in the face of growing threats to national security]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. Serija: Istoricheskie nauki. Kul'turologija. Politicheskie nauki*, (1), 175–178. <https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.68.83.001>
13. Savelieva, A. D. (2023). Faktory politizacii sovremennogo grazhdanskogo aktivizma v Rossii [Factors of politicization of modern civic activism in Russia]. *Voprosy politologii*, 13(2), 553–560. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.90.2.009>
14. Spiridonova, V.I. (2023). Sovremennoe protivostojanie Zapada i Rossii kak jetap stolknovenija civilizacij i ego osobennosti [Modern West–Russia confrontation as a stage of the clash of civilizations and its peculiarities]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, (2), 7–20. <https://doi.org/10.31857/S0869049923020016>

Информация об авторах

Ольга Владимировна Бахлова, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, e-mail: olga.bahlova@mail.ru

Игорь Владимирович Бахлов, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, e-mail: bahlov@mail.ru

Information about the authors

Olga Vladimirovna Bakhlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, e-mail: olga.bahlova@mail.ru

Igor Vladimirovich Bakhlov, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, e-mail: bahlov@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ И КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ

Наталья Владимировна Панкевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
n.pankevich@yandex.ru

Получена 05.10.2023.

Поступила после рецензирования 24.10.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Панкевич Н. В. Международное правосудие: проблема политической субъектности и кризис легитимности // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 139–161. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_139

Аннотация

Кризисный характер современного мирового политического устройства, который сопровождается ослаблением координационного и регулятивного потенциала международных институтов, становится предметом не только научной рефлексии, но и проблемой, требующей практических решений. В статье исследуется один из аспектов данного кризиса, связанный с системной утратой международными судебными регуляторами качества легитимности, что напрямую влияет на их возможности осуществлять свои функции, объединять и направлять усилия мирового сообщества, вносить вклад в становление системы общечеловеческих ценностей и универсальных правовых норм. Рассмотрены основные подходы к анализу социальной природы феномена легитимности международных регуляторов, источников и факторов, определяющих ее устойчивость. Предложено исследовать данный феномен как качество институтов, возникших и функционирующих в соответствии с принципами международной системы. Установлены проблемные паттерны в работе институтов международного правосудия, связанные с инструментализацией их деятельности

© Панкевич Н. В., 2023

доминирующими центрами в рамках интеграционных объединений, а также с трансформацией международных судебных органов во властную инстанцию, демонстрирующую тенденцию к превосхождению государств. На основе анализа решений европейских международных судов выделены организационные практики и структурные инновации, обеспечивающие возможность подобной трансформации. Исследован конфликт судебных практик с ключевыми ценностями международной системы, включая равенство государств, уважение к их конституционной идентичности, функциональное разделение властей. Оценен деформирующий потенциал подобного дрейфа, ведущий к быстрому распространению оградительных реакций со стороны государств и деградации международной среды. В завершение предложены некоторые направления коррекции статуса институтов международного правосудия.

Ключевые слова:

международная система, государственный суверенитет, центральность государства, международная юстиция, легитимность международных организаций.

UDC 327.7+341.645.5

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_139

INTERNATIONAL JUSTICE: THE PROBLEM OF POLITICAL ACTORNESS AND THE CRISIS OF LEGITIMACY

Natalia V. Pankevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
n.pankevich@yandex.ru

Received 05.10.2023.

Revised 24.10.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Pankevich, N.V. (2023). International justice: The problem of political actorness and the crisis of legitimacy. *Discourse-P*, 20(4), 139–161. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_141

Abstract

The current stage in the development of the world political system is frequently described as a crisis, which is accompanied by the weakening of the coordination

and regulatory potential of international institutions. This situation is not only a subject of scientific reflection but also a problem requiring practical solutions. The article examines one of the aspects of this crisis associated with the systemic loss of legitimacy by international judicial regulators. This deficit directly impacts their ability to fulfill their functions, unite and direct the efforts of the world community, and contribute to the formation of a system of universal values and legal norms. The article considers the main approaches to the analysis of the social nature of legitimacy at the international level, examines sources and factors determining its stability. It is proposed to study this phenomenon as the characteristic of institutions that have arisen and function in accordance with the principles of the international system. The analysis establishes the problematic patterns in the work of international justice connected to the instrumentalization of their activities by dominant centers within the framework of integration associations, as well as with the transformation of international judicial bodies into an authority that demonstrates a tendency to surpass states. Based on an analysis of the decisions of European international courts, organizational practices and structural innovations facilitating this transformation are highlighted. The article uncovers the conflict of judicial practices with the key values of the international system, such as equality of states, respect for their constitutional identity, and the functional separation of powers. The damaging potential of this drift, leading to the rapid spread of protective reactions by states and the degradation of the international environment, is estimated. The article concludes by proposing some possible policy directions to correct the status of the institutions of international justice.

Keywords:

international system, state sovereignty, centrality of the state, international justice, legitimacy of international organizations.

Введение

Интеграционная динамика международной системы конца XX – начала XXI вв. открыла широкие перспективы для автономизации международных организаций по отношению к своим учредителям. За счет организационных новаций стала возможной коммерциализация их собственной экспертной и аналитической деятельности, привлечение средств третьих лиц и организаций, что усиливает самостоятельную ресурсную обеспеченность. Как результат, в ряде случаев трансферты со стороны государств-учредителей составляют лишь около половины всех поступлений в бюджет (Lall, 2017). Сегодня многие международные организации также получили возможность формировать институциональные партнерства с негосударственными и частными акторами, на которые они могут опираться в реализации своих функций. Однако эмансипация отнюдь не ограничивается ростом самодостаточности, которая может даже приветствоваться государствами, поскольку способствует аккумуляции больших ресурсов для выполнения поставленных задач.

Сегодня данный процесс приобретает новое проблемное качество. В рамках международных организаций формируется тенденция к трансформации в надгосударственную властную инстанцию в собственном качестве. Крупнейшее свидетельство этого тренда – институционализация в рамках конвенций и договоров и формирование в структуре практически каждой международной организации специализированных органов, осуществляющих судебные функции и принимающих решения, обладающие для государств-участников обязывающим характером¹. Вариантом подобного развития является обязательство договаривающихся сторон разрешать споры в уже действующих международных судебных инстанциях².

Традиционно в рамках международной системы судебная отрасль обладает высоким институциональным престижем и доверием. После Второй мировой войны возникает широкий консенсус государств о ее беспрецедентно высоком потенциале в деле восстановления и реабилитации политической системы после ее глобального краха в ходе войны, обеспечения ее легитимности и утверждения на общечеловеческих ценностных началах (Вахрушева, 2020). Однако с течением времени наделение международных судебных регуляторов компетенцией выработать субординирующие решения привело к существенному усилению их системного статуса и по отношению к каждому государству-участнику, и обществу государств-учредителей в целом. В своем развитии международные судебные институты развивают способность к глубокому воздействию на внутреннее политическое и правовое пространство государств. Их решения приобретают не только локальный характер, связывающий стороны конкретных споров и способствующий восстановлению их интересов, но требуют от государств коррекции отдельных правовых норм, равно как и крупных институциональных и правовых реформ. Зачастую такое воздействие приобретает характер правового транспланта и обладает дестабилизирующим потенциалом в отношении местных правовых систем (Teubner, 1998).

В результате международные трибуналы, суды и судебные инстанции выходят далеко за пределы роли, отведенной им ст. 33 Устава ООН как органам мирного разрешения споров между государствами. В этом свете они становятся одной из важнейших институциональных площадок, где происходит апробация новых подходов к глобальному перераспределению властных полномочий и компетенций по регулированию социальных и экономических процессов.

¹ См., напр.: European Convention on Human Rights (1950, November 4). Art. 46. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng; United Nations Convention on the Law of the Sea (1982, December 10). Annex VI. Statute of the International Tribunal for the Law of the Sea. Art. 33. United Nations. Retrieved September 30, 2023, from https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/annex6.htm

² См., напр.: *Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part* (2014, March 21). Art. 322.2. EUR-Lex. Retrieved September 30, 2023, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A2014A0529%2801%29>

Последние три десятка лет в данной сфере наблюдается устойчивая учредительная активность универсального и регионального охвата. В это же время исторические институты, заложенные в послевоенный период, пережили своего рода ренессанс, который сопровождался кратным увеличением их производительности. Если с момента фактического начала работы в 1959 г. и до 1998 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) принял в работу около 45 тыс. заявлений и вынес 837 решений³, то в последнее десятилетие суд принимает ежегодно по допущенным к рассмотрению заявлениям от 800 до 1,5 тыс. содержательных решений⁴. Та же динамика характеризует Суд Европейского союза, который за двадцатилетний период фактически удвоил свою производительность⁵. Также увеличивается готовность судебных регуляторов к реализации своих полномочий по существу. Если в течение первых тридцати лет своего функционирования Международный суд ООН указывал на отсутствие юрисдикции практически в четверти всех проведенных процессов, то сегодня его активность в межгосударственных спорах существенно повышается.

Кроме того, формируется и функционирует целый ряд действующих временно (до момента исполнения мандата) специализированных органов международного правосудия, задачей которых является разрешение конфликтов в посткризисных и поствоенных ситуациях. Примером подобного регулятора является Компенсационная комиссия ООН, ответственная за рассмотрения дел о возмещении ущерба, причиненного частным лицам и организациям в ходе конфликта между Ираком и Кувейтом. Особый фонд для решения этой задачи формируется из отчислений на экспорт иракской нефти и нефтепродуктов. Первоначальная квота в 30 % отчислений от экспортных доходов, установленная в 1991 г.⁶, со временем сократилась и в настоящее время, когда в исполнении остается лишь одно решение, сохраняется на уровне 5 %.

Приведенный пример показывает, во-первых, насколько значимым может быть принудительное действие решений международного судебного учреждения, выводящих из-под эксклюзивного контроля государства треть его

³ ECtHR overview 1959–2019 (2020, February). P. 4. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/Documents/Overview_19592019_ENG.pdf

⁴ Annual report 2022 of the European Court of Human Rights (2023). P. 141. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/annual_report_2022_eng-2

⁵ Annual report 2022. Statistics concerning the judicial activity of the Court of Justice (2022). P. 22. *Court of Justice of the European Union*. Retrieved September 30, 2023, from https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2023-03/stats_cour_2022_en.pdf

⁶ United Nations Security Council Resolution 705 (1991, August 15). Art. 2. *United Nations Compensation Commission*. Retrieved September 30, 2023, from [https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-705%20\[1991\].pdf](https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-705%20[1991].pdf); United Nations Security Council Resolution 1956 (2010, December 15). Art. 3. *United Nations Compensation Commission*. Retrieved September 30, 2023, from [https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-1956%20\[2010\].pdf](https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-1956%20[2010].pdf)

основной ресурсной базы, в условиях, когда его бюджет критически зависим от нефтедобычи. И, во-вторых, что коллективную ответственность по решениям международных судебных регуляторов несет отнюдь не только актуально действующее правительство страны или «режим», но все политическое сообщество в совокупности его членов. Причем эта ответственность может связывать и далеко отстоящие от конфликта будущие поколения.

Представительное количество инстанций международного правосудия вполне зрело заявляет свои амбиции к трансформации в политически и административно значимую силу. Даже наиболее сильные игроки международной системы периодически вынуждены подчиниться решениям, выработанным в органах международного судебного регулирования, даже несмотря на очевидную оппозицию им по экономическим или идеологическим мотивам. Пример гармонизации норм законодательства США, которые регулируют до 90 % всего импорта и таможенных пошлин страны и таким образом оказываются критически важными для поступления налогов от трансграничной торговли в госбюджет, с решениями специализированного судебного органа ВТО (Conti, 2016, pp. 173–174) дает представление о том беспрецедентном уровне влияния, который достигнут судебными регуляторами наднационального уровня к настоящему времени.

Судебные регуляторы и оградительные стратегии государств

Укрепление разветвленной системы наднационального судебного регулирования позволяло ряду исследователей выдвигать тезис о смене ключевой парадигмы в организации мирового политического пространства как системы, где государство утрачивает свою центральность и становится в лучшем случае одним из многих участников мировой политики (Stephen & Zürn, 2014). Однако в течение относительно небольшого периода мы стали свидетелями радикального разворота, вносящего новые тенденции в развитие мирового политического устройства.

Симптоматика нового тренда обширна и затрагивает широкий спектр регионов, а также профилей регулирования. К настоящему времени известен целый ряд крупных конфликтов между наднациональными регуляторами и государствами-участниками в самых различных сферах – от политических союзов с универсальным профилем регулирования до узкоспециализированных (в области международного спорта, здравоохранения и др.). Многие из них вели к прекращению государствами бюджетного донорства, приостановке работы делегаций, а также к разрыву отношений – временному или постоянному. Накоплен немалый объем прецедентов (более 150) выхода государств из международных торговых соглашений с пиковыми значениями в последнее десятилетие (Daigle et al., 2019, p. 6).

Обращает на себя внимание также и в полной мере осознанная оградительная политика государств в отношении международных трибуналов, учитывающая способность «вскрытия» национальных режимов судебными

инстанциями международного уровня⁷. Крупным событием такого рода стал выход США (равно как и ряда африканских стран) из-под юрисдикции Международного уголовного суда (МУС). В отношении этой инстанции РФ уже в 2016 г. предприняла не столь медийно эффектный, но от того не менее значимый шаг, приняв решение не ратифицировать соответствующие международные договоренности⁸. Время доказало обоснованность данного решения в связи с радикализацией политических амбиций суда в ходе украинского конфликта. Выдача МУС ордера на арест российского Президента, даже не будучи прецедентным, является очевидным свидетельством нарастания конфликтности между решениями судебных инстанций и ключевыми принципами международной системы.

Региональный опыт представлен выходом Тринидада и Тобаго и Венесуэлы (в 1998 и 2012 г. соответственно) из-под юрисдикции Межамериканского суда по правам человека, Турции – из Стамбульской конвенции Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин. Существенное значение имеет оградительный вектор в политике Китая. В 2023 г. обновленный подход к возможностям страны в условиях возможного экономического и политического противостояния с другими участниками международного сообщества и их объединениями получил законодательное оформление⁹.

В РФ проблема активно обсуждается в ключе противостояния повреждающему вмешательству наднациональных инстанций, в том числе судебного характера, во внутривнутриполитическое и правовое пространство. Данная позиция нашла отражение в публичных комментариях судей¹⁰, решениях Конституционного суда РФ¹¹, федеральных законах¹² и в своем апогее стала частью конституционной

⁷ Report of the U.S. State Department's Commission on Unalienable Rights (2020). P. 51, 55. *U.S. Department of State*. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/08/Report-of-the-Commission-on-Unalienable-Rights.pdf>

⁸ Распоряжение Президента РФ № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» (2016, 16 ноября). *Президент России*. Взято 30 сентября 2023, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41387>

⁹ The Law on Foreign Relations of the People's Republic of China (2023, June 28). Arts. 31–33. *The National People's Congress of the People's Republic of China*. Retrieved September 30, 2023, from http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2023-06/28/c_898457.htm

¹⁰ Зорькин В. Предел уступчивости (2010, 28 октября). *Российская газета*. Взято 30 сентября 2023, с <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html>

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ № 21-П (2015, 14 июля). П. 1, 2.2, 4. *Официальное опубликование правовых актов*. Взято 30 сентября 2023, с <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018>; Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П/2016 (2016, 19 апреля). *Официальное опубликование правовых актов*. Взято 30 сентября 2023, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201604220012>

¹² Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» (2015, 14 декабря). Ст. 3.2. *Официальное опубликование правовых актов*. Взято 30 сентября 2023, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201512150010>

реформы, которая производит принципиальную ревизию соотношения национальных и внешних регулятивов¹³. В условиях обострившегося противостояния с западными странами РФ продолжает системные действия по «репатриации» полномочий, переданных ранее в международные инстанции. Осуществляется последовательная ревизия значительного списка международных конвенций на соответствие интересам и ценностям российского государства и общества.

В совокупности подобные явления дают представление о набирающем силу векторе в мировой политике. Тот факт, что выход государств из одного союза или конвенции отнюдь не всегда предполагает замену на другой, более удобный или ценностно близкий, позволяет утверждать, что в данном поле ресурс легитимности теряют отнюдь не конкретные международные организации и не отдельные типы регуляторов. Проблема гораздо шире и принципиально затрагивает международное правосудие как приемлемую форму регулирования в целом.

Учитывая системный характер подобной динамики, представляется необходимым установить причины утраты легитимности международными регуляторами и возможности восполнения этого ресурса, который определяет их способность к эффективной координации, ценностному сплочению и кооперации государств на наднациональном уровне. Даже если интересы тех или иных участников международного режима ситуативно оказываются ущемлены. Подобное знание имеет прикладное значение для будущего строительства международных институтов, более экологично и функционально вписывающихся в структуру международной системы.

Легитимность международных судебных регуляторов

В отношении международных организаций и особенно их специализированных ответвлений, принимающих обязывающие государства решения судебного характера, существующий анализ феномена легитимности обладает очевидной неполнотой. Современная дискуссия практически не выходит за рамки критериев, характеризующих качество управления на государственном уровне, – эффективности достижения целей, демократического участия, соответствия деятельности установленным процедурам и правилам (Lake, 2010). Представляется, что данная стратегия не является оптимальной. Легитимность инстанций международного правосудия определяется сложным комплексом факторов и имеет двойственную обусловленность, связанную, во-первых, с их общим статусом в системе международных отношений, во-вторых, со специализированными требованиями в отношении инстанций, реализующих функцию правосудия.

¹³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (2020, 14 марта). Официальное опубликование правовых актов. Взято 30 сентября 2023, с <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001>

В рамках исторически сложившейся международной системы любые инстанции наднационального уровня необходимо вызревают внутри институциональных условий, кодируемых государством. В этом смысле международные организации в целом испытывают дефицит собственных нарративов для утверждения своей легитимности (Rixen & Zangl, 2013). Будучи всегда намеренно конструируемыми, производными от консенсуса государств, международные институты не могут опереться на традиционные источники легитимности, связанные с традицией, хабитуацией, безусловным нерелексивным подчинением, качеством лидерства. В свою очередь, их специализированные ответвления становятся продуктом своего рода двойного делегирования – в рамках передачи полномочий для выполнения конкретного объема задач в международную организацию и далее в специализированный институт внутри нее. Следовательно, не могут они напрямую задействовать и ресурс общности и солидарности политического сообщества или накопленный запас общественного доверия их экспертным знаниям и навыкам.

Поэтому содержательной основой легитимации становится, как правило, апелляция к технократическим обоснованиям того, что в рамках автономных, обладающих специализированным знанием, незаинтересованных инстанций на страже коллективного блага сообщества государств-участников вырабатываются наилучшие решения общих проблем, что способствует снижению транзакционных издержек для каждого отдельного участника международного союза (Pouliot, 2021). В этом смысле предполагается, что наднациональные институты представляют собой специфическую надстройку в системе международного управления – эпистемную власть (Fioretos & Tallberg, 2021), суммирующую консенсусные представления государств о ценностях, нормах и предпочтительных режимах их обеспечения. Однако подобная аргументация сегодня перестает быть удовлетворительной в свете накопления массивного опыта издержек, связанных с частичным выполнением или отказом государств от выполнения судебных решений, явно и чрезмерно превышающих коллективную выгоду.

Важно также, что в существующей литературе легитимность международных регуляторов анализируется преимущественно в традициях социологического подхода и потому определяется как более или менее согласованный набор убеждений или даже верований, характерных для определенных экспертных (Tallberg & Zürn, 2019) и массовых (Voeten, 2013) аудиторий о том, что делегированная на международный уровень функция осуществляется эффективно в соответствии с предписанными мандатом, процедурами и протоколами.

Проблемой здесь является даже не столько отсутствие обязательной причинно-следственной связи между убеждениями и фактами, фиксирующими реальное поведение наднационального органа. Подход, ставящий коммуникацию во главу угла проблемы легитимности международной судебной инстанции, неизбежно политизирует отношения в данной чувствительной области. Обращаясь к поддержке массовой аудитории, международные организации вполне могут формировать конфликтные линии с государствами-учредителями и способствовать обострению внутривнутриполитических размежеваний, что резко контрастирует

с целевой функцией нейтрального поиска решения для смягчения и устранения конфликтов. Принципиально и то, что если легитимность возникает как результат конкурентной коммуникации, то она не может быть измерена в нормативном ключе как качество институтов, возникших и функционирующих в соответствии с определенными принципами (Кузнецова, 2011).

Контестация легитимности международной судебной инстанции происходит в ситуации, когда глобальные институты представляют ценности, нормы и практики, которые приобретают властные качества по отношению к государствам, но при этом противоречат самой конституции существующей мировой политической системы. Так, стремление ряда международных инстанций к нормативному предпринимательству очевидно превосходит их реальную способность к властному действию. Последняя остается производной от создания государствами своего рода пулов коллективной власти и согласованной воли (Петрова, 2018, с. 141), цепочек взаимного влияния (Conti, 2016), наличие которых и создает ресурс, необходимый для того, чтобы декларированное обязывающее решение обрело де-факто принудительную силу. Но это означает лишь что вопрос о легитимности вытесняется вопросом об инструментальной оснащенности своего рода многостороннего брокеража, в ходе которого именно государства обеспечивают совпадение юридических определений международного уровня и последующих политических решений по их реализации на внутривнутриполитическом уровне.

Представляется, что в сложившихся условиях необходимо универсализирующее обсуждение социетальных оснований легитимности международных регуляторов в принципе. Современная ситуация позволяет нам рассматривать легитимность институтов международного уровня не как коммуникативный факт и не как проблему сбоев в работе конкретного органа, а в нормативном измерении должного качества наднационального регулятора, действующего в международной системе – возможности его действия в рамках соответствующей функциональной ниши. Иными словами, в этом секторе вопрос легитимности является одновременно вопросом о властной дисперсии в глобальном измерении, сочетаемости международного правосудия с ключевыми принципами невмешательства и государственного суверенитета. Именно эти крупнейшие институциональные комплексы продолжают оставаться стержневыми ценностями и организующими началами мирового порядка. Они же подвергаются системной компрометации в деятельности международных судебных регуляторов.

Проблемные паттерны: международное правосудие и равенство государств

В контексте рассматриваемого вопроса в деятельности международных регуляторов постоянно возникают два проблемных паттерна, которые напрямую ведут к делегитимации их отдельных решений, деятельности в целом и в перспективе к возникновению стойких оградительных реакций со стороны государств-участников. Первый тип ситуации возникает, когда активность

международной судебной инстанции нарушает принцип равенства государств и начинает формировать дисбаланс в пользу отдельных акторов, доминирующих в союзе, или более узких группировок в рамках объединения.

При возникновении этой проблемы международная организация из диалоговой площадки или центра координации превращается в проводника национальных (или более узких секторальных или элитных) интересов одного из участников. В случае международного правосудия этот дефект приобретает особое звучание именно в силу высокой проникающей способности решений в национальные правовые контексты. Здесь судебный регулятор становится одним из возможных инструментов прожектирования власти доминирующего актора на внешнеполитической арене.

В условиях высокой связности международной среды рутинные практики судопроизводства как процесса, ориентированного на создание нормализованного правового пространства, совершенно очевидно направлены на субординацию отдельных государств по отношению к нормам доминирующего в интеграционном объединении центра. Развитие в данном ключе, в частности, характеризует ЕСПЧ и Суд ЕС, что привело первую инстанцию к фактическому обретению статуса «конституционного суда Европы» (Greer & Wildhaber, 2012, p. 655), а вторую сделало «юридически самоуправляющейся инстанцией» (Azoulai & Raspača, 2016, p. 169). С такой оценкой вполне можно согласиться, учитывая основополагающий характер прав человека для всей политической структуры ЕС и его самопонимания как рыночной демократии (Streeck, 2011).

В случае ЕСПЧ основная функциональная операция – интерпретация объема и содержания прав человека единообразно для всех стран-участниц, т.е. согласно ст. 32 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) – становится одним из важнейших политически значимых механизмов (Карпович, 2020). Очевидно, что в современной ситуации существуют серьезные страновые различия, определяющие ключевые параметры взаимодействия общества и государства, номенклатуру и объем прав личности, специализированные правовые стандарты и т.д. К тому же это разнообразие растет одновременно с расширением географического охвата действия судебной инстанции. Так, взрывному росту количества обращений в ЕСПЧ весьма способствовало присоединение к ЕКПЧ ряда постсоветских стран, включая ратификацию конвенции РФ в 1998 г.¹⁴ В совокупности такое присоединение включило в сферу достижимости суда около 800 млн потенциальных заявителей из 47 стран. При этом наибольшее число новых дел поступало из юрисдикций за пределами ЕС с абсолютным лидерством западных стран¹⁵.

Работа с обращениями из стран с нетипичными для западных государств повестками прямо содействовала становлению ЕСПЧ в качестве провайдера «продвинутых стандартов и ценностей» демократии и рынка в их западном

¹⁴ С 16 сентября 2022 г. РФ перестала быть участником ЕКПЧ.

¹⁵ Annual report 2022 of the European Court of Human Rights (2023). P. 140. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/annual_report_2022_eng-2

понимании во внешних ареалах. Учитывая влияние ЕС на обширную периферию в лице стран-кандидатов, которым предписаны обширные программы адаптации их правовых систем к нормам ЕС, а также в рамках соглашений о сотрудничестве, создании зон свободной торговли и политико-экономически мотивированных соглашений об ассоциации, судебное действие становится определяющим фактором правового и институционального развития для целого ряда сопредельных стран Средиземноморья и Восточной Европы.

Осознание ЕС себя в качестве нормативной державы, экспортирующей превосходящие нормы за пределы своих границ, здесь отнюдь не случайно. В этой динамике европейская судебная система становится одним из двигателей отчетливо имперского проекта развития. Нормы ЕС, регулирующие хозяйственные и социальные процессы, посредством судебных решений укореняются вне парламентского согласования в национальном праве «стран-мишеней», а функция разрешения конфликтов оказывается локализована исключительно в европейских судебных инстанциях¹⁶. Одновременно отсутствие лояльности к судебным решениям может результировать в отказе компаниям из-за пределов ЕС в доступе на европейские рынки или предоставлении льготных кредитных линий, а также в отзыве определенных привилегий для граждан (безвизовых режимов или преимущественных режимов трудоустройства).

Проблемные паттерны: проблема суверенитета в международном судебном процессе

Рассмотренная ситуация имеет повреждающее влияние, поскольку, смещая баланс сил в пользу отдельного участника, международные судебные инстанции теряют свое целевое качество арбитра и становятся одним из многих инструментов «реальной политики» в рамках международной системы. Однако данный аспект отнюдь не исчерпывает глубины проблемы соответствия действий наднациональных регуляторов принципам международной системы. Ситуация инструментального использования судебной инстанции доминирующим центром связана с конкуренцией государств внутри международной системы и является по большей мере проблемой принципала, а не агента, реализующего делегированную функцию.

Примечательно, однако, что санкционированное доминирующим актором давление на периферию одновременно снабжает суды также и необходимыми рычагами правового воздействия и на сам центр. В случае Евросоюза ЕСПЧ и Суд ЕС начинают формировать собственное понимание основных смысловых комплексов современной системы права. Суды стремятся создать новое панъевропейское содержание таких базовых, но и различных для отдельных юрисдикций

¹⁶ См., напр.: *Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part* (2014, March 21). Art. 67.3, 153.2, 322.2. EUR-Lex. Retrieved September 30, 2023, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22014A0529%2801%29>

правовых комплексов, как собственность и имущественные права¹⁷, гендерное равенство и дискриминация по половой принадлежности¹⁸, всеобщее активное право на участие в политической жизни, распространяя его на специфические контингенты, пораженные в политических правах¹⁹, и т.д.

Такое положение определяет возможность важного эволюционного скачка и фактически делает неизбежным второй проблемный паттерн деятельности международных судебных инстанций. Он имеет критическое значение, поскольку связан с нарастанием собственно трансформативного действия международных судебных инстанций, которые не только приобретают большую независимость от учредителей и способность атаковать принципы равенства государств, но и изменять структуру международного режима, укореняя себя в социальных контекстах «вне государства».

Революционная трансформация, создающая принципиально новый контекст деятельности международных судебных органов, связана с достаточно поздней институциональной новацией – массивным вовлечением в орбиту деятельности представительного числа международных судебных инстанций индивидов и частных субъектов в качестве инициаторов слушаний против государств. Например, в случае с ЕСПЧ такая практика стала возможной в 1990-е гг. с принятием Протокола №9 к соответствующей Конвенции²⁰.

Наиболее отчетливо данный процесс наблюдается в секторе международной юстиции со специализацией в области прав человека, в том числе в их экономическом понимании. Международный консенсус о том, что обязательства «защиты всех прав человека и основных свобод для всех в соответствии с Уставом ООН» являются «священным долгом государств»²¹, создает среду,

¹⁷ Case of Broniowski v. Poland (2004, June 22). §129–133. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-61828%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-61828%22]%7D)

¹⁸ Case of Konstantin Markin v. Russia (2012, March 3). §124–128. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:\[%22Case%20of%20Konstantin%20Markin%20v.%20Russia%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:[%22Case%20of%20Konstantin%20Markin%20v.%20Russia%22]%7D)

¹⁹ Case of Anchugov and Gladkov v. Russia (2013, December 9). §93–100. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-122260%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-122260%22]%7D); Case of Hirst v. United Kingdom (No. 2) (2005, October 6). § 56–84. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-70442%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-70442%22]%7D)

²⁰ Protocol No. 9 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (1990, November 6). Art. 3. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Library_Collection_P9_ETS140E_ENG

²¹ Vienna Declaration and Programme of Action (1993, June 25). Art. 1. *UN Human Rights Office*. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action>

в которой индивидуальный поиск справедливости на надгосударственном уровне, который принципиально может предпринять каждый, радикально расширяет арену действия международного правосудия.

Задействуя расширенное понимание международной среды, суды и трибуналы могут вполне успешно становиться на путь эмансипации как инстанции, превосходящие своих учредителей в интересах более широкого сообщества, выходящего далеко за фиксированный круг государств. Новая системная позиция судебных органов позволяет им черпать ресурсы легитимности непосредственно в общественных отношениях, локализованных за пределами государственных аппаратов, и одновременно находить рычаги властного действия и принудительности своих решений в рациональном самоограничении государств.

Важным индикатором укоренения регуляторного потенциала международных судов в новой структуре отношений между индивидами и государствами является тенденция к преобладанию дел, инициированных частными лицами. В ЕСПЧ даже ставшие достаточно редкими межгосударственные дела²² легитимируются обязанностью государств защищать индивидуальные права и свободы и реабилитировать жертв несправедливости²³. В других случаях межгосударственный характер иска на деле скрывает его первично частную природу. Таков иск Лихтенштейна против Чехии, в рамках которого правящий дом стремится вернуть земли, утраченные по итогам Второй мировой войны²⁴. Специфичное для данной ситуации совпадение частного и публичного статуса заявителей, среди которых правящий князь микрогосударства, вряд ли позволяет квалифицировать характер иска как в чистом виде межгосударственный.

Обращает на себя внимание чрезвычайно высокий уровень значимости потенциальных решений. Речь идет далеко не только о реабилитации индивидов и присуждении компенсаций в монетарном виде. Сфера, которая подпадает под действие международных судов, радикально расширяется. Сегодня, когда в силу Хельсинкского заключительного акта 1975 г. пересмотр государственных границ в Европе невозможен, переосмысление сути конфликта не как межгосударственного территориального спора, но как дела о реституции неправомерно конфискованной частной собственности, не затрагивающего открыто вопросы территориального состава государства, теоретически может открыть

²² На 2023 г. список межгосударственных дел, размещенный на сайте ЕСПЧ, содержит 35 позиций. См.: *Inter-State applications. European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.echr.coe.int/inter-state-applications>

²³ См., напр.: *The Netherlands v. Russia. The inter-State application no. 28525/20 (2020, July 10). HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:\[%22003-6748208-9004448%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:[%22003-6748208-9004448%22]%7D)

²⁴ *Liechtenstein v. the Czech Republic (2020, August 19). European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.echr.coe.int/inter-state-applications>

новую страницу в пересмотре отдаленных последствий Второй мировой войны. И одновременно поставить еще более фундаментальный вопрос о компромиссе государственного суверенитета с суверенитетом индивида как носителя все большего объема неотчуждаемых, гарантированных и универсально признаваемых прав (Ковлер, 2016).

Обогащенный прививкой частного начала и индивидуального действия контекст позволяет судам отказываться от привычной сдержанности в отношении государств, которые становятся стороной в состязательных слушаниях. В процедурном плане это предполагает постепенное замещение функции интерпретации правовых норм функцией их формулирования в виде общих стандартов, релевантных для всех государств в составе соответствующих объединений. При этом стратегическая ориентация суда на функционирование в логике корректирующей справедливости, т.е. реабилитации конкретных индивидов и организаций, постепенно уступает место прямому нормированию. В случае ЕСПЧ данная стратегия, основываясь на ст. 46.1 ЕКПЧ²⁵, корреспондирует с практикой принятия так называемых декларативных решений. В этом смысле судебные инстанции начинают выступать в несвойственной им роли нормотворческой инстанции. Например, в случае одностипных повторяющихся нарушений режима частной собственности в Польше²⁶, системных дефектов уголовного законодательства в Италии²⁷. Среди требований суда могут быть названы локальные действия: освобождение из-под стражи²⁸, возвращение объекта частной собственности или справедливая компенсация понесенного ущерба²⁹, восстановления лица в должности³⁰. Но также возможны и более интенсивные вторжения во внутренний правопорядок в виде требований о внесении изменений в действующее законодательство, включая указание конкретных положений национальных законов,

²⁵ European Convention on Human Rights (1950, November 4). *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng

²⁶ Case of Broniowski v. Poland (2004, June 22). §129–133. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-61828%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-61828%22]%7D)

²⁷ Case of Sejdovic v. Italy (2006, March 1). *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:\[%22002-3440%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:[%22002-3440%22]%7D)

²⁸ Case of Mammadov v. Azerbaijan (2019, May 29). § 195. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-193543%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-193543%22]%7D)

²⁹ Case of Mifsud and others v. Malta (2020, October 13). § 118–119. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22:\[%2238770/17%22\],%22itemid%22:\[%22001-204991%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22:[%2238770/17%22],%22itemid%22:[%22001-204991%22]%7D)

³⁰ В частности, восстановление в должности судьи Верховного Суда. См.: Case of Volkov v. Ukraine (2013, May 27). Resolution, § 9. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:\[%22001-115871%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:[%22001-115871%22]%7D)

подлежащих ревизии³¹. При этом заявители могут потребовать от суда вынесения оценки адекватности мер, принятых правительствами на национальном уровне, чтобы выполнить судебное решение³². Данная диспозиция дополнительно стимулирует суд выступать уже не только в роли преемника нормотворческой функции за пределами государства (как в случае эволютивного толкования положений международных договоров), но и в роли внегосударственной надзорной инстанции. Естественным, выход за пределы функциональной ниши порождает сомнения в легитимности подобных практик.

Проблемным пунктом здесь является то, что продуцируемое судебным органом понимание прав человека, их номенклатуры и объема существенно разнится с тем, что подразумевалось основателями соответствующих конвенций. Например, ЕКПЧ в послевоенный период и даже в 1990-е гг., когда к ней присоединилась РФ, не предполагала столь свободное судебное толкование, которое характерно сегодня (Mowbray, 2013). В настоящее время суд использует собственное эволютивное и, как правило, максимально расширительное понимание прав человека, т.е. выходит далеко за текст самой Конвенции (Кривенкова, 2020), самостоятельно переосмысливая ее цели.

Подобный дрейф характерен и для других подобных инстанций. В частности, Европейский суд уже достаточно длительно критикуют как орган, открыто действующий в интересах евроинтеграции (Grimmel, 2018, p. 22) и проявляющий в этом процессе заметный политический активизм, далеко выходя за пределы истолкования правовой нормы и даже переписывая ее (Weiler, 2013, pp. 235, 242–246). Примечательно и то, что в рамках судебного процесса возникает возможность преодолеть обязательный для ЕС в принятии ключевых политических принцип консенсуса государств, представленных их правительственными органами.

Неудивительно, что этот аспект деятельности международных судебных инстанций, который идет вразрез с ценностями уважения к конституционной идентичности государств-участников, встречает открытую критику (Öhlinger, 1990, p. 290), в том числе в конституционных судебных инстанциях центра интеграционных объединений³³. Данная критика формирует достаточно устойчивый консенсус о том, что судебные решения международных судов и трибуналов создают отнюдь не прецеденты права, но лишь прецеденты толкования права (Николаев, Давтян, 2018). Однако даже в ситуации конфликта суды сохраняют представление о превосходстве в данной функциональной области, осознанной

³¹ Case of L v. Lithuania (2007, September 11). Resolution, § 5–6. HUDOC – European Court of Human Rights. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/#%7B%22itemid%22:\[%22001-82243%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/#%7B%22itemid%22:[%22001-82243%22]%7D)

³² См., напр.: Case of De Clerck v. Belgique (2007, September 25). § 96. HUDOC – European Court of Human Rights. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22002-2521%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22002-2521%22]%7D)

³³ R (appellants) v the Secretary of State for Transport and another (respondents) (2014, January 22). §170–174. UK Supreme Court. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2013-0172-judgment.pdf>

миссий которого является изменение обществ и управление траекториями их социального и ценностного развития.

Заключение

В совокупности два проблемных паттерна свидетельствуют о радикальной трансформации функциональной роли международных судебных учреждений. Преодоление субсидиарной позиции судами международных организаций выражается в их вторжении в сферы, традиционно являющиеся областью суверенного действия государств, межгосударственной дипломатии или исключительной компетенции национальных законодательных, исполнительных и конституционных судебных органов государств (Гальперин 2020, 46).

Остроту проблемы задает и тот факт, что происходит смена нормативности в деятельности судов, которые согласно своей функциональной специализации должны регулировать споры, руководствуясь юридическими, а не политическими стандартами (Кротов, 2020, с. 33) и тем самым оставаться замкнутыми на применении собственных процедур и функциональных кодов (Grimmel, 2018, pp. 8–10) – права, законности, беспристрастности, нейтральности, что и составляет основу легитимности любого судебного органа (Гальперин, 2020, с. 57). В результате международные судебные инстанции преодолевают свою изначальную специализацию «тонкой» настройки работы общественных систем в собственно правовом процессе и становятся значимым, самоинтересованным и часто агрессивным политическим актором.

Здесь возникает потенциал, способный дестабилизировать всю устоявшуюся систему международного права. Причем это действие имеет двойственный вектор. С одной стороны, способствует становлению одиозного «порядка, основанного на правилах», продвигая интересы претендента на доминирование. С другой – открывает перспективы нормирования внутривнутриполитических процессов внешними инстанциями, которые очевидно не связаны ни представительным характером, ни демократической подконтрольностью, ни, как показывает анализ, даже гарантированной подконтрольностью учредителям. Именно поэтому вопрос о деполитизации как условия преодоления дисфункциональности по крайней мере части подобных инстанций и коррекции их системного статуса деятельности международного правосудия становится одной из центральных проблемных точек современного международного процесса. Значимая часть контекста легитимности международных инстанций правосудия происходит из контекста необходимости соблюдения принципов равенства государств, защиты правового суверенитета и конституционной идентичности государств как общих принципов международной системы.

В этом смысле восполнение ресурса легитимности может быть связано с возвращением инстанций международного правосудия в рамки их исходной функциональной ниши как инстанции разрешения споров. Упомянутая ст. 33 Устава ООН, во-первых, прямо ставит учреждения международного правосудия в ряд иных механизмов разрешения споров, относящихся собственно

к компетенции государств и международных организаций (переговоры, посредничество), во-вторых, наделяет государства по общему правилу возможностью самостоятельного выбора между различными опциями разрешения споров. Концепция усмотрения позволяет государствам рефлексивно учитывать мнение суда относительно режимов и конкретных механизмов защиты норм, прав и интересов во внутреннем пространстве, что предполагает менее обязывающий и скорее рекомендательный характер судебных решений, действующих в рамках международных организаций. Подобная композиция позволяет в полной мере реализовать экспертную функцию судебных учреждений и при этом минимизировать властное измерение в их деятельности.

Проведенный анализ показал, что легитимность деятельности международных судебных инстанций также страдает в результате прямого переноса на них комплексов, характеризующих национальные системы правосудия. На этом уровне окончательность и исполнение решений судебной инстанции являются залогом разрешения конфликта и стабилизации общественных отношений. Однако международная сфера функционирует в иной логике, где организации играют, прежде всего, роль диалоговых площадок и важны именно в этом качестве, открывающем и длительно удерживающем контакт между государствами. В этом смысле нарастание обязательственного характера судебных решений является механизмом, закрывающим коммуникацию. В том случае, если судебное влияние оказывается неприемлемым для государства в идеологическом или ценностном измерении, если оно чрезмерно, политизировано в интересах другого актора или амбиций самого суда, то оптимальным выходом для государства становится разрыв отношений, выход из-под юрисдикции суда и отказ от соответствующих конвенций в полном объеме. Поэтому на международном уровне выполнение правосудием своей функции связано не с окончательностью и принудительностью решений, и судебные инстанции продолжают выполнять важную функцию, даже если не разрешили конфликт, но способствуют процессу его совместного разрешения, поиску общих решений, кристаллизации и согласованию единых норм.

Сегодня, производя ревизию значительного ряда международных конвенций, замораживая или прекращая сотрудничество с организациями, которые утратили свою легитимность, Россия продолжает процесс институционального строительства на международном уровне. Предполагается, что новые институты судебного плана, в том числе аналоги ЕСПЧ, могут появиться на базе ШОС, БРИКС или Евразийского экономического союза³⁴. Учет рассмотренного опыта будет способствовать становлению более функциональных, эффективных и легитимных инстанций правосудия в данной сфере.

³⁴ В России начали создавать альтернативу ЕСПЧ (2022, 2 июня). *РИА Новости*. Взято 30 сентября 2023, с <https://ria.ru/20220602/espch-1792634072.html>

Список литературы

1. Вахрушева, Е. А. (2020). Правосудие переходного периода как концепт и практика: политологический анализ. *Антиномии*, (4), 65–81. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10404>
2. Гальперин, М. Л. (2020). Политизация права или легализация политики? О justiciability и доктрине «политического вопроса» на примере международного правосудия. *Международное правосудие*, (4), 45–58. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-4-45-58>
3. Карпович, О. Г. (2020). Проблемы неисполнения решений Европейского суда по правам человека: теория и практика. *Международное публичное и частное право*, (4), 17–21. <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-4-17-21>
4. Ковлер, А. И. (2016). Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека». *Труды Института государства и права РАН*, (2), 81–88.
5. Кривенкова, М. В. (2020). Непризнание и неисполнение решений международных судебных органов. *Российский судья*, (9), 41–45. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-9-41-45>
6. Кротов, А. В. (2020). Теория политической юриспруденции в западном праве. *Российский судья*, (9), 31–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-9-31-35>
7. Кузнецова, Е. В. (2011). Концепция легитимности в международном публичном праве. В *Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права* (Вып. 11, с. 52–60). Минск: ФМО БГУ.
8. Николаев, А. М., Давтян, М. К. (2018). Исполнение решений ЕСПЧ и МАСПЧ: сравнительный анализ. *Интеграционное право*, (4), 40–46. <https://doi.org/10.12737/art.2018.4.5>
9. Петрова, Е. А. (2018). Источники легитимности международного права. *Российский журнал правовых исследований*, 5(2), 139–144.
10. Azoulai, L., & Rasnača, Z. (2016). The Court of Justice of the European Union as a self-made statesman. In D. Patterson, & A. Södersten (Eds.), *A companion to European Union law and international law* (pp. 166–178). John Wiley & Sons.
11. Conti, J.A. (2016). Legitimacy chains: Legitimation of compliance with international courts across social fields. *Law and Society Review*, 50(1), 154–188. <https://doi.org/10.1111/lasr.12181>
12. Daigle, B., DeCarlo, S., & LaRocca, G. (2019). When trade agreements end: A survey of cases 1949–2019. *Journal of International Commerce and Economics*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.usitc.gov/publications/332/journals/when_countries_leave_trade_agreements_fta_10_8_2019.pdf
13. Fioretos, O., & Tallberg, J. (2021). Politics and theory of global governance. *International Theory*, 13(1), 99–111. <https://doi.org/10.1017/s1752971920000408>
14. Greer, S., & Wildhaber, L. (2012). Revisiting the debate about ‘constitutionalising’ the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 12(4), 655–687. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngs034>
15. Grimmel, A. (2018). Understanding courts in context: On the embeddedness and interaction of judicial bodies in a functionally differentiated world society.

European Review of International Studies, 5(1), 5–27. <https://doi.org/10.3224/eris.v5i1.01>

16. Lake, D.A. (2010). Rightful rules: Authority, order, and the foundations of global governance. *International Studies Quarterly*, 54(3), 587–613. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00601.x>

17. Lall, R. (2017). Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations. *International Organizations*, 71(2), 245–280. <https://doi.org/10.1017/S0020818317000066>

18. Mowbray, A. (2013). Between the will of the contracting parties and the need of today: Extending the scope of convention rights and freedoms beyond what could have been foreseen by the drafters of the ECHR. In E. Brems, & J. Gerards (Eds.), *Shaping rights in the ECHR* (pp. 17–37). Cambridge: Cambridge University Press.

19. Öhlinger, T. (1990). Austria and article 6 of the European Convention on Human Rights. *European Journal of International Law*, (1), 286–291.

20. Pouliot, V. (2021). Global governance in the age of epistemic authority. *International Theory*, 13(1), 144–156. <https://doi.org/10.1017/S1752971920000433>

21. Rixen, T., & Zangl, B. (2013). The politicization of international economic institutions in US public debates. *Review of International Organizations*, 8(3), 363–387. <http://dx.doi.org/10.1007/s11558-012-9158-5>

22. Stephen, M.D., & Zürn, M. (2014). Contested world orders. Rising powers, non-state actors, and the politics of authority beyond the nation-state. *WZB Discussion Paper*, No. SP IV 2014-107. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB).

23. Streeck, W. (2011). The crises of democratic capitalism. *New Left Review*, (71), 5–29.

24. Tallberg, J., & Zürn, M. (2019). The legitimacy and legitimation of international organizations: Introduction and framework. *The Review of International Organizations*, (14), 581–606. <https://doi.org/10.1007/s11558-018-9330-7>

25. Teubner, G. (1998). Legal irritants: Good faith in British law or how unifying law ends up in new divergences. *The Modern Law Review*, 61(1), 11–32.

26. Voeten, E. (2013). Public opinion and the legitimacy of international courts. *Theoretical Inquiries in Law*, 14(2), 411–436. <https://doi.org/10.1515/til-2013-021>

27. Weiler, J. (2013). Judging the judges – apology and critique. In A. Adams, H. de Waele, J. Meeusen, & G. Straetmans (Eds.), *Judging Europe's judges*. (pp. 235–254). London: Hart Publishing.

References

1. Azoulai, L., & Rasnača, Z. (2016). The Court of Justice of the European Union as a self-made statesman. In D. Patterson, & A. Södersten (Eds.), *A companion to European Union law and international law* (pp. 166–178). John Wiley & Sons.

2. Conti, J.A. (2016). Legitimacy chains: Legitimation of compliance with international courts across social fields. *Law and Society Review*, 50(1), 154–188. <https://doi.org/10.1111/lasr.12181>
3. Daigle, B., DeCarlo, S., & LaRocca, G. (2019). When trade agreements end: A survey of cases 1949–2019. *Journal of International Commerce and Economics*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.usitc.gov/publications/332/journals/when_countries_leave_trade_agreements_fta_10_8_2019.pdf
4. Fioretos, O., & Tallberg, J. (2021). Politics and theory of global governance. *International Theory*, 13(1), 99–111. <https://doi.org/10.1017/s1752971920000408>
5. Gal'perin, M.L. (2020). Politizatsiia prava ili legalizatsiia politiki? O justiciability i doktrine “politicheskogo govoprosa” na primere mezhdunarodnogo pravosudiiia [Politicising law or legalising politics? Justiciability and the “political question” on the examples from international justice]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, (4), 45–58. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-4-45-58>
6. Greer, S., & Wildhaber, L. (2012). Revisiting the debate about ‘constitutionalising’ the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 12(4), 655–687. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngs034>
7. Grimmel, A. (2018). Understanding courts in context: On the embeddedness and interaction of judicial bodies in a functionally differentiated world society. *European Review of International Studies*, 5(1), 5–27. <https://doi.org/10.3224/eris.v5i1.01>
8. Karpovich, O. G. (2020). Problemy neispolneniia reshenii ESPCh: teoriia i praktika [Issues of the non-fulfillment of judgments of the European Court of Human Rights: The theory and practice]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, (4), 17–21. <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-4-17-21>
9. Kovler, A. I. (2016). Gosudarstvennyi suverenitet i “suverenitet prav cheloveka” [State sovereignty and “sovereignty of human rights”]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, (2), 81–88.
10. Krivenkova, M.V. (2020). Nepriznanie i neispolnenie reshenii mezhdunarodnykh sudebnykh organov [Non-acknowledgment and non-fulfillment of judgments of international judicial authorities as a right of a state]. *Rossiiskii sud'ia*, (9), 41–45. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-9-41-45>
11. Krotov, A.V. (2020). Teoriia politicheskoi iurisprudentsii v zapadnom prave [A political jurisprudence theory in the Western law]. *Rossiiskii sud'ia*, (9), 31–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-9-31-35>
12. Kuznetsova, E.V. (2011). Konceptsiya legitimnosti v mezhdunarodnom prave [The concept of legitimacy in public international law]. In *Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava* (Iss. 11, pp. 52–60). Minsk: FMO BGU.
13. Lake, D.A. (2010). Rightful rules: Authority, order, and the foundations of global governance. *International Studies Quarterly*, 54(3), 587–613. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00601.x>
14. Lall, R. (2017). Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations. *International Organizations*, 71(2), 245–280. <https://doi.org/10.1017/S0020818317000066>

15. Mowbray, A. (2013). Between the will of the contracting parties and the need of today: Extending the scope of convention rights and freedoms beyond what could have been foreseen by the drafters of the ECHR. In E. Brems, & J. Gerards (Eds.), *Shaping Rights in the ECHR* (pp. 17–37). Cambridge: Cambridge University Press.
16. Nikolaev, A.M., & Davtyan, M.K. (2018). Ispolnenie reshenii ESPCh i MASPCh: sravnitel'nyi analiz [Execution of judgments of the European Court of Human Rights and the Inter-American Court of Human Rights: Comparative analysis]. *Integratsionnoe pravo*, (4), 40–46. <https://doi.org/10.12737/art.2018.4.5>
17. Öhlinger, T. (1990). Austria and article 6 of the European Convention on Human Rights. *European Journal of International Law*, (1), 286–291.
18. Petrova, E.A. (2018). Istochniki legitimnosti mezhdunarodnogo prava [The sources of international law legitimacy]. *Rossijskij zhurnal pravovyx issledovanij*, 5(2), 139–144.
19. Pouliot, V. (2021). Global governance in the age of epistemic authority. *International Theory*, 13(1), 144–156. <https://doi.org/10.1017/S1752971920000433>
20. Rixen, T., & Zangl, B. (2013). The politicization of international economic institutions in US public debates. *Review of International Organizations*, 8(3), 363–387. <http://dx.doi.org/10.1007/s11558-012-9158-5>
21. Stephen, M.D., & Zürn, M. (2014). Contested world orders. Rising powers, non-state actors, and the politics of authority beyond the nation-state. *WZB Discussion Paper*, No. SP IV 2014-107. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB).
22. Streeck, W. (2011). The crises of democratic capitalism. *New Left Review*, (71), 5–29.
23. Tallberg, J., & Zürn, M. (2019). The legitimacy and legitimation of international organizations: Introduction and framework. *The Review of International Organizations*, (14), 581–606. <https://doi.org/10.1007/s11558-018-9330-7>
24. Teubner, G. (1998). Legal irritants: Good faith in British law or how unifying law ends up in new divergences. *The Modern Law Review*, 61(1), 11–32.
25. Vakhrusheva, E.A. (2020). Pravosudie perehodnogo perioda kak koncept i praktika: politologicheskij analiz [Transitional justice as a concept and practice through the prism of political science]. *Antinomies*, (4), 65–81. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10404>
26. Voeten, E. (2013). Public opinion and the legitimacy of international courts. *Theoretical Inquiries in Law*, 14(2), 411–436. <https://doi.org/10.1515/til-2013-021>
27. Weiler, J. (2013). Judging the judges – apology and critique. In A. Adams, H. de Waele, J. Meeusen, & G. Straetmans (Eds.), *Judging Europe's judges*. (pp. 235–254). London: Hart Publishing.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Панкевич, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-1754>, e-mail: n.pankevich@yandex.ru

Information about the author

Natalia Vladimirovna Pankevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-1754>, e-mail: n.pankevich@yandex.ru

ДИСКУРС КОНФОРМИЗМА В ВОПРОСЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: МЕЖДУ РЕАЛИЗМОМ И ЛИБЕРАЛИЗМОМ

Ян Юрьевич Моисеенко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
yan.moisseenko@mail.ru

Получена 17.07.2023.

Поступила после рецензирования 05.09.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Моисеенко Я. Ю. Дискурс конформизма в вопросе международной интеграции: между реализмом и либерализмом // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 162–176. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_162

Аннотация

Противоречивость современного миропорядка наводит исследователей на мысль, что интерпретацию некоторых его проявлений имеет смысл искать не только в традиционных дискурсах. В статье предлагается рассмотреть концепт международной интеграции через призму дискурса конформизма, поскольку комплексно описать сложный процесс интеграция суверенных государств сегодня возможно только в рамках междисциплинарного подхода. Важную роль в разворачивании дискурса конформизма в социологии международных отношений играет теория аксиологического онтологизма. Встав на ее позиции, исследователи получают возможность осуществить транспозицию концепта «конформизм» из сферы социальной психологии в предметную область социологии международных отношений. Этот перенос приводит к смещению смысловой нагрузки самого концепта: в новом прочтении конформизм может трактоваться как склонность государства переформатировать свои ценности, выбирать стратегию поведения на мировой арене вследствие давления со стороны «международного сообщества». Однако важно учитывать, что различ-

© Моисеенко Я. Ю., 2023

ные теории международных отношений дают возможность апеллировать к разным дискурсам конформистской ориентации. По мнению автора статьи, нормативный конформизм больше соотносится с неореализмом, в соответствии с которым субъекты международных отношений склонны включаться в интеграционные процессы в зависимости от конъюнктуры внешней среды, при этом на уровне ценностной ориентации они не готовы поступиться своими интересами ради символического «единства». Дискурс информационного конформизма представляется целесообразным развивать с позиций неолиберализма, который рассматривает субъектов международных отношений, глубинно усваивающих ценности «мирового сообщества» и принимающих его установки через интеграционные практики.

Ключевые слова:

международные отношения, социология международных отношений, международная интеграция, неореализм, неолиберализм, дискурс конформизма, аксиологический онтологизм.

UDC 327.5+339.924

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_162

CONFORMITY DISCOURSE IN THE ISSUE OF INTERNATIONAL INTEGRATION: BETWEEN REALISM AND LIBERALISM

Yan Yu. Moiseenko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
yan.moiseenko@mail.ru

Received 17.07.2023.

Revised 05.09.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Moiseenko, Y.Yu. (2023). Conformity discourse in the issue of international integration: Between realism and liberalism. *Discourse-P*, 20(4), 162-176. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_162

Abstract

The inherent contradictions of the modern world order prompt researchers to seek interpretations for some of their manifestations beyond traditional discourses. The article proposes to examine the concept of international integration through the lens

of the conformity discourse, since it is possible to describe such a complex process of today's integration of sovereign states only within the interdisciplinary approach. The theory of axiological ontologism plays a crucial role in unfolding the conformity discourse within the realm of the sociology of international relations. Guided by this theory, researchers have the opportunity to transpose the concept of conformity from social psychology into the subject area of the sociology of international relations. This transposition leads to a shift in the semantics of the concept: conformity might be interpreted as the inclination of a nation state to reshape its values and change a behavioral strategy on the world stage under the pressure of the "international community". However, it is essential to take into account that different theories of international relations make it possible to appeal to various conformity discourses. According to the author, the normative conformity aligns more with neorealism, since this theory considers actors of world politics to be engaged in integration processes based on the political environment, without being prone to sacrificing their interests for the sake of symbolic "unity". The discourse of informational conformity is advisable to be developed from the standpoint of neoliberalism, which regards actors of world politics as assimilating values of the "international community" and accepting them through repetitive integrational practices.

Keywords:

international relations, sociology of international relations, international integration, neorealism, neoliberalism, conformity discourse, axiological ontologism.

Введение

В современном мире наблюдается во многом парадоксальная тенденция, когда интенсивное развертывание интеграционных процессов не приводит к исчезновению региональных различий или хотя бы сглаживанию значимых противоречий между главными акторами мировой политики – суверенным государствами. Напротив, тенденция, которую принято концептуализировать в терминах глобализации, соседствует с обострением национальной повестки «на местах», ресурсом для чего выступает (зачастую иррациональная) попытка обнаружить в недрах собственной истории ни на что не похожие, тысячелетние традиции. Эта контртенденция описывается уже в терминах глокализации.

Однако противоречивость международной интеграции проявляет себя не только в амбивалентности глобализационных процессов. Парадоксальным образом практика делегировать полномочия по решению общих стратегических вопросов надгосударственным образованиям сочетается с практикой принимать «совместные» решения без участия этих образований, т.е. вне правового поля. Наиболее яркими примерами является наложение санкций на суверенное государство в обход норм действующего международного права, культура отмены, или культура исключения (англ. *cancel culture*), проводимая группой государств

в отношении одного или нескольких суверенных государств, и т.п. Реальные случаи подобного межгосударственного взаимодействия наводят на мысль, что на современном этапе развития социологии международных отношений возникает потребность пересмотреть сам феномен международной интеграции. В частности, интенсификация и необычные проявления интеграционных процессов подталкивают исследователей-международников искать новые интерпретации их философских оснований, в том числе расширяя пределы традиционных для проблематики интеграции дискурсов экономического детерминизма, геополитики, теории зависимости, функционализма или исторически сложившихся культурных связей между странами.

В настоящей статье поставлена цель предложить дополнительный ракурс, с позиции которого осмысление международной интеграции происходило бы на междисциплинарном уровне – на стыке политической онтологии, аксиологии и социальной психологии. Этим ракурсом может стать дискурс конформизма, посредством которого, на наш взгляд, возможна интерпретация некоторых мотивов акторов мировой политики к объединению или заключению союзов против других акторов. Элемент научной новизны видится в выявлении у процессов международной интеграции конформистских оснований, однако невозможно интуитивно перейти к разворачиванию дискурса, связанного с проблематикой конформизма, не осветив методологии, с помощью которой можно осуществить имплементацию этого концепта в предметную область социологии международных отношений. Ведь на первый взгляд у исследователя может сложиться впечатление, что понятия «конформизм» и «международная интеграция» сформулированы на непересекающихся плоскостях, в связи с чем не существует инструментария, с помощью которого можно было бы свести их воедино.

Действительно, если кратко резюмировать историю вопроса, формально концептуализация конформизма проходила на двух уровнях: в рамках социальной психологии и социальной философии. И в том и в другом случае определяющим был личностный фактор, т.е. в фокусе внимания всегда находилось поведение отдельного индивида и комплекс его ценностно-нормативных ориентаций (Андромонов, 2016). Что касается международной интеграции, то она рассматривалась, прежде всего, как экономическая интеграция государств или регионов, которая разворачивается в международно-правовой плоскости, т.е. в этом случае фокус внимания исследователя направлен преимущественно на национальные государства Модерна (англ. *nation states*), которые достигли определенной степени внутреннего национального единства и демонстрируют готовность перейти на следующую, более высокую ступень организации во имя общих с другими государствами целей (Чунихина, Косык, 2015).

Здесь важно принимать во внимание, что в отличие от концепта «конформизм», понятие «интеграция» до сих пор остается довольно расплывчатым (Султанов, 2011). Возможно, это произошло в силу того, что интеграция стала предметом изучения большого числа дисциплин – от геополитики до культурологии, каждая из которых привнесла дополнительные смысловые пласты. Однако исследователи конформизма, будь то социальные психологи

или философы, обращаются к проблематике ценностей, которые меняет индивид под воздействием группового давления (Дюркгейм, 1995). Социологи (и теоретики) международных отношений, изучая природу интеграционных процессов, также выходят на указанную проблематику. Так, в рамках формального контент-анализа ряда документов, лежащих в основании международной интеграции, например, Лиссабонского договора¹, или в ходе куда более комплексных, деонтологических исследований архитектуры международных отношений, где интерпретации союзов между акторами может быть дана с позиций этики И. Канта (Gorshenev, 2018).

Таким образом, вырисовывается общее исследовательское пространство для сведения двух концептов – ценностное, однако по-прежнему необходим некий синтезирующий элемент, который позволил бы нам развернуть понятие конформизма в сфере международной интеграции. Рискнем предположить, что таким элементом может выступить теория аксиологического онтологизма, рассматривающая ценности в качестве фундаментального аспекта бытия – особого феномена, посредством которого проявляются его атрибутивные качества (Худякова, 2010). Предпочтение отдается именно этой теории, поскольку среди известных аксиологических подходов (аксиологический трансцендентализм, нормативизм, психологизм и т.д.) именно она способна выступить «общим знаменателем» для согласования трактовок разных философских направлений.

Основные идеи аксиологического онтологизма развивались в начале XX столетия немецкими философами Н. Гартманом (2008) и М. Шелером (Дорофеев, 2011). Они отстаивали взгляд на развитие индивидуальной личности как имманентного элемента окружающего мира, соответственно, залогом формирования ее ценностной ориентации выступали отношения с этим миром. Даже столь краткое и во многом поверхностное описание этого метода познания человека позволяет сделать вывод о его близости позднему феноменологическому подходу их современника Э. Гуссерля, который получил полноценное развитие в 1920-е гг. в работах М. Хайдеггера (Heidegger, 2001). Феноменологический подход, в свою очередь, важен в философском осмыслении конформизма. Кроме того, его связь с традициями аксиологического онтологизма позволяет создать инструмент для вскрытия проблематики конформизма в поведении национальных государств на международной арене.

Помимо феноменологического подхода, в работе используется дискурсивный метод, ведь речь неслучайно идет о конформизме в сфере международной интеграции. С его помощью, на наш взгляд, можно обнаружить проблематику конформизма внутри дебатов между апологетами различных теорий международных отношений. Важную роль в исследовании играет и структурный функционализм, позволяющий выявить структурные особенности международной интеграции и нивелировать разницу между главным объектом внимания

¹ Барабанов, О. (2021, 21 сентября). *Ценности и интересы в мировой политике*. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Взято 15 июля 2023 с <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsennosti-i-interesy-v-mirovoy-politike/>

в классических исследованиях конформизма (индивидом) и традиционным объектом внимания социологии международных отношений (национальным государством).

Результаты исследования

О теории аксиологического онтологизма. Прежде чем переходить непосредственно к результатам исследования, необходимо пролить свет на связь положений аксиологического онтологизма и феноменологической традиции. В качестве смыслообразующего концепта здесь выступает «жизненный мир» (нем. *Lebenswelt*, англ. *life-world*), с помощью которого Э. Гуссерль описывал предметный мир, окружающий человека и осознаваемый им в повседневном мышлении (Херрманн, 2000). Заметим, что если на уровне гуссерлевского понимания мира еще прослеживалось противопоставление субъекта как источника интенций (направленности внимания вовне) и объекта (окружающей действительности в вещном измерении), то уже в хайдеггеровском концепте «бытие-в-мире» (нем. *In-der-Welt-sein*, англ. *being-in-the-world*) субъект-объектная топика снимается окончательно (Heidegger, 2001). Таким образом, именно «бытие-в-мире» в большей степени подходит, чтобы стать условной точкой отсчета для объяснения «зонтичного» характера ценностей в рамках аксиологического онтологизма. Ценности здесь вырабатываются не каждым человеком индивидуально (как принято полагать в аксиологическом психологизме), но также и не задаются ему извне (на чем настаивает аксиологический трансцендентализм), а становятся результатом закономерного развертывания бытия определенной картины мира.

На наш взгляд, экстраполяция положений аксиологического онтологизма в предметную область теории международных отношений открывает возможность анализа политических процессов с точки зрения реформативности ценностей и установок, традиционно присущих тому или иному обществу, вследствие глобальных изменений в развертывании собственно мир-системы. При этом необходимо учитывать, что основополагающие ценности не исчерпываются фактическим бытием общества в «жизненном мире», т.е. они не могут быть сформированы в одних лишь повседневных практиках. Их пересмотр всегда связан с радикальным, глубинным переключением режима экзистирования *Dasein* между неаутентичностью (нем. *Uneigentlichkeit*, англ. *inauthenticity*) и аутентичностью (нем. *Eigentlichkeit*, англ. *authenticity*) (Heidegger, 1989). Именно в этом моменте обнаруживается выход на интересующую нас проблематику, потому что переключение режима экзистирования – достаточно болезненный процесс, он часто сопряжен с переживанием состояния, которое в социальной психологии описывается через концепцию аномии. Последняя, в свою очередь, непосредственно связана с проблематикой конформизма.

Концептуализация конформизма в области международных отношений. Начало концепции аномии было положено в работах Э. Дюркгейма, тогда как детально обосновал ее значение в контексте социокультурной структуры

общества американский социолог Р. Мертон. Согласно его теории, аномию следует понимать как «распад в культурной структуре, происходящий при условии категоричного расхождения между культурными нормами и социально структурированными возможностями членов группы действовать в соответствии с данными нормами культуры» (Мертон, 2006, с. 283–284). Следствием подобной дезинтеграции социальной и культурной ипостаси жизни общества становится неспособность социальной структуры должным образом фильтровать внешние ценностно-нормативные паттерны. Это ведет не только к дезориентации личности в социальном пространстве, но и к фрагментации ее культурной идентичности, что, в свою очередь, открывает дорогу к конформизму как эффективной стратегии адаптации к неустойчивым, переменным условиям внешней среды.

Представляется, что транспозиция концепта из сферы социальной психологии в область международных отношений может быть осуществлена с двумя результатами – разного масштаба и значения. По меньшей мере может быть предложено определение, согласно которому конформизм трактуется как склонность того или иного субъекта мировой политики изменять ценностную ориентацию и стратегию поведения вследствие реального или опосредованного давления некоего «международного сообщества». При более смелом подходе, что уже претендует на всеобъемлющую интерпретацию феномена, конформизм может выступить в качестве адаптивной стратегии поведения государств на международной арене.

Так или иначе, в этой логике представляется возможным интерпретировать различные классификации конформизма, данные классиками социальной психологии, в том числе С. Ашем, Л. Манном, С. Милграмом (Milgram, 1963). К примеру, Л. Манн предложил классификацию, связанную с глубиной принятия установок малой группы индивидуумом, в нашем случае – субъектом международных отношений, т.е. государством. Дело в том, что при особых обстоятельствах люди склонны подчиняться чужому мнению, даже если очевиден факт, что оно ложно (Копец, 2010, с. 88). Объясняется данный феномен тем, что заведомая ложь, совпадающая с мнением большинства («мирового сообщества»), может быть более выгодна, чем правда, поэтому элиты, определяющие политику государства на международной арене, предпочитают проявлять конформизм.

В подходе Л. Манна разделяются нормативный, или внешний, конформизм (англ. *normative conformity*) и информационный, т.е. внутренний конформизм (англ. *informational conformity*). В первом случае индивид внешне выказывает солидарность с выбором большинства, внутренне же остается при своем мнении (Копец, 2010, с. 395). Такое поведение, как правило, свойственно человеку в ситуациях, когда он стремится избежать критики общественного мнения, при наличии угрозы того, что неодобрение возможно в случае несовпадения позиций респондента с общей позицией группы. Подвидом нормативного конформизма является «корыстный» конформизм (англ. *ingratiational conformity*). Именно в данной версии важную роль играет аспект мотивации, т.е. тех дивидендов, которые может получить индивид, скорректировав свои убеждения или поведение согласно мнению/поведению «референтной группы», нежели просто желание избежать порицания.

Целесообразность исследования конформизма и различных его видов в контексте теорий международных отношений может быть обусловлена тем, что мотивация субъекта к конформному поведению, как правило, возрастает в условиях сочетания двух факторов – неопределенности ситуации и высокой цены ошибки при принятии решения (Zollman, 2008, p. 319). Часто выбор ценностной ориентации во внешней политике как раз обусловлен их обоюдным сочетанием, притом что вес каждого фактора только усиливается в условиях неоднозначной или изменчивой конъюнктуры современной международной повестки. Перед лицом этого выбора элиты, ответственные за принятие внешнеполитических решений, будучи в состоянии аномии, демонстрируют либо нормативную конформность и следуют в своем поведении в фарватере «международного сообщества», либо информационную, что свидетельствует о глубинном усвоении ценностной программы, по законам которой организуется «бытие-в-мире» этого «международного сообщества».

Трактовка конформизма в рамках реалистской и либеральной парадигм.

В социологии международных отношений существуют множество парадигм, опираясь на которые в своем анализе теоретик может обосновать поведение государств на международной арене. Однако наиболее авторитетными по-прежнему являются *политический реализм* и *либерализм*, на рассмотрении которых мы и остановимся в формате данной статьи. Ставится задача изучить их на предмет возможности апелляции к конформизму или, если конкретнее, к различным конформистским стратегиям, на примере заложенного в этих теориях отношения к вопросам международной интеграции, поскольку данный феномен напрямую связан с аспектами подчинения государства неким наднациональным, внешним для него структурам и имеет выраженный социальный характер.

На первый взгляд, феномен интеграции крайне затруднительно исследовать в реалистском ракурсе, т.к. на уровне идеологии классический реализм подразумевает анархию на мировой арене, где суверенные государства («левиафаны») сталкиваются в борьбе за национальные интересы, а легитимность каких-либо наднациональных инстанций не признается (Цыганков, 2023). Получается, что в трактовке реалистов интеграция сопряжена с частичной или полноценной потерей национального суверенитета. Таким образом, государство встает на этот путь недобровольно, вследствие утраты независимости, исполняя волю более сильного актора на международной арене или же будучи им поглощенным. Однако в процессе развития системы мироустройства, а также усложнения дискурса международных отношений классический реализм был подвергнут переосмыслению и в итоге уступил позиции структурному и геополитическому реализму, где интеграционные аспекты уже не игнорируются.

Так, в геополитическом реализме, наиболее известными представителями которого являются Х. Макиндер и А. Мэхэн, принято оперировать концептом «морская держава» (англ. *seapower*), который отличается от классической категории «национальное государство» тем, что привносит в реалистский дискурс структурное измерение (MacKinder, 1951, pp. 30–44). Точкой отсчета внешнеполитической ориентации здесь выступает уже не отдельная единица,

каким было национальное государство в классическом реализме, своего рода коллективный индивид, а особая инстанция – ценности моря, под эгидой которого национальные элиты целостно формируют способ своего бытия-в-мире. Морской фактор играет определяющую роль в плане стратегии поведения на международной арене, это касается и заключения временных союзов, т.е. распределения на «друзей» и «врагов» в духе философии К. Шмитта, а также интеграционного компонента (Schmitt, 2007). Государства, в той или иной степени объединенные морской философией, ориентированы на сближение, в том числе с последующей интеграцией в условную морскую империю под эгидой своих лидеров – Великобритании или США. Схожий анализ интеграционных процессов, но с точки зрения философии суши, дал К. Шмитт, введя концепт «большое пространство» (нем. *Großraum*) и обосновав тем самым зависимость способа экзистирования государства от пространственных факторов².

С позиций структурного реализма, или неореализма, анархическая борьба «государств-левиафанов» в динамике своего развития тяготеет к определенной систематизации. Ярким представителем этого направления можно считать К. Уолтца. С его точки зрения, эта систематизация обычно достигается посредством установления баланса сил (англ. *balance of power*) противоборствующих сторон. Важно учитывать, что системность международных отношений имеет не юридический, а фактический характер. Соответственно, элементы ее структуры, в том числе интеграционную составляющую, следует понимать строго в этой логике – как феномены, но не как заданные свыше нормы. В качестве основополагающей системы тот же Уолтц видел именно биполярный мир в том виде, в каком он сложился во второй половине XX в. (Коньшев, 2010, с. 70). В тот период интеграция в различных своих формах (экономическая, политическая, военная и т.д.) осуществлялась вокруг двух полюсов – СССР и США. Она виделась не только возможной, но и желательной, поскольку способствовала распределению сил между полюсами, а значит, выступала гарантом стабильности и воспроизводства всей системы.

Таким образом, получается, что структурные реалисты признают ценностный приоритет глобального баланса сил и миропорядка над эгоистическими амбициями отдельных национальных государств и анархией в мировой политике. Во второй половине XX в. неореалисты призывали национальные элиты объединяться в два «семейства», каждое из которых строго следует в фарватере политики лидера своей «семьи». С их точки зрения, это была оптимально равновесная интеграционная система, но для нас важно, что с этой точки зрения возможна апелляция к конформизму как стратегии поведения государства на мировой арене: система стремилась не допустить фундаментального пересмотра *status quo* посредством сведения ценностных ориентаций субъектов политики к двум противоборствующим знаменателям.

² Дугин, А. (2014, 28 февраля). Принцип «Империи» у Карла Шмитта и Четвертая политическая теория. Информационно-политический портал «Евразия». Взято 15 июля 2023, с <http://evrazia.org/article/2464>

В рамках этой же парадигмы неореализма, но предлагая обратный взгляд на положение вещей, в качестве апологии тотального конформизма может рассматриваться теория гегемонистской стабильности Р. Гилпина (Gilpin, 1988). Согласно ее положениям, наиболее устойчивой к всевозможным кризисам системой мироустройства является однополярность, подразумевающая всестороннюю интеграцию государств вокруг единственного полюса, в статусе которого политолог видел исключительно США (р. 599). Эта интеграция должна была включать в себя не только торгово-экономические, но политические, ценностно-нормативные стороны бытия, а любая попытка проявления противоположной стратегии, через противопоставление американской гегемонии альтернативных моделей и проектов, рассматривалась как вызов «общемировому консенсусу», чреватый новой глобальной войной за передел сфер влияния.

Что касается либеральной парадигмы, то в отличие от политического реализма в постулатах классической версии либерализма проблематика конформизма может иметь, на наш взгляд, уже не имплицитный, а эксплицитный характер, а теория аксиологического онтологизма позволяет рассмотреть ценностно-нормативную сторону этой парадигмы на предмет выявления полноценной апологии конформизма. Одним из факторов, обуславливающих возможность такого рассмотрения, является убежденность либералов, что авторитет выработанных «международным сообществом» ценностей и норм должен при любых обстоятельствах превалировать над фактической силой материальных ресурсов и технологий, на которые национальные государства традиционно опираются, выстраивая свои внешнеполитические приоритеты, согласно уже рассмотренной реалистской модели. Следствием этого убеждения становится базовый для адептов теории либерализма принцип анализировать как целые структуры международных отношений, так и отдельные происходящие в них события не на основании лишь материально-фактической, объективной стороны ситуации, но с опорой на ценностно-нормативную составляющую, призванную отвечать за мотивацию субъекта международных отношений к тому или иному поведению, в том числе конформному.

Следовательно, процессы интеграции в теории либерализма могут быть органично рассмотрены через призму апелляции к ценностям конформизма. Например, в работах классика этого направления английского политика и теоретика XIX в. Р. Кобдена за его ключевой идеей свободной торговли и призывом к созданию специальных пространств для ее осуществления можно легко обнаружить попытку ценностно-нормативного подчинения ранее суверенных «государств-левиафанов» особой наднациональной инстанции (Cain, 1979). В таком качестве должна выступать экономическая империя нового типа, в роли которой Кобден видел Содружество наций (англ. *Commonwealth of Nations*) под эгидой Великобритании³. Империя призывалась регулировать отношения

³ Davies, S. (2015, January 5). *Richard Cobden: Ideas and strategies in organizing the free-trade movement in Britain*. Online Library of Liberty. Retrieved July 15, 2023, from <https://oll.libertyfund.org/liberty-matters/stephen-davies-richard-cobden-free-trade-movement>

между государствами, ограничивая их суверенитет в принятии политических решений – объявление войн или заключение мира, в обмен на возможности «фритрейдерства», т.е. свободной торговли, гарантировавшей им экономическое благополучие и процветание. В этой логике получается, что государства, которые проявляли конформизм и подчинялись решениям высшей инстанции, принуждавшей их к миру или обязывающей пересмотреть те стандарты своей внутренней политики, что не отвечали «высоким стандартам» английской демократии, в долгосрочной перспективе выигрывали у тех стран, которые отказывались сдаваться Британской империи и интегрироваться в ее структуры.

Другой теоретик классического либерализма Н. Энджел в своей книге 1910 г. «Великая иллюзия» определял международную интеграцию как один из важных этапов в ходе всеобщего замещения повестки мировой политики мировой экономикой (Angel, 2006). Согласно его взглядам, постепенный отказ от националистических амбиций современных государств должен снизить риск развязывания войн и вместе с тем повысить их национальное благосостояние, в связи с чем все государства, выразившие желание приобщиться к прогрессивному курсу, должны постепенно привести свои ценностные ориентации к единому знаменателю. Юридическая сторона осуществления этого транзита ценностей была рассмотрена в том числе в знаменитых «14 пунктах» В. Вильсона⁴ и описании логики становления так называемого мирового правительства (англ. *world government*) теоретиками Дж. Хобсоном и А. Циммерном (Peatling, 2004).

Не столько теоретические, сколько прикладные аспекты интеграции рассматривались либералами-структуралистами и функционалистами. Наибольший эвристический потенциал для рассмотрения проблематики конформизма имеет, на наш взгляд, теория функционализма, разработанная Д. Митрани (Mitranu, 1965). Политолог отмечал, что всеобщему и единовременному интеграционному процессу препятствует разный потенциал и уровень развития участвующих в нем государств, в связи с этим он предложил использовать пошаговую модель интеграции, согласно которой двигателем процесса должны выступать наиболее крупные и авторитетные акторы. Ориентируясь на успешный пример, остальные участники будут двигаться по их стопам, что должно привести к созданию когерентной интеграционной среды, включающий в себе множество акторов. Идеи Митрани были воплощены в модели строительства Евросоюза, где вокруг первичного объединения двух мощнейших и успешных государств Европы – экономического флагмана Германии и политического флагмана Франции – другие государства образовывали некий «периферийный» пояс, принимая «правила игры» референтной группы – франко-германского ядра.

В неолиберальной парадигме (Р. Киохейн, Дж. Най, Дж. Розенау) и теории глобализации (Дж. Боли, Р. Робертсон) можно обнаружить еще больше точек соприкосновения между конформизмом и интеграцией. Последняя носит здесь уже

⁴ *The fourteen points of Woodrow Wilson and the U.S. rejection of the Treaty of Versailles.* National WWI Museum and Memorial. Retrieved July 15, 2023, from <https://www.theworldwar.org/learn/peace/fourteen-points>

не сколько международный, сколько транснациональный характер – взаимодействие смещается с прежнего уровня объединения национальных государств на уровень объединения различных структур общества или даже индивидуумов. Логика этого смещения может быть объяснена тем, что унификация культур и ценностей рассматривается неоллибералами не как перспективный проект (как было в классическом либерализме), а уже во многом свершившийся факт, обсуждать который необходимо в ином ключе – его способов, методов и масштабов развертывания.

В результате в неоллиберальной парадигме дискурс мировой политики как таковой постепенно замещается дискурсом сетевого и информационного общества, ибо во вновь организованной среде границы между народами и нациями становятся условными либо вовсе преодолеваются, теряя свой прежний политический статус. Новые «границы» проводятся уже между теми, кто включился (проявляя конформизм) в глобальную сетевую интеграцию, и теми, кто еще остается за ее бортом, пребывая офлайн.

Заключение

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу, что дискурс конформизма может стать одним из возможных способов интерпретации интеграционных процессов в современном мире, поскольку любой тип конформизма – нормативный, «корыстный» или информационный – является имманентным элементом ценностной составляющей интеграции. Однако подчеркнем, что настоящая работа выступает лишь пробным шагом на пути формирования нового подхода к осмыслению феномена международной интеграции. По этой причине в фокусе внимания были только базовые ракурсы – реалистский и либеральный, с помощью которых нами «вскрывалась» проблематика конформизма. Гипотетически этих ракурсов может быть больше, поскольку существуют и другие теории международных отношений, с помощью которых мы имеем шанс сформировать иной взгляд как на сам феномен интеграции, так и на его конформистские основания.

Реалистская и либеральная парадигмы дают основания апеллировать к различным формам конформизма. Что касается нормативной версии конформизма (в классификации Л. Манна), то на ней может быть основано представление об интеграции структурных реалистов, поскольку по канонам этой парадигмы акторы склонны включаться в интеграционные процессы в зависимости от конъюнктуры внешней среды, от внешних условий зависит и степень их вовлеченности. При этом на уровне ценностной ориентации они продолжают оперировать исключительно реалистскими категориями, т.е. никогда не поступятся суверенитетом и национальными интересами ради некоего символического «единства». Информационный конформизм, связанный с глубинным усвоением ценностной ориентации «мирового сообщества» и принятием его установок через интеграционные практики, коррелирует с (нео)либеральным подходом в международных отношениях, где ценностно-мотивационная составляющая и культурный универсализм превалируют над географическим расположением, исторической традицией и выводимыми из этого фактическими национальными

интересами. В связи с этим конформизм, будучи политической стратегией в своей «информационной версии», делает современное государство фундаментально уязвимым к внешнему воздействию, и следование ему может привести к полной потере суверенитета и национальной идентичности.

Список литературы

1. Андрамонов, Д.К. (2016). Феномены конформизма и неконформизма в контексте «критической теории». *Международный научно-исследовательский журнал*, 43(1), 104–106. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.43.102>
2. Гартман, Н. (2003). *К основоположению онтологии*. СПб.: Наука.
3. Дорофеев, Д.Ю. (Ред.). (2011). *Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы*. СПб.: Алетейя.
4. Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон.
5. Конышев, В.Н. (2010). Американский неореализм о проблеме суверенитета. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6(4), 66–88.
6. Копец, Л.В. (2010). *Классические эксперименты в социальной психологии*. Киев.
7. Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ: Хранитель.
8. Султанов, И.Р. (2010). К вопросу о понятии международной интеграции. *Современная наука*, (1), 150–155.
9. Херрманн, Ф. (2000). *Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля*. Минск: Прописи.
10. Худякова, Н.Л. (Ред.). (2010). *Аксиологические основы поведения человека*. Челябинск: Издательство ЧелГУ.
11. Цыганков, П.А. (Ред.). (2023). *Международные отношения и мировая политика*. М.: Юрайт.
12. Чунихина, Л.Н., Косык, Д.В. (2015). Международная экономическая интеграция: предпосылки и последствия. *Евразийская адвокатура*, (5), 70–74.
13. Angel, N. (2006). *The great illusion*. Toronto: McClelland and Goodchild.
14. Cain, P. (1979). Capitalism, war and internationalism in the thought of Richard Cobden. *British Journal of International Studies*, 5(3), 229–247.
15. Gilpin, R. (1988). The theory of hegemonic war. *The Journal of Interdisciplinary History*, 18(4), 591–613. <https://doi.org/10.2307/204816>
16. Gorshenev, D.S. (2018). Values role in international relations: The Latin American vector. *Manuscript*, (11-2), 249–253. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.15>
17. Heidegger, M. (1989). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
18. Heidegger, M. (2001). *Being and time*. Oxford: Blackwell.

19. MacKinder, H. (1951). *The scope and methods of geography and the geographical pivot of history*. London: Royal Geographical Society.
20. Milgram, S. (1963). Behavioral study of obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67(4), 371–378. <https://doi.org/10.1037/h0040525>
21. Mitrany, D. (1965). The prospect of integration: Federal or functional? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 4(2), 119–149. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1965.tb01124.x>
22. Peatling, G.K. (2004). Globalism, hegemonism and British power: J.A. Hobson and Alfred Zimmern Reconsidered. *History*, 89(295), 381–398. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229X.2004.00305.x>
23. Schmitt, K. (2007). *The concept of the political*. Chicago: The University of Chicago.
24. Zollman, K. (2008). Social structure and the effects of conformity. *Synthese*, 172(3), 317–340. <http://dx.doi.org/10.1007/s11229-008-9393-8>

References

1. Andramonov, D.K. (2016). Fenomeny konformizma i nonkonformizma v kontekste “kriticheskoy teorii” [Phenomena of conformity and non-conformity in the context of “critical theory”]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 43(1), 104–106. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.43.102>
2. Angel, N. (2006). *The great illusion*. Toronto: McClelland and Goodchild.
3. Cain, P. (1979). Capitalism, war and internationalism in the thought of Richard Cobden. *British Journal of International Studies*, 5(3), 229–247.
4. Chunikhina, L.N., & Kosyk, D.V. (2015). Mezhdunarodnaya e'konomicheskaya integraciya: predposylki i posledstviya [International economic integration: Premises and consequences]. *Evrazijskaya advokatura*, (5), 70–74.
5. Dorofeev, D.Yu. (Ed.). (2011). *Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera: uroki, kritika, perspektivy* [Philosophical anthropology of Max Scheler: Lessons, critique, prospects]. Saint Petersburg: Aletejya.
6. Durkheim, E. (1995). *Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method and design]. Moscow: Kanon.
7. Gilpin, R. (1988). The theory of hegemonic war. *The Journal of Interdisciplinary History*, 18(4), 591–613. <https://doi.org/10.2307/204816>
8. Gorshenev, D.S. (2018). Values role in international relations: The Latin American vector. *Manuscript*, (11-2), 249–253. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.15>
9. Hartmann, N. (2003). *K osnovopolozheniyu ontologii* [A foundation of ontology]. Saint Petersburg: Nauka.
10. Heidegger, M. (1989). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* [Contributions to philosophy (of the event)]. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
11. Heidegger, M. (2001). *Being and time*. Oxford: Blackwell.

12. Herrmann, F. (2000). *Ponyatie fenomenologii u Hajdeggera i Gusserlya* [Heidegger and Husserl on the concept of phenomenology]. Minsk: Propilei.
13. Khudyakova, N.L. (Ed.). (2010). *Aksiologicheskie osnovy povedeniya cheloveka* [Axiological foundations of human behavior]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo ChelGU.
14. Konyshchikov, V.N. (2010). Amerikanskij neorealizm o probleme suvereniteta [American neorealism concerning the nature of sovereignty]. *Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS*, 6(4), 66–88.
15. Kopets, L.V. (2010). *Klassicheskie e'ksperimenty v social'noj psixologii* [Classic experiments in social psychology]. Kiev.
16. MacKinder, H. (1951). *The scope and methods of geography and the geographical pivot of history*. London: Royal Geographical Society.
17. Merton, R. (2006). *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST & Xranitel'.
18. Milgram, S. (1963). Behavioral study of obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67(4), 371–378. <https://doi.org/10.1037/h0040525>
19. Mitrany, D. (1965). The prospect of integration: Federal or functional? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 4(2), 119–149. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1965.tb01124.x>
20. Peatling, G.K. (2004). Globalism, hegemonism and British power: J.A. Hobson and Alfred Zimmern Reconsidered. *History*, 89(295), 381–398. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229X.2004.00305.x>
21. Schmitt, K. (2007). *The concept of the political*. Chicago: The University of Chicago.
22. Sultanov, I.R. (2010). K voprosu o ponyatii mezhdunarodnoj integracii [Concerning the concept of international integration]. *Sovremennaya nauka*, (1), 150–155.
23. Tsygankov, P.A. (Ed.). (2023). *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [International relations and world politics]. Moscow: Yurajt.
24. Zollman, K. (2008). Social structure and the effects of conformity. *Synthese*, 172(3), 317–340. <http://dx.doi.org/10.1007/s11229-008-9393-8>

Информация об авторе

Ян Юрьевич Моисеенко, младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Information about the author

Yan Yurievich Moiseenko, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moisseenko@mail.ru

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_177

МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Рецензия на книгу: Богатырева О. Н., Табаринцева-Романова К. М., Ковба Д. М., Филаретова Ю. С. Гуманитарная дипломатия: Цивилизационные и национальные модели / под ред. О. Н. Богатыревой. М.: Аспект Пресс, 2023. 192 с.

Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

Получена 25.09.2023.

Поступила после рецензирования 10.11.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Грибовод Е. Г. Многообразие форм современной гуманитарной дипломатии: опыт интерпретаций // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 177–191. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_177

Аннотация

Глобальная гуманитарная архитектура изменяется под влиянием широкого спектра проблем, чрезвычайных ситуаций, техногенных и природных катастроф. Одной из тенденций ее развития выступает активизация незападных акторов, вносящих значительный вклад в расширение инструментария гуманитарной дипломатической практики. Современные кризисные явления в мировой политике обуславливают необходимость осуществления научным сообществом ревизии базовых подходов и понятийного аппарата международного гуманитарного сотрудничества. Одной

© Грибовод Е. Г., 2023

из таких попыток стала коллективная монография «Гуманитарная дипломатия: Цивилизационные и национальные модели», подготовленная под руководством профессора О. Н. Богатыревой и являющаяся продолжением книги, опубликованной в 2021 г. В настоящей статье проведен критический анализ основных положений работы, в ходе которого выявлено два ракурса исследования современных моделей гуманитарной дипломатии. С одной стороны, авторы рассматривают их через призму многоуровневой структуры дипломатической практики; с другой – стремятся выйти за пределы традиционной исследовательской оптики, выделяя и анализируя цивилизационные аспекты. В рецензируемой работе предпринята попытка охарактеризовать структуру гуманитарной дипломатии в Средиземноморском регионе, Латинской Америке и Карибском бассейне, обозначить основных акторов и ключевые направления гуманитарной деятельности. Отдельная глава посвящена китайской национальной модели. Авторы монографии приходят к выводу, что модели гуманитарной дипломатии формируются под влиянием комплекса факторов: во-первых, историко-культурных, политико-правовых, экономических принципов и традиций; во-вторых, сложившейся структуры предоставления гуманитарной помощи в конкретном регионе и национальных концепций гуманитарной политики.

Ключевые слова:

гуманитарная дипломатия, цивилизационная модель, национальная модель, полимодальная дипломатия, международные отношения, гуманитарное сотрудничество, Средиземноморский регион, Латинская Америка и Карибский бассейн, Китай.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_177

THE VARIETY OF FORMS IN MODERN HUMANITARIAN DIPLOMACY: DIFFERENT INTERPRETATIONS

Book review: Bogatyreva O. N., Tabarintseva-Romanova K. M., Kovba D. M., Filaretova Yu. S. Humanitarian diplomacy: Civilizational and national models / ed. by O. N. Bogatyreva. Moscow: Aspect Press Ltd, 2023. 192 p.

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Received 25.09.2023.

Revised 10.11.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Gribovod, E. G. (2023). The variety of forms in modern humanitarian diplomacy: Different interpretations. *Discourse-P*, 20(4), 177–191 (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_177

Abstract

The global humanitarian architecture has undergone changes influenced by a broad spectrum of problems, emergencies, and both man-made and natural disasters. One of the trends in its development is the activation of non-Western actors contributing substantially to expanding the tools of humanitarian diplomatic practice. Modern crisis phenomena in world politics have underscored the need for the scientific community to revise basic approaches and conceptual frameworks of international humanitarian cooperation. One such attempt is the collective monograph “Humanitarian diplomacy: Civilizational and national models”, prepared under the leadership of Professor Olga Bogatyreva, which serves as a continuation of the book published in 2021. This article provides a critical analysis the main provisions of the monograph and reveals two perspectives on studying modern models of humanitarian diplomacy. On the one hand, the authors examine them through the prism of the multi-level structure of diplomatic practice. On the other hand, they strive to go beyond traditional research optics, highlighting and analyzing the civilizational aspects of humanitarian diplomacy. The book under review attempts to characterize the structure of humanitarian diplomacy in the Mediterranean region, Latin America and the Caribbean, and to identify the main actors and key areas of humanitarian action. One of the chapters discusses China’s national model. The authors of the monograph conclude that national and civilizational models of humanitarian diplomacy are shaped by a complex of factors: firstly, historical, cultural, political, legal, economic principles, and traditions; secondly, the existing structure of providing humanitarian assistance in a specific region and national concepts of humanitarian policy.

Keywords:

humanitarian diplomacy, civilizational model, national model, multimodal diplomacy, international relations, humanitarian cooperation, Mediterranean region, Latin America and the Caribbean, China.

Введение

Современный гуманитарный сектор дипломатии вынужден оперативно реагировать на сложные природные и техногенные катастрофы (например, землетрясение на Гаити в 2010 г., авария на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г., взрыв в Бейруте в 2020 г. и др.), а также чрезвычайные ситуации и вооруженные конфликты локального и международного характера (например, гражданская

война в Эфиопии в 2020–2022 гг., обострение палестино-израильского конфликта осенью 2023 г.). По данным Гейдельбергского института исследования международных конфликтов, количество политических конфликтов за последние годы выросло. Если в 2019 г. зафиксировано в общей сложности 358 конфликтов в мире¹, то в 2022 г. – уже 363, в том числе около 60% насильственного характера². В то же время, несмотря на колебания численности политических конфликтов год от года, можно говорить о их снижении в долгосрочной перспективе. Например, в 2012 г. в мире было зафиксировано 396 конфликтов (насильственных и ненасильственных), что на 8% больше, чем в 2022 г.³

Решение гуманитарных вопросов (борьба с бедностью, защита прав человека и др.), формирование положительного имиджа за счет реализации социогуманитарных проектов (культурных, спортивных, образовательных), выстраивание добрососедских отношений, а также гуманитарная помощь при ликвидации техногенных и природных катастроф – это лишь часть задач, которые приходится решать субъектам международных отношений через инструментарий гуманитарной дипломатии. Согласно Глобальному индексу многомерной бедности, подготовленному Программой развития ООН (ПРООН) совместно с Оксфордской инициативой по человеческому развитию и борьбе с бедностью, в настоящее время в 110 развивающихся странах с общим населением 6,1 млрд человек в условиях «многомерной бедности» живут около 1,1 млрд, причем половина из них (566 млн) – дети до 18 лет⁴. Очевидно, что консолидация правовых, экономических, политических ресурсов для решения гуманитарных вопросов становится одной из приоритетных задач при продвижении гуманитарного вектора дипломатии акторами как на региональном, так и глобальном уровне.

Внимание научного сообщества к гуманитарной проблематике обусловлено, с одной стороны, серьезными изменениями сектора помощи, в частности, его политизацией (Felfeli, 2023, p. 173), с другой – необходимостью рассмотрения принципов гуманизма в связи с «трудностями в (пере)определении гуманитарной идентичности» (Barnett & Weiss, 2008, p. 5).

Как отмечалось в одной из наших предыдущих работ (Грибовод, 2023), интерес отечественных ученых к гуманитарной дипломатии стабильно растет.

¹ Conflict barometer 2019 (2020, March). *Heidelberg Institute for International Conflict Research (HIIC)*. Retrieved September 22, 2023, from <https://hiik.de/conflict-barometer/bisherige-ausgaben/?lang=en>

² Conflict barometer 2022 (2023, May). *Heidelberg Institute for International Conflict Research (HIIC)*. Retrieved September 22, 2023, from <https://hiik.de/conflict-barometer/current-version/?lang=en>

³ Conflict barometer 2012 (2012). *Heidelberg Institute for International Conflict Research (HIIC)*. Retrieved September 22, 2023, from <https://hiik.de/conflict-barometer/bisherige-ausgaben/?lang=en>

⁴ 2023 Global multidimensional poverty index. *Unstacking global poverty: Data for high impact action* (2023, July 11). *Human Development Reports*. Retrieved September 22, 2023, from <https://hdr.undp.org/content/2023-global-multidimensional-poverty-index-mpi#/indicies/MPI>

При этом можно выделить два основных пула исследований. Во-первых, работы, акцентирующие внимание на теоретико-методологических аспектах (Ковба, 2020; Богатырева и др., 2021; Лебедева, 2021; Богатырева, 2022). Во-вторых, труды, посвященные конкретным акторам международных отношений – странам, международным правительственным и неправительственным организациям, реализующим практики гуманитарной дипломатии (Громогласова, 2018; Борзова и др., 2022; Дмитриева, 2022; Кузнецов, 2022).

В настоящей статье предпринята попытка комплексно проанализировать теоретические и практические аспекты данной проблематики, выявленные коллективом авторов в монографии «Гуманитарная дипломатия: Цивилизационные и национальные модели». Статья логически завершает критический обзор (Грибовод, 2023) коллективных монографий по полимодальной гуманитарной дипломатии, подготовленных под руководством доктора исторических наук, профессора О. Н. Богатыревой.

Результаты исследования

Рецензируемая работа схожа по структуре с предыдущей коллективной монографией «Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт» (Богатырева и др., 2021). Она включает главу «Цивилизационное и национальное измерение гуманитарной дипломатии: теория и практика», посвященную теоретическим аспектам гуманитарной дипломатии, и главы, где авторский коллектив⁵ раскрывает особенности сложившейся системы гуманитарной дипломатии в конкретных регионах – Средиземноморье (К. М. Табаринцева-Романова), Латинской Америке и Карибском бассейне (О. Н. Богатырева), а также в Китае (Д. М. Ковба). Отдельно выделена глава по гуманитарной дипломатии России в Сирии после 2011 г. (Ю. С. Филаретова), однако в рецензии мы не будем ее касаться, поскольку данный кейс иллюстрирует лишь одно из направлений гуманитарной дипломатии нашей страны на современном этапе.

Рассматривая теоретические аспекты гуманитарной дипломатии, О. Н. Богатырева стремится, как и ранее, проследить процесс трансформации содержания и инструментов гуманитарной дипломатии на современном этапе развития международных отношений, в частности, обосновать ее полимодальный характер. Выделяются два основных подхода, сформировавшихся в научном дискурсе. Во-первых, *ограниченный подход*, понимающий под гуманитарной дипломатией деятельность Международного Комитета Красного Креста (МККК)

⁵ О. Н. Богатырева – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ); К. М. Табаринцева-Романова – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ; Д. М. Ковба – кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН; Ю. С. Филаретова – ассистент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ.

по пропаганде и распространению международного гуманитарного права (МГП), переговоры по созданию условий для оказания помощи жертвам вооруженных конфликтов. Во-вторых, *экстенсивный подход*, который подразумевает под гуманитарной дипломатией широкий круг задач и механизмов, направленных на регулирование и решение вопросов, связанных с сотрудничеством в целях как развития, так и оказания помощи и защиты населению в чрезвычайных ситуациях (Богатырева и др., 2023, с. 12). Вместе с тем отмечается, что агентами оказания гуманитарной помощи перестали быть только специализированные организации (МККК или учреждения ООН), одновременно с ними к гуманитарной работе подключаются страны, международные организации, интеграционные объединения и др.

При концептуализации государственной гуманитарной дипломатии автором главы предпринята попытка обозначить четыре подхода, сформировавшиеся в российском дискурсе и раскрывающие его содержание. Эти подходы, с одной стороны, позволяют рассмотреть широкий контекст и многоаспектность современной гуманитарной повестки. В частности, вопросы сотрудничества в культурной, научной, спортивной сферах, а также механизмы оказания гуманитарной помощи, защиты прав человека в кризисных и чрезвычайных ситуациях. С другой стороны, выделенные подходы частично пересекаются и дублируют друг друга, что осложняет определение их содержательных рамок. Если первый (сопоставим с ранее рассмотренным экстенсивным подходом, но при этом включает социально-культурное сотрудничество), второй (гуманитарная дипломатия как один из видов публичной дипломатии) и четвертый (гуманитарная дипломатия не существует как самостоятельное направление) подходы четко определены в работе, то третий подход, на наш взгляд, достаточно дискуссионный. В его рамках предложено отделять гуманитарную дипломатию от социально-культурной деятельности. Но в то же время она рассматривается как вектор внешней политики государства, базирующийся на «человеческом измерении» международных отношений и направленный как на развитие и упрочение гуманитарных связей, так и на защиту прав человека, помощь в ликвидации последствий кризисов и чрезвычайных ситуаций (Богатырева и др., 2023, с. 13–14). На наш взгляд, чтобы исключить синонимичность, следовало бы четче обозначить границу между предусмотренным первым подходом социально-культурным сотрудничеством и развитием и упрочением гуманитарных связей в третьем подходе. Завершая теоретический анализ, О.Н. Богатырева на основании исследования практик национальной гуманитарной дипломатии определяет три ее измерения и перечисляет ключевые направления.

В российском и зарубежном академическом дискурсе при рассмотрении отдельных кейсов в большинстве случаев внимание сосредоточено на анализе национальных и (или) региональных форм гуманитарной дипломатии (Громогласова, 2018; Кузнецов, 2022; Дмитриева, 2022). В рецензируемой работе авторы предприняли попытку расширить представление о масштабе измерения гуманитарной дипломатии, выделив в качестве самостоятельного предмета исследования цивилизационную модель. Так, К.М. Табаринцева-Романова пред-

лагает рассматривать ее как «целостную геокультурно-историческую систему, обладающую определенными ценностями и имеющую определенные геополитические интересы» (Богатырева и др., 2023, с. 26). О.Н. Богатырева определяет факторы, которые позволяют очертить контуры современных моделей гуманитарной дипломатии: с одной стороны, культурно-исторические, политические, философские и гуманистические традиции и принципы, с другой – «методы и инструментарий гуманитарной дипломатии, ...восприятие самого термина “гуманитарная дипломатия”» (с. 19).

Переходя непосредственно к моделям гуманитарной дипломатии (средиземноморская, латиноамериканская, китайская), подчеркнем, что подробно останавливаться на анализе компонентов и направлений гуманитарной деятельности отдельных стран не планируется. В настоящей рецензии предпринята попытка кратко рассмотреть особенности и значение данных гуманитарных моделей для современной архитектуры международных отношений. Кроме того, нужно учитывать, подход, которого придерживаются авторы монографии при рассмотрении конкретных моделей. Он или ограничивается экстенсивной трактовкой концепта «гуманитарная дипломатия» – «обеспечение помощи и защиты... и ...содействие развитию» (Богатырева и др., 2023, с. 12), или рассматривает ее в более широком значении как часть публичной дипломатии и инструмент внешней гуманитарной политики по реагированию на международные и региональные вызовы и кризисы различного характера (например, пандемию COVID-19).

Д. М. Ковба считает, что гуманитарную дипломатию можно классифицировать по ряду параметров: масштабу деятельности, типу акторов, целям и задачам гуманитарной работы и др. При рассмотрении современной модели гуманитарной дипломатии отмечается ее многоуровневая структура. Для каждого из трех уровней – глобального, регионального, национального – характерен свой тип акторов, вовлеченных в гуманитарную работу, при этом «участвовать в сетевых отношениях могут все типы акторов» (Ковба, 2023, с. 138).

Несомненный интерес представляет глава монографии, где К. М. Табаринцева-Романова исследует специфику гуманитарной дипломатии в Средиземноморском регионе. В научной литературе его выделение обусловлено, с одной стороны, общим культурным и историческим наследием, географическими особенностями (Окунев, Захарова, 2022, с. 24), с другой – геополитическими характеристиками (Богатырева и др., 2023, с. 27). Обозначается группа параметров (физико-географический, лингвистический, исторический, геополитический, культурный, антропологический, а также средиземноморская диета), позволяющих определять данный регион как самостоятельного игрока. Автор главы подробно рассматривает глобальных и региональных субъектов сектора предоставления помощи и направления их деятельности. В рамках достижения Целей устойчивого развития идет гуманитарная работа через специализированные учреждения ООН и региональные организации, например, Союз для Средиземноморья. Оказание гуманитарной помощи (в частности, решение вопросов, связанных с беженцами) осуществляется при поддержке национальных бюро Международного Комитета Красного Креста и Красного

Полумесяца, а также Суверенного Мальтийского ордена (Богатырева и др., 2023, с. 30–41).

Следует отметить, что при рассмотрении специфики средиземноморской модели гуманитарной дипломатии на национальном уровне автор главы придерживается «европоцентричного» взгляда на Средиземноморье» (Окунев, Захарова, 2022, с. 25), поскольку акцент сделан на анализе деятельности членов Евросоюза – Греции, Мальты и Испании, в то время как проблемная часть региона (Ливия, Сирия, Египет) не затронута. Более того, остался открытым вопрос о цивилизационном характере данной модели. Согласимся, что страны региона объединяет общее историческое и культурное наследие, географические параметры. Однако, на наш взгляд, «лоскутный» характер региона с политической, религиозной и экономической точки зрения не позволяет обозначить его в качестве цивилизационной модели, в лучшем случае – как регионального игрока в глобальной гуманитарной архитектуре. А четко прослеживаемая диспропорция между донорами (страны, входящие в ЕС) и реципиентами гуманитарной помощи (Богатырева и др., 2021, с. 156–161) значительно усложняет поиск единых направлений работы, способных расширить гуманитарную повестку.

При исследовании латиноамериканской модели гуманитарной дипломатии, представленной странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), О.Н. Богатырева подробно рассматривает акторов, которые внесли значительный вклад в развитие гуманитарной политики. Деятельность в этом направлении осуществляется при поддержке как традиционных глобальных акторов, международных правительственных и неправительственных организаций (агентства ООН, МККК), так и региональных институтов, в частности, специализированных структур гуманитарного профиля при Организации американских государств, Союзе южноамериканских наций и др. (Богатырева и др., 2023, с. 62). При этом страны ЛАКБ как национальные акторы вовлечены в глобальную гуманитарную повестку и взаимодействие с мировыми агентами гуманитарного сектора – Советом безопасности ООН, Детским фондом ООН и др.

В главе выделяется ряд эндогенных и экзогенных факторов, которые оказывают влияние на гуманитарную архитектуру региона. Во-первых, крупномасштабные стихийные бедствия (землетрясения, ураганы, извержения вулканов) и природные явления (например, Эль-Ниньо). Во-вторых, вооруженные конфликты, насильственные перемещения людей и политические потрясения: «от разрушения культур коренных народов после европейской колонизации... до войны за независимость в XIX в. и десятилетий партизанских войн в XX» (Богатырева и др., 2023, с. 65). Высокий уровень преступности и насилия, нападения негосударственных вооруженных групп (НВГ) на мирное население в ряде стран («северный треугольник» Центральной Америки, Колумбия, Мексика и др.) влияют на гуманитарную ситуацию в регионе и практики гуманитарной дипломатии. По мнению автора главы, одной из специфических черт латиноамериканской модели можно считать применение переговоров как инструмента гуманитарной дипломатии для смягчения кризисных ситуаций и предоставления «доступа для защиты беженцев, гражданского населения, работников

гуманитарных организаций» от преступных действий НВГ (Богатырева и др., 2023, с. 74).

Рассмотренные факторы оказывают значительное влияние на внутренние и внешние миграционные процессы, в частности, развитие концепции «климатического мигранта или беженца» (Богатырева и др., 2023, с. 70–71). В этой связи региональная гуманитарная политика развивается в нескольких взаимосвязанных плоскостях: правотворческая деятельность по урегулированию вопросов, связанных с беженцами, предоставлением убежища, в том числе политического (с. 68–72), а также с продвижением и защитой прав человека (с. 80–86). О.Н. Богатырева подчеркивает, что единственными международными правовыми документами, которые регламентируют возможность получить убежище на иностранной территории, остаются американские Декларация и Конвенция о правах человека (с. 72). Кроме того, исследователями отмечается вклад стран Латинской Америки, «традиционно относящихся к периферии», в расширение правового поля гуманитарного сектора и развитие региональной международно-правовой школы (Кузнецов, 2021, с. 165–166; Acharya et al., 2021).

Отметим, что латиноамериканская модель гуманитарной дипломатии может претендовать на статус цивилизационной, поскольку складывалась под влиянием общих исторических (колониального прошлого), религиозных, культурных и географических аспектов. По мнению О.Н. Богатыревой, латиноамериканская цивилизация сформировалась под воздействием «культуры автохтонных народов» и «культуры завоевателей и переселенцев» (Богатырева и др., 2023, с. 62). При этом, как отмечает исследователь, данная модель отличается асимметрическим характером, поскольку, с одной стороны, в регионе сформирован правовой каркас по регулированию «норм МГП, международно-правовых институтов убежища и защиты перемещенных лиц», а также ЛАКБ интегрирован в глобальную гуманитарную архитектуру. С другой стороны, гуманитарное и правозащитное сотрудничество и выстраивание эффективного дипломатического диалога осложняются рядом региональных факторов – преступностью, насилием, стихийными бедствиями, вынужденной миграцией гражданского населения и т.д. (с. 96–97).

В целом можно заключить, что латиноамериканская модель гуманитарной дипломатии, представленная в монографии, раскрыта с позиции экстенсивной трактовки концепта. На наш взгляд, было бы интересно расширить представления о реализуемом гуманитарном сотрудничестве в регионе и подробно проанализировать специфику публичной дипломатии. Для достижения этих целей можно порекомендовать дополнительно рассмотреть концепцию испаннизма и проанализировать особенности формирования иберо-американского образовательного и научного пространства (Борзова и др., 2022).

Одной из исследовательских задач, поставленных в монографии, является выявление особенностей национальной модели гуманитарной дипломатии на примере КНР. Как отмечает Д.М. Ковба, интерес к ее рассмотрению, обусловлен, с одной стороны, ростом социогуманитарной мощи страны посредством

инструментария гуманитарного сотрудничества как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в мире; с другой – спецификой китайской гуманитарной помощи и сотрудничества, направленных на смягчение образа Китая в глобальной информационной повестке (Богатырева и др., 2023, с. 107–108).

Автор главы останавливается на анализе исторических этапов развития национальной гуманитарной дипломатии и дискурса, обозначая ключевые политические и экономические факторы, ценностные принципы (невмешательство, равенство, уважение суверенитета и др.), которые заложили фундамент современного института гуманитарной помощи в стране (Богатырева и др., 2023, с. 109–113). Вместе с тем показывается, что китайская модель связана с внешнеполитическим и внешнеэкономическим курсом. Так, в рамках инициативы «Пояс и путь», несмотря на то что она направлена на достижение, прежде всего, экономических целей, «Китай увеличил вклад в гуманитарные проекты в странах вдоль маршрутов “Пояса и пути”» (Богатырева и др., 2023, с. 116). Кроме того, в период пандемии КНР активизировала такое направление своей инициативы, как «Шелковый путь здоровья» (Арсентьева, 2022b).

В рецензируемой монографии выявляется специфика китайской системы экстренной гуманитарной помощи. В частности, определяется ее структура, обозначаются государственные агенты, задействованные в секторе помощи, подчеркивается ее монополистический и институциональный характер. Исключением стали Общество Красного Креста Китая и Благотворительный фонд Китая. Как считает Д. М. Ковба, обозначенная тенденция меняется в связи с тем, что в китайский сектор гуманитарной помощи интегрируются новые акторы (Богатырева и др., 2023, с. 123–124). На наш взгляд, в рамках данного обзора отдельно следовало бы выделить кейс, посвященный гуманитарной дипломатии КНР в период пандемии COVID-19. Однако в рецензии специально останавливаться на этом мы не планируем, поскольку соответствующие китайские практики («масочная дипломатия», «дипломатия вакцин») достаточно подробно проанализированы в отечественной научной литературе (Рогожина, 2021; Арсентьева, 2022a; Медовкина, Мнухина, 2022).

Д. М. Ковба отмечает, что «китайское понимание гуманитарной дипломатии охватывает такие понятия, как “экстренная гуманитарная помощь” как составляющая “иностранный помощи” и “сотрудничество в целях развития”, тогда как увеличение “мягкой силы” страны, формирование положительного имиджа и противодействие представлениям о “китайской угрозе” относятся к области публичной дипломатии» (Богатырева и др., 2023, с. 134). Согласимся, что китайская модель интегрирована в глобальную гуманитарную архитектуру, однако обладает специфическими чертами, обусловленными, с одной стороны, историческими, культурными особенностями и внешнеполитическими факторами (с. 139–141); с другой – совокупностью «хронических внутренних проблем, связанных с авторитарной моделью управления... политикой в отношении этнических меньшинств, использованием инструментов пропаганды» (Богатырева и др., 2023, с. 141). Остается открытым вопрос: сможет ли китайская национальная модель послужить фундаментом для формирования азиатской

цивилизационной модели гуманитарной дипломатии и изменить расстановку сил в глобальной гуманитарной архитектуре?

Заключение

В связи с трансформацией современной системы международных отношений фиксируется тенденция «переоценки эвристического потенциала классических парадигм теории международных отношений», а также вовлечение в глобальный научный дискурс периферийных (незападных) национальных школ и теорий международных отношений (Кузнецов, 2021, с. 163–164).

В рецензируемой монографии «Гуманитарная дипломатия: Цивилизационные и национальные модели» авторский коллектив попытался расширить теоретическое поле концепции, выделив помимо национальных и региональных аспектов цивилизационный ракурс. Особо отметим, что в книге представлены результаты второй части научного проекта, направленного на анализ полимодальной структуры гуманитарной дипломатии (Богатырева и др., 2023, с. 7). Существенным достоинством работы является подробное описание ключевых акторов и особенностей средиземноморской, латиноамериканской и китайской моделей гуманитарной дипломатии, ранее комплексно не рассматриваемых в отечественном дискурсе. В то же время книга носит «мозаичный» характер, представляя собой калейдоскоп авторских исследований, каждое из которых освещает отдельные грани полимодальной концепции гуманитарной дипломатии и опирается на разные методологические основания.

После знакомства с рецензируемой работой остается открытым вопрос о критериях и параметрах ранжирования современных моделей гуманитарной дипломатии. Если национальная (государственная) модель определена в монографии четко, то критерии цивилизационной модели трактуются крайне широко и требуют дополнительного уточнения. Хочется надеяться, что авторский коллектив продолжит научную работу по изучению форм и стратегий международного сотрудничества в гуманитарной сфере. В заключение отметим, что монография будет особенно интересна специалистам в области международных отношений и регионоведения, политологам и историкам.

Список литературы

1. Арсентьева, И. И. (2022а). Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19. *Вестник МГИМО-Университета*, 15(5), 182–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
2. Арсентьева, И. И. (2022b). Курс на здоровье: китайская инициатива «Пояс и путь» в условиях пандемии COVID-19. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 16(1), 101–110. <https://dx.doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-101-110>

3. Богатырева, О. Н. (2022). Гуманитарная дипломатия: современные концепции и подходы. *Международные процессы*, 20(1), 166–191. <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.4>
4. Богатырева, О. Н., Ковба, Д. М., Табаринцева-Романова, К. М. (2021). *Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт*. М.: Наука.
5. Богатырева, О. Н., Табаринцева-Романова, К. М., Ковба, Д. М., Филаретова, Ю. С. (2023). *Гуманитарная дипломатия: Цивилизационные и национальные модели*. М.: Аспект Пресс.
6. Борзова, А. Ю., Волосок, О. В., Николашвили, Н. Д. (2022). Гуманитарная политика Испании в Латинской Америке: особенности и приоритеты. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 22(3), 586–599. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-586-599>
7. Грибовод, Е. Г. (2023). Конфигурация современной гуманитарной дипломатии в системе международных отношений. *Дискурс-Пи*, 20(2), 142–153. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_142
8. Громогласова, Е. С. (2018). *Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования*. М.: ИМЭМО РАН.
9. Дмитриева, В. А. (2022). Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе. *Латинская Америка*, (9), 19–35. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0021271-7>
10. Ковба, Д. М. (2020). Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*, 20(11), 169–174.
11. Ковба, Д. М. (2023). Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, (1), 135–147. <https://dx.doi.org/10.18384/2310-676X-2023-1-135-147>
12. Кузнецов, Д. А. (2021). Латиноамериканская теория международных отношений: глобальное и региональное измерения. *Сравнительная политика*, 12(4), 163–168. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10048>
13. Кузнецов, Д. А. (Ред.). (2022). *Практика современной гуманитарной дипломатии*. М.: Эдитус.
14. Лебедева, М. М. (2021). Гуманитаризация мировой политики. *Полис. Политические исследования*, (4), 76–87. <https://dx.doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07>
15. Медовкина, Л. Ю., Мнухина, Р. М. (2022). Роль «вакциной дипломатии» во внешней политике Китайской Народной Республики. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, (40), 48–55. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.48>
16. Окунев, И. Ю., Захарова, Е. А. (2022). Большое Средиземноморье как макрорегион: опыт пространственного анализа. *Полис. Политические исследования*, (3), 24–37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.03>

17. Рогожина, Н. Г. (2021). Масочная дипломатия Китая в странах Юго-Восточной Азии. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, (1), 73–81. <https://dx.doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>
18. Acharya, A., Deciancio, M., & Tussie, D. (Eds.). (2021). *Latin America in global international relations*. New York & London: Routledge.
19. Barnett, M., & Weiss, T.G. (Eds.). (2008). *Humanitarianism in question: Politics, power, ethics*. Ithaca: Cornell University Press.
20. Felfeli, A. (2023). Humanitarian diplomacy. In F. Onditi, K. McLaren, G. Ben-Nun et al. (Eds.), *The Palgrave handbook of diplomatic thought and practice in the digital age* (pp. 173–199). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28214-0_8

References

1. Acharya, A., Deciancio, M., & Tussie, D. (Eds.). (2021). *Latin America in global international relations*. New York & London: Routledge.
2. Arsentyeva, I.I. (2022a). Transformaciya medicinskoj i vakcinnoj diplomatii v e'poxu COVID-19 [Transformations of medical and vaccine diplomacies in the COVID-19 era]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 15(5), 182–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
3. Arsentyeva, I.I. (2022b). Kurs na zdorov'e: kitajskaya iniciativa "Poyas i put'" v usloviyah pandemii COVID-19 [The route to health: China's Belt and Road Initiative in COVID-19 pandemic]. *Evrazijskaya integraciya: e'konomika, pravo, politika*, 16(1), 101–110. <https://dx.doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-101-110>
4. Barnett, M., & Weiss, T.G. (Eds.). (2008). *Humanitarianism in question: Politics, power, ethics*. Ithaca: Cornell University Press.
5. Bogatyreva, O.N. (2022). Gumanitarnaya diplomatiya: sovremennye koncepcii i podxody [Humanitarian diplomacy: Modern concepts and approaches]. *Mezhdunarodnye processy* 20(1), 166–191. <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.4>
6. Bogatyreva, O. N. Tabarintseva-Romanova, K. M., Kovba, D. M., & Filaretova, Yu. S. (2023). *Gumanitarnaya diplomatiya: Civilizacionnye i nacional'nye modeli* [Humanitarian diplomacy: Civilizational and national models]. Moscow: Aspect Press.
7. Bogatyreva, O.N., Kovba, D.M., & Tabarintseva-Romanova, K.M. (2021). *Mnogostoronnyaya gumanitarnaya diplomatiya: universal'nyj i regional'nyj opyt* [Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience]. Moscow: Nauka.
8. Borzova, A. Yu., Volosyuk, O. V., & Nikolashvili, N. D. (2022). Gumanitarnaya politika Ispanii v Latinskoj Amerike: osobennosti i priority [Spanish humanitarian policy in Latin America: Peculiarities and priorities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 22(3), 586–599. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-586-599>

9. Dmitrieva, V.A. (2022). Osobennosti gumanitarnoj diplomatii Meksiki na sovremennom etape [The specifics of modern humanitarian diplomacy of Mexico]. *Latinskaja Amerika*, (9), 19–35 <https://dx.doi.org/10.31857/S0044748X0021271-7>
10. Felfeli, A. (2023). Humanitarian diplomacy. In F. Onditi, K. McLarren, G. Ben-Nun et al. (Eds.), *The Palgrave handbook of diplomatic thought and practice in the digital age* (pp. 173–199). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28214-0_8
11. Gribovod, E. G. (2023). Konfiguraciya sovremennoj gumanitarnoj diplomatii v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij [The configuration of modern humanitarian diplomacy in the system of international relations]. *Diskurs-Pi*, 20(2), 142–153. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_142
12. Gromoglasova, E. S. (2018). Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennyx mezhdunarodnyx otnosheniyax: opyt sistemnogo issledovaniya [Humanitarian diplomacy in modern international politics: A systemic view]. Moscow: IMEMO RAN.
13. Kovba, D.M. (2023). Gumanitarnaya diplomatiya: osnovnye urovni, aktory i ix motivy [Modern humanitarian diplomacy: Main levels, actors and their motivations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki*, (1), 135–147. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2023-1-135-147>
14. Kovba, D.M. (2020). Gumanitarnoe izmerenie diplomatii: problema kategorizacii i analiz [The humanitarian dimension of diplomacy: The problem of categorization and analysis]. *Vestnik Kyrgyzsko-rossijskogo slavyanskogo universiteta*, 20(11), 169–174.
15. Kuznetsov, D.A. (2021). Latinoamerikanskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij: global'noye i regional'noye izmereniya (Latin American theory of international relations: Global and regional dimensions). *Sravnitel'naya politika*, 12(4), 163–168. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10048>
16. Kuznetsov, D.A. (Ed.). (2022). *Praktika sovremennoj gumanitarnoj diplomatii* [Practice of modern humanitarian diplomacy]. Moscow: Editus.
17. Lebedeva, M.M. (2021). Gumanitarizaciya mirovoj politiki [Humanitarization of world politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 76–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07>
18. Medovkina L.Yu., & Mnukhina R. M. (2022). Rol' «vakcinnoj diplomatii» vo vneshnej politike Kitajskoj Narodnoj Respubliki [The role of “vaccine diplomacy” in the foreign policy of the People’s Republic of China]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya*, (40), 48–55. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.48>
19. Okunev, I. Yu., & Zakharova, E.A. (2022). Bol'shoe Sredizemnomor'e kak makroregion: opyt prostranstvennogo analiza [The Greater Mediterranean as a macroregion: Spatial analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 24–37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.03>
20. Rogozhina, N.G. (2021). Masochnaya diplomatiya Kitaya v stranax YugoVostochnojAzii [The mask diplomacy of China in Southeast Asia]. *Yugo-*

Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya, (1), 73–81. <https://dx.doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>

Информация об авторе

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Information about the author

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуючную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуючные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуючными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
4. **Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательно подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
13. **Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию,

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. **Information about the author**

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitija territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefeter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title</i> , volume(issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov